

Валентин Бубукин

**Вечнозеленое
поле жизни**

Автор книги – Валентин Борисович Бубукин, знаменитый российский футболист, который в начале шестидесятых годов играл в сборной команде СССР, завоевавшей в 1960 году звание чемпиона Европы. Это книга о футболе, его истории и развитии. Это книга о жизни самого автора – спортсмена и тренера, о его товарищах «по мячу», о жизни его поколения. Это книга о нашей стране глазами современника.

Книга написана с юмором, в ней размещены документальные фотографии, ее с удовольствием прочтут все, кто увлекается футболом, кому интересны история спорта и судьбы знаменитых людей.

Литературная запись Игоря Тимашева.

1. Скромность весом в три шестьсот

Родился я 23 апреля 1933 года. Очень легко запомнить. На моем шестидесятилетнем юбилее Анатолий Владимирович Тарасов так обыграл эту дату:

– Из всех достоинств Бубукина следует выделить самое главное – необычайную скромность. Его мама Мария Андриановна говорила, что готова была родить уже двадцать второго, но сын никак не хотел появляться на свет в один день с вождем мирового пролетариата – считал нескромным.

Отец Борис Васильевич работал шофером – возил начальника милиции Москвы и московской области Полукарова. В семье уже было три старших сестры: Ольга, Галина и Людмила. И конечно, отец мечтал о сыне. Когда у мамы подошел срок, ее брат, дядя Паша, будущий мой крестный, забежал к отцу прежде, чем идти в роддом. А тот лежит на кровати и говорит: «Паш, не пойду я, опять девчонка будет, чувствую. Ты, вот что, сходи и, если все же будет парень, возьми закуски, водки, мы с тобой хорошо посидим, а если дочка, то и не надо ничего». Дядя Паша потом рассказывал, что в роддоме настаивал на проверке, действительно ли Мария Бубукина родила парня: «Нет уж, вы посмотрите повнимательней, дело серьезное». Акушерки опять полезли смотреть: «Все точно, – говорят, – мальчик родился: три шестьсот, пятьдесят один сантиметр». Набрал он угощения и дома занес на кухню. Зашел в комнату к отцу, тот только бросил взгляд на пустые руки, голову опустил и отвернулся лицом к стене. «Борис, сын родился!» Отец: «Врешь!» «Иди, посмотри на кухню». Он как ошпаренный прибежал на кухню, а там уже сосед дядя Коля сидит за столом, бутылка, закуска... И впрямь сын родился!

Еще одно предание гласило, что когда меня понесли крестить месяцев через восемь, уже зимой по морозу, я высунул ножку из пеленок. Мама пекла дома пироги и устроила мужчинам по этому

поводу нагоняй. А дядя Паша пророчески заметил: «Что ты кричишь? Ничего с его ногой не будет. Смотри, как шевелит, и не плачет. Точно футболистом будет!» Но это уж, думаю, они приукрасили, учитывая мои успехи на футбольном поле.

Я слышал много таких добрых полушутливых историй от родственников. Может от этой фамильной искренности и доброжелательности и у меня любовь к шуткам и розыгрышам. Семья была простая и дружная. Врезался в память показательный эпизод. В войну, когда мы жили уже на Войковской, немцы подошли совсем близко, подбирались к Химкам. Отец с работы приезжал пообедать, а тут бомбить начинали. Мы запирали рамы и садились пить чай с вареньем. Мама своеобразно успокаивала нас, мол, если убьют, то всех вместе.

В сорок первом родилась младшая сестра Таечка – наша защитница. Так в семье ее называли, потому что, когда стало пятеро детей, все вздохнули с облегчением, отца уже не могли отправить на фронт. Жили, конечно, как и все, тяжело. Сталин не стал эвакуироваться из Москвы, и милиция тоже оставалась здесь при нем. Ольгу отец пристроил в структуру МВД в министерство исправительных лагерей и колоний. А дома все хозяйство держалось на маме. Это была очень мудрая женщина, мы ее и боялись, и уважали. Особо не голодали: держали кур и поросенка. Отец по осени забивал его. Еще отец привозил на зиму из деревни яблоки и складывал их в сундук в комнате, где размещалось четверо младших. На этом сундуке я и спал всю войну. Очень удобно, был как бы хранителем зимней антоновки. Руку запустишь – и вот она.

До сорок шестого года, когда я впервые попал на стадион «Сталинец», футбол для меня был одним из прочих дворовых увлечений. Я вообще рос крепким и здоровым парнем, в отца. Он хоть, к моему огорчению, никогда при мне и не дрался, но силы был недюжинной. Однажды осел домкрат, когда он работал под машиной. Сменщик страшно испугался, но отец отжал «эмку» и держал ее, пока тот подкладывал кирпичи.

Первое футбольное «крещение» состоялось, когда мне было лет семь. Во дворе у Даниловского рынка, где мы жили до войны, большие ребята использовали деревянную помойку в качестве ворот. Меня по большим праздникам ставили в ворота. С гордостью вспоминаю, как после мощного удара мяч попал мне в лоб, как было больно и как я вытерпел. А вот Ольга потом любила напоминать

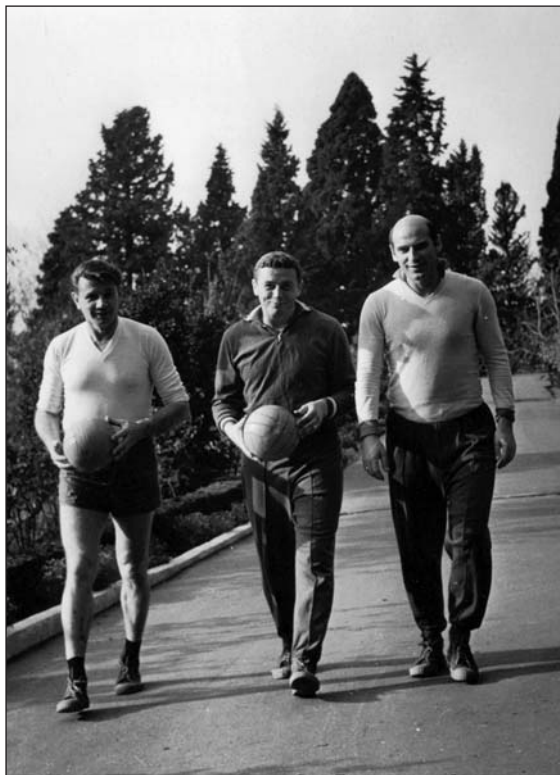
уже заслуженному мастеру спорта, как он после этого удара улетел прямо в помойку. Так что в нашей семье никогда зазнайства не было.

Да и надо сказать, что не один я заслуженный вырос в нашем дворе. Мальчишками носились с Борей Пахомовым, будущим чемпионом мира по современному пятиборью. Этот «бандюган» пользовался моим футбольным «мастерством». Просил меня попасть мячом точно на соседскую грядку. Побежит мяч искать и принесет штук пять морковин за пазухой. Отец у него художник был, красками все время пахло. Лазили с ним на чердак во время авианалетов, все ждали, когда зажигалки попадут, а тут мы – спасители. Недалеко от дома была котельная с большой трубой, так над ней

все время кружил немецкий самолет, пускал трассирующие пули. Немец, наверное, хотел узнать, не заводская ли это труба, пока его не сбили на соседний пустырь.

А в школе мы учились вместе с Владиславом Волковым. Он жил рядом, на улице, которая сейчас носит его имя. В школьной команде он стоял на воротах в красных галошах. Уже позже, когда Владик стал космонавтом, он спрашивал меня:

– Ты не возражаешь, если я в книге напишу, что играл с тобой в футбол?

Слева – Константин Крыжевский,
в центре – Владислав Волков

Встреча с космонавтами. Сочи, 1969 год

– А чего возражать-то? Мы ж действительно играли!

– Ну, ты вроде такой заслуженный?!

– Ничего, – говорю. – Я тоже напишу, что с тобой в космонавты готовился.

А вот насчет того, кто больше заслуженный и знаменитый, это еще «бабушка надвое сказала». Это сейчас многие не знают, кто там летает, тогда же все космонавты были национальной гордостью. В шестьдесят девятом сборная ветеранов СССР играла в Сочи матч с местной командой, а он там после полета отдыхал на Ленинских дачах. Мы неожиданно встретились прямо на футбольном поле – его пригласили для открытия матча, сделать первый символический удар по мячу. Потом пошли гулять по набережной, подходим к кораблю «Украина». Владик вахтенному: «Разрешите, пожалуйста, посмотреть корабль». Мичман ему ответил в том смысле, что лучше бы нам идти своей дорогой. Ну, мы и пошли. А за нами на расстоянии следовало двое приставленных к Волкову людей в штатском. Они подошли к вахтенному и о чем-то с ним поговорили. Возвращаемся обратно, а возле «Украины» стоит капитан корабля навытяжку: «Товарищ Герой Советского Союза! Просим вас посетить наш корабль!» Посетили мы кают-компанию, а по-

сле кто-то самому Каманину доложил, что его космонавты с футболистами пьют. Это, правда, не из-за корабля, а из-за футбола. Посидели мы как-то в теплой футбольно-космической компании, и Владик предложил «вспомнить молодость». Представьте картину: на воротах стоит Герой Советского Союза Волков, пенальти ему бьет Тигр британских морей Хомич, а мячи им подают Бубукин, Крыжевский и космонавт Севастьянов...

Надо сказать, что школу я особо не жаловал. Какая тут школа, когда страна буквально кипит, живет спортом. Как в старых фильмах: идешь по стадиону слева летит волейбольный мяч, справа граната, наперерез прыгун какой-нибудь разбегаются. А в школе – математика... Правда, любил я гуманитарные предметы, особенно историю. Наверное, учитель хороший попался, да и читать интересно было о русских героях – Александре Невском, Минине и Пожарском. А вот партийные съезды мы тогда не изучали. Это уже позже, в команде мастеров, специальный лектор по весне на сборах начинал читать нам курс истории КПСС. И каждый сезон доходил только до третьей главы, до попа Талона. У нас даже примета была такая: как до попа Гапона дошли, значит, чемпионат скоро начнется – история по боку.

К счастью, так получилось, что к улице я не потянулся, хотя был всегда в кругу дворовой шпаны. После войны на завод имени Войкова привозили сабли, тесаки, штыки и прочий металллом в чугунно-литейный цех на переплавку. Мне удалось утащить настоящий военный штык. Отец обработал его, и резал поросят всем, кто к нему приходил. Из одной старой медали я сделал битую для игры в расшибалочку одно из любимых дворовых занятий. Играли на мелочь, но хитрый жулик Юрка по кличке Шмидт «доваривал» до приличных по нашим меркам сумм. У меня же с юных лет было одно ценное качество. Мне не просто нравился процесс какой-либо игры, я получал удовольствие, самостоятельно отрабатывая до автоматизма различные движения. Это касалось и расшибалочки. Так что мелочишка иной раз звенела в кармане.

Еще прилично играл в баскетбол. В начале пятидесятых даже стоял на перекутке, но футбол все же пересилил. Тогда я играл за сборную ГорОНО Москвы по баскетболу центрального. За девушек, кстати, в этой сборной выступали две сестры Еремины. Хочу отметить, что играть в баскетбол очень полезно для футболистов, потому что это противоборство, где практически отсутствует прямой отбор

мяча. «Финты» или дриблинг основаны на искусстве владения корпусом, «ложных уходах» и т. д. Кроме того, у баскетболиста гораздо тоньше развито чувство позиции, а постоянная борьба за отскок это прямой аналог игры на добивание. Скажу больше, современный футбол все больше соответствует баскетбольным принципам ведения игры: быстрый розыгрыш мяча с помощью паса – удар по воротам. Словом, баскетбол мне очень помог на футбольном поле.

Зимой, как и все футболисты того времени, играл в русский хоккей. Тогда в «Динамо» блистал Михаил Иосифович Якушин. Он даже выдумал, как сейчас говорят, своеобразное «ноу-хау» – сделал крюк из дуги лошади. Они разрезали дугу на два крюка, затем в каждый вклеивали камышовую палку. А потом били «хлопом». Есть такой удар в хоккее, когда сверху придавливают мяч, и он оттуда летит пулей. Нам, пацанам, удалось в перерыве одного из матчей на малом поле «Динамо» прорваться к Якушину. Я набрался наглости и попросил Михаила Иосифовича срисовать крюк. Положил газету и обвел клюшку карандашом. Потом мы из толстой двенадцатимиллиметровой фанеры вырезали крюк, зашлифовали напильником, подкладывали резину, заматывали кожей. Даже карточка сохранилась, где я с «якушинским» крюком...

2. Лучший бомбардир с фиксами

Все это я вспомнил для того, чтобы на своем примере попытаться обрисовать типичную обстановку, в которой выросли известные футболисты того времени. Улица, многообразие спортивных интересов, невысокие запросы. Мне довелось потом работать в детских футбольных школах ФШМ и ЦСКА, и воочию видеть отличия в подготовке юношей. Сейчас даже многие журналисты льют воду на нашу мельницу, дескать, футболисты пятидесятых-шестидесятых были чуть ли не во много раз талантливее современных. Все это не так. И нынешнее поколение не менее щедро на таланты. Вопрос в элементарном сравнении условий и методов подготовки. В наше время в школах работали лучшие тренерские силы. Достаточно назвать Бескова в ФШМ, Качалина в «Динамо» и «Трудовых резервах». Они прекрасно понимали, что мальчик созревает для действий на определенной позиции только годам к десяти-двенадцати (года через три-четыре, после того как «пристраслился» к

футболу). Да и приходили к ним уже более-менее техничные ребята, потому что во дворе все время возились с мячом. И после десяти лет в зависимости от физических качеств, техники, цепкости можно было разводить по амплу. Сейчас дворов этих нет. Когда ребята приходят, школьный тренер вынужден с ними заниматься по стандартной методике – жонглирование, обводка стоек, ведение мяча и так далее. А также закреплять его на определенном месте, зачастую не отвечающем его врожденным качествам. Поэтому сейчас и говорят о штампованных игроках. Впрочем, к этой теме мы вернемся позже...

Как я уже писал, в тринадцать лет я впервые попал на стадион «Сталинец» на матч «Спартак» – «Крылья Советов» и буквально ошалел от увиденного. Мы-то играли во дворе на площадке двадцать на тридцать метров, среди кочек и кирпичей. А телевизоров не было. И когда я увидел такое большое и красивое зеленое поле, то единственной мечтой жизни стало выйти на него в составе какой-нибудь футбольной команды.

Тогда же, в тринадцать лет, родители сделали мне царский подарок на день рождения – настоящий футбольный мяч. До этого мы мячи шили из тряпок, они, естественно, не скакали и были по размеру с гандбольные. И начал я самозабвенные тренировки возле дворовой электробудки. На белой стене углем нарисовал ворота и до одури колотил мячи с обеих ног. Особенно нравилось бить по мячу в дождь, когда следы мокрого мяча отпечатывались на стене. Воображал себя Робинотом Гудом с луком и старался попасть след в след.

Трудно сказать, какой из меня получился бы футболист, если бы не дружба с дворником дядей Васей. Сначала он пытался меня гонять за испачканную стену, но затем увидев поистине фанатичное отношение к делу, не выдержал и принес ведро с мелом.

– Разводи, – говорит. – Красить будем.

Закрасим мелом мои удары, и я начинаю заново. А дядя Вася наблюдает, пока стена опять не превратится в живописное полотно.

К тому же периоду относятся и мои первые «сборы», как я их называю, в пионерлагерях МВД. Вообще говоря, удивительно, что практически вся семья работала в милиции, а я миновал общество «Динамо», которое к тому же и находилось не так далеко от дома. Сейчас понимаю, что для родителей мой футбол являлся лишь одним из многочисленных отвлечений от дурных компаний, и всерьез о том, чтобы пристроить меня в какую-ни-

будь футбольную секцию, они не задумывались. Более того, меня целый год принуждали играть на домре в октябрятской школе у Тимирязевской академии. Увы, мои годовичные успехи дальше «Во саду ли, в огороде» не пошли, и мама заставила сдать инструмент. Правда, в школе меня отпускать не хотели, пытались переквалифицировать на треугольник, но я сбежал. Так вот, лагеря. Галя после войны работала заместителем председателя местного комитета управления МВД и имела возможность отправлять меня на три смены в Щербинку. Пионерлагерь находился как бы при колонии заключенных, которых кормили за счет собственного подсобного хозяйства. Разумеется, и у нас вопрос питания был поставлен прекрасно. А что еще нужно: воздух, режим, кормежка, персональный мячик! Я даже на пересменок домой не возвращался. Дружок у меня там был безропотный, так я его по несколько раз в день ставил на ворота в закрытой палатке для танцев и, как сейчас помню, принципиально отработывал удар «шведой». А когда перерос пионерский возраст, на лето устраивался там же помощником физрука и в пятнадцать лет проводил с лагерем физзарядку под баян.

В сорок седьмом году, я наконец-то «вышел в люди». На Войковской был второй стадион «Крылья Советов». Первый был в Тушино – там, где Яшин играл. А наш, второй, стадион располагался за клубом машиностроительного завода, там, где сейчас кинотеатр «Варшава». Он находился в ведомстве оборонного предприятия, выпускавшего ракеты и сверхсекретные авиаприцелы «Звезда». На стадионе базировались две юношеские команды, молодежная и три мужских. Конечно, я и сам хотел пристроиться в команду, но еще меня подгонял дружный хор сверстников, для которых я уже стал футбольным «авторитетом»: «Иди в «Крылья», тебя обязательно возьмут в юношескую, ты же самый лучший во дворе!» С этой фразой я и пришел к тренеру Сергею Николаевичу Шапинскому. Пришел в мае, когда уже начался сезон, и запись закончилась. Он по-простому и говорит:

– Чего пришел? Набор уже сделан.

– Ну и что? Мне ребята сказали, что я лучший во дворе.

– Да? Ну, тогда пошли...

Чрезвычайно преданный футболу человек. Болел за московское «Торпедо». Дал мне три хорошо накачанных мяча и сказал:

– Сделай мне из-за штрафной пять ударов.

Я, честно говоря, боялся, что он заставит меня обводить стойки, и заporю я экзамен. А с ударом у меня все в порядке было. Но поразило другое. Шапинский пошел в ворота, прихрамывая на одну ногу. А когда встал на ленточку, и вовсе отстегнул протез. Инвалидом войны был мой будущий тренер.

Я, конечно, уверенно положил все пять мячей, хотя он и совершал акробатические прыжки на одной ноге, удивительные для инвалида. Шапинский надел протез и только сказал:

– Иди в каптерку, спросишь Сергеева, администратора команды, получишь форму...

И стал я играть по очереди за все юношеские команды на позиции центрального нападающего. Соперникам по четырнадцать-пятнадцать лет, а ворота мужские. Как получу мяч возле штрафной, в сторону чуть откачу и верхом бью с двадцати-тридцати метров. За сезон забивал больше тридцати мячей. А в сорок девятом, по-моему, наколотил аж пятьдесят шесть голов. На стадионе даже выпустили стенгазету с дружеским шаржем – я со здоровенной бутсой на ноге во весь рисунок. Поставили за молодежную, я и там забивал. И тогда уже решили выпускать меня сразу за первую мужскую, потому что она давала больше всех очков в клубную копилку. Было мне семнадцать лет. Пришлось довольно тяжело, потому что били меня мужики нещадно. Но, с другой стороны, с раннего возраста учился отбиваться.

В то время я уже работал на заводе. Последний, седьмой, класс благополучно завершил в вечерней школе рабочей молодежи. Учиться, работать, играть в футбол, баскетбол и бегать за завод восемьсот метров было нелегко. Работал токарем на этом же заводе. Предприятие режимное, за опоздание в пятнадцать минут отдавали под суд. Чуть позже меня спасал от неприятностей сам Василий Сталин.

В сорок девятом году произошло одно из самых главных событий в моей жизни, я познакомился со своей будущей супругой Зоей. Она училась в соседней 201-й школе, за которую я играл в баскетбол. Но встретились мы на танцах. Я не устаю повторять, что благодарен и ей, и судьбе, которая свела нас, потому что полюбила меня Зоя не тогда, когда я стал известным футболистом, а когда еще на заводе работал токарем, и не был обеспечен.

По средам и пятницам в клубе машиностроительного завода играла радиоло. В субботу выступал полузапрещенный тогда жи-

вой джаз. «Радиола» стоила тридцать копеек, «джаз» – пятьдесят. Мать все время выкраивала деньги из семейного бюджета. А если не было, то занимала у соседей, потому что танцы считались культурным времяпровождением. И танцевал я подходяще. В танго у меня пять-шесть переходов было. Вальс, фокстрот, падеграс, падепаданер, «девочка Надя», вальс Бостон, краковяк – все танцы освоил. Лысеть я начал довольно рано, но тогда еще у меня была заливчатая волна на голове. Девчата все не верили, что волосы такие от природы, думали, что завиваюсь. Пришлось один раз облиться водой и продемонстрировать им высохшие кудри. Самым серьезным делом было – правильно на танцы нарядиться. Бедные девушки в любую погоду приходили в нейлоновых чулках. Эти чулки прилипали, у них ноги мерзли, но надо было держать фасон. А у нас обязательно были кепки «восьмиклинки» – из восьми кусков. Вот сейчас все хотят быть крутыми, а раньше все хотели быть блатными. Раз блатной, то никто не тронет. И ходили: сапоги хромовые, обязательно немного «жуковатые» гармошкой, фикс должен быть золотой.

Мы на заводе делали фиксы из латуни и надраивали их до блеска пастой ГОИ. Еще, конечно, нужна была тельняшка, но она дорого стоила. Мы тельняшку в складчину человек на десять-пятнадцать купим, вырежем по куску и пришьем на верхнюю видимую часть рубашки. Так и идем в сапогах хромовых, кепке, тельнике, с двумя фиксами по бокам и улыбаемся в разные стороны, чтобы все видели. Из-за этой чертовой кепки я уши себе зимой отморозил, когда Зою провожал. Опухли, даже вода пошла, но красота требует жертв.

Зоя жила подальше, у санатория «Лебедь», и между нашими домами был небольшой лесок. Возвращался я как-то со свиданки часа в три-четыре утра. Подошли четверо, хотели меня раздеть, но узнали и пропустили. А утром мама мне рассказала, что на том месте ночью троих ограбили. Это, наверное, одна из положительных сторон популярности. Я уже в «Крыльях» был «звездой» районного масштаба, а хулиганами верховодили знакомые по расшибалочке Петька Цыган и Юрка Шмидт. Почему, «наверное»? Да потому что лет через пять я в аналогичной ситуации чуть не попал в довольно неприятную историю.

«Локомотив» отправлялся на матч в Ленинград. Поезд отходил часов в двенадцать ночи. Я выехал за час, сел на двадцать тре-

тый трамвай до Сокола. Вагон полупустой – человек семь-восемь, а у меня с собой было тысячу двести рублей – прихватил, чтобы купить в Ленинграде телевизор КВН. И вдруг с задней и передней подножек заходят по два бандита с ножами и начинают отбирать деньги. Ко мне подошли, и один вдруг и говорит подельнику: «Не трогай, это свой». Болельщиком оказался. Остановки через три они выскочили. У них там своя поделенная сфера действия была – четыре пролета. Как подъехали к Соколу, меня милиция и схватила. Потерпевшие показали, что я чуть ли не наводчик, что их обобрали, а «своего» не тронули. Слава богу, на месте оказался какой-то начальник, посмотрел мое удостоверение, билет, словом, быстро разобрался. Если бы задержали до выяснения обстоятельств, опоздал бы на выезд. А тогда с этим делом строго было...

Так прошла моя юность. В начале 1952 года я не явился на ответственную встречу по баскетболу, потому что в это же время играл за «Крылья». Тренер, Наталья Константиновна, выслушала мои объяснения, и к ее большой чести сказала:

– Да... Я вижу, душа у тебя лежит к футболу. Пойдем.

И повела меня на стадион «Красный Балтиец», на улицу Владика Волкова, где тренировалась команда ВВС...

3. Сталинский сокол

Было это ранней весной, в начале марта. На «Красном балтийце» нас встретил сам Гайоз Иванович Джеджелава – старший тренер ВВС. Он просматривал молодежь перед отъездом на сборы в Сочи. Тренировка проходила в зале, но то ли сквознячок дул, короче, Джеджелава выглядел очень эффектно. В кедах, трусах, гетрах и своем полковничьем кителе. Грузин все-таки, любил показаться. И опять судьба мне помогла, проверяли меня на ударах. Поставили в ворота молодого парня, а Джеджелава взял несколько мячей и стал накатывать с интервалом в две три секунды, чтобы я бил по воротам. Затем удар с полулета, затем с отходом назад и разворотом... Закончился просмотр тем, что я сбил оконную решетку – такую рейчатую, как стеллаж в бане, под душ. Тренер посмотрел на обломки и сказал:

– Ну что ж. Пускай ходит ко мне.

Неделю я посещал вечерние тренировки, потом прибегал домой, поем, посплю чуть чуть и, тоже бегом, на завод в ночную сме-

ну. Через неделю Джеджелава подозвал меня и тихо сказал: «Я тебя беру с собой на юг, на сборы, но если ты кому-нибудь скажешь, то вместо тебя поедет именно он». Я, конечно, был вне себя от счастья. Мне тогда и потом снился кошмарный сон, как на зеленом газоне вдруг появляется здоровая заводская стружка. Вскокивал в холодном поту. Написал заявление, чтобы мне дали отпуск за свой счет на месяц по семейным обстоятельствам. Так бы не отпустили: режимное предприятие.

Дней через десять, явился, как и было велено, в так называемое здание Варшавского договора на Ленинградском проспекте, где была резиденция Василия Сталина. Собралось много народу, но, к своему ужасу, я не увидел Джеджелавы.

Начальник политотдела открыл собрание и представил Всеволода Михайловича Боброва как нового старшего тренера команды. Гайоза Ивановича Василий Сталин освободил. В Сочи должны были поехать шестьдесят человек, включая основной состав. Мы как-то сразу сошлись с Толей Исаевым. Он был такой же молодой и скромный, в военной гимнастерке и яловых сапогах, его только что призвали в армию с завода «Красный пролетарий». Сели вместе и стали слушать Боброва. Он зачитывал списки тех, кто через день отправлялся на сборы. На пятидесятой фамилии мы уже разуварились во всем. И вдруг в последней десятке звучит: «Исаев, Бубукин!». Да еще и в одном купе.

Место для сборов было выбрано прекрасное – среди гор, прямо на аэродроме для пограничных кукурузников. Жили тут же в военной гостинице. Прямо на взлетной полосе были нарезаны поля для каждой команды. Полеты не прекращались и во время тренировок, так что ворота были сделаны разборными, и как стрелнет зеленая ракета, все бежали готовить полосу для приземления. Я, Володин, и Исаев хватали перекладину, кто-то боковые штанги. Самолет зарулит – дают отбой, мы снова – стойки в лунки, и поехали.

Тренировались очень много и тяжело. Со вторым составом работал Щербаков Иван Иванович. Раньше он играл полузащитника, и поговаривали, что был порядочным лентяем, филонил на тренировках. А если ленивому человеку дать в руки команду, он уж отрывается «за себя и за того парня». Основной состав уже завтракает, а мы все пресс качаем. Я, кстати, на самом деле, очень ему благодарен за большие нагрузки, потому что переносил их легче, чем

другие, что давало дополнительную уверенность. В город отпускали по субботам. Да нам, собственно, и выйти-то было не в чем. Благо, тогда в командах была такая дружелюбная обстановка, что «основные» Сережа Коршунов и другие – свободно давали нам «на выход» свои летные кожаные куртки. Им полагалась форма как инструкторам первой и второй категории.

И вот недели через две начались контрольные игры. Вся нервотрепка заключалась в том, что после сборов в команде должно было остаться только двадцать восемь человек. Перед каждым матчем играющий тренер Всеволод Михайлович называл состав дубля, запас к нему, запас к «основе» и, наконец, основной состав. Те, кого не упомянули, собирали вещи и вечерним поездом отправлялись назад в Москву. Естественно, каждое утро, когда происходила такая перекличка, мы с Толей дрожали от страха. Особенно я, потому что его-то с самого начала несколько раз выпустили в стартовом составе. Каждый день отчисляли по несколько человек. И вот в один из дней я не услышал своей фамилии. Внутри все упало – целый месяц вкалывал до седьмого пота, а теперь не видать мне большого зеленого поля стадиона «Сталинец»... От обиды практически ничего не слышал, только увидел радостное лицо Исаева и почувствовал, как он хлопает меня по плечу. Это казалось настолько невероятным, что я просто отключился до того, как огласили одиннадцать главных фамилий. Я выхожу в стартовом составе на встречу с куйбышевскими «Крыльями»! Левым краем! Справа играют Волков и Федоров инсайда. Центральный нападающий – Сережа Коршунов, и рядом со мной Бобров!

В первом же моем дебютном матче вышла довольно комичная ситуация. Дело в том, что авторитет Всеволода Михайловича был столь высок, что практически не было такого игрока, который не отдал бы ему пас на бобровское «Дай!» И в хоккее, и в футболе. И дело не в какой-то боязни, просто партнеры знали его манеру: он мельтешил, делал вид, что устал, но вдруг мгновенно взрывался, и не отдать ему в этот момент преступление... Только не для такого молодого и зеленого, как я. В один из моментов я всем корпусом показал ему, что буду играть в стенку, он даже двинулся навстречу, защитник поймался на движение, я легко обвел его, вышел к воротам и ударил. Мяч попал в штангу, отскочил прямо на голову Боброву, который и добил его в сетку.

Вечером на разборе Всеволод Михайлович выступил с речью:

– Вы представляете, молодые до чего дошли! Меня как бутато-рию использовал! Я с ним пошел в стенку играть, а он только ручкой махнул! Хорошо я гол забил, а то бы!...

Шутил, конечно, старший тренер. Он полюбил нас с Исаевым и относился к нам очень бережно. После того как стало ясно, что мы попали в заветное число двадцати восьми, я пришел к Боброву и говорю:

– Всеволод Михайлович, все, мне петля!

– Что такое!

– Да уже должен быть на заводе. Под суд отдадут!

А тут первенство начинается, мы в Тбилиси играли девятого мая. Говорю, меня в Москве посадят, потому что я взял за свой счет. Кто же знал, что все так хорошо сложится и я не вернусь. Бобров при мне позвонил лично Василию Сталину и расписал меня яркими красками – молодой, способный и так далее. Тот ответил: «Пусть не беспокоится, решим вопрос, призовем в армию». В Москву мы вернулись в середине мая, и, когда я пришел на завод, там уже были в курсе дела, даже смотрели на меня уважительно. Им позвонили аж из аппарата Василия Иосифовича и сказали, что Бубукин призывается в Вооруженные Силы. Написал заявление об уходе и вот с той поры считаю себя профессиональным футболистом.

Через два месяца подзывает меня Бобров и говорит:

– Слушай, у тебя же семья большая, сестер много, токарем ты работал, а деньги тебе, что, не нужны?

Я так наивно и отвечаю:

– Нужны. А что?

– Да ничего. Ты же в штате команды. У тебя уже за два месяца зарплата лежит.

Вот это да! Выдали мне три тысячи рублей, по полторы за месяц. А отец за баранкой получал тысячу двести. Когда пришел домой, вся семья пила чай. Я достал деньги из кармана и эффектно высыпал большие, как лопухи, купюры прямо на стол. Мать чуть «кондратий» не хватил, она побледнела и стала причитать: «Сыночек, ничего нам не надо! Иди, отдай обратно, где взял!». Подумала, конечно, что это я с дворовым ворьем связался. Ну, я уговаривать, успокаивать, что платят мне честно, за футбол, – все равно не верит. Говорит Ольге: «Иди на Войковскую, звони в команду». Там на трамвайном кругу стояли телефонные будки. Как сейчас помню

телефон Боброва: 157-28-2. Дозвонились до Всеволода Михайловича, и из трубки донеслось:

– Кто такая? Бубукина? Что-то с Валентином случилось? Ольга ответила, что Валя принес большие деньги, а в семье подозревают, что они краденные.

– Не краденные. Все правильно, и передайте своей маме, что, если он будет играть в основном составе, получит высшую категорию и будет получать за две тысячи...

Самые теплые воспоминания пятидесятилетней давности связаны с базой ВВС в Марфино. В сорока километрах от Москвы по Дмитровскому шоссе бывшее графское поместье Орловых-Паниных переоборудовали в санаторий для летчиков. Это была вотчина Василия Сталина. В центральном особняке, где в свое время останавливался царь, теперь отдыхали простые советские генералы. Мы же жили на псарне, но тоже шикарно. А в княжеском доме оборудовали столовую, где нас кормили как на убой. Посредине великолепного озера был островок, так там для отдыхающих играл оркестр. Сталин-младший привез из Германии специальный перекидной мост. Словом, Швейцария. Под тренировки определили бывшее картофельное поле, сравняли, поставили ворота. Генерал Василий иногда приезжал на своем кабриолете. Когда он гнал по Дмитровскому шоссе, милиция была в ужасе и только успевала перекрывать движение. Личного шофера по кличке Боцман он сажал рядом и проделывал путь от Москвы до Марфино минут за пятнадцать.

Личных встреч у меня с сыном вождя не было, а от его «коллективных» чудачеств мне особо не доставалось. Один раз, правда, после поражения в Риге наш «Дуглас» неожиданно посадили в Подольске. Командир экипажа говорит:

– Вылезайте! Есть приказ командования, что вы должны до Москвы добираться своим ходом.

Олег Маркович Белаковский взмолился, мол, у меня больной, оставьте хоть его. А капитан:

– Вы что хотите, чтобы меня вообще сняли с работы?

И вот мы все как один в спортивных костюмах с фибровыми чемоданами стоим вдоль шоссе, голосуем. Когда на следующий день пришли всей командой в штаб на разгон, он разговаривал с отцом по телефону. Посмотрел недобро на нас и говорит в трубку: «Да, товарищ Сталин. Вот собрал соколов сталинских, вчера про-

играли. Хотелось, чтобы вы сказали несколько слов капитану команды». Подошел Костя Крыжевский. Целую минуту только «А...» да «А...», и стоял белый, как смерть. Потом положил трубку: «Он мне сказал: товарищ Крыжевский, сталинские соколы прославляли себя в Великой Отечественной войне. Передайте команду, чтобы не позорили память героев, старались играть».

А вообще на Василия Иосифовича обижаться было нельзя. Он человек-то добрый был. У него никогда не было наличных денег, они ему были и не нужны. Он даже иногда займы брал у Боброва, Шувалова. Зато подарков – куча. Понравилось ему, как Костя Крыжевский вынес мяч из пустых ворот, он ему и говорит:

– Езжай на склад конфискованных вещей, выбери себе ковер посолиднее. Или еще чего, что понравится.

Больше неприятностей доставил нам его врач. У Василия был оспа или лишай какой то, никак не могли вылечить. Дело дошло до того, что ему где-то нашли знахаря. Такой здоровый мужик, чем-то похожий на Распутина, мясистый, неопрятный. Отзывался на фамилию Шумм. Он, к нашему несчастью, вылечил Василия. Сталин, конечно же, уверовал в чудодейственную силу народной медицины и прикрепил его к команде. Было дело, Толя Исаев потянул голеностоп. Шумм осмотрел его и заявил: «Завтра будет играть». Собрал коровьего дерьма, трав каких-то, насыпал все это в ведро и долго варил. Потом быстро опустил палец в кипяток и одобрительно кивнул головой – мол, хорошее средство. Взял Толину ногу, засунул ее в ведро и еще телом навалился, чтобы тот не вырвался. Исаев орал благим матом, а когда ногу вытащил, она вся волдырями покрыта. Неделю не мог играть, даже когда сам голеностоп прошел. Еще этот Шумм представился массажистом, хотя бумаг у него никаких не было. Массировал он плохо и больно, но раз Василий Сталин привез этого гения, приходилось подчиняться. У Шумма была плохая память, и он вывесил график массажа основного состава. Приходишь к нему, он спрашивает: «Фамилия»? Отвечаю: «Крыжевский». И вот он месил меня, пока Костя в ванночке парился. Исаев делал за Коршунова, за Федорова. Мы, молодые, шли на плаху за «стариков».

Вообще, и в наше время был авторитет «старослужащих». Но «футбольной дедовщиной» я бы это не называл. Я ведь выше уже писал, как «старики» нас без проблем одевали на прогулку по Сочи. С самого начала Виктор Жарков, «дядька», вежливо объяснил,

что на нас лежит обязанность следить за мячами. Приносить, накачивать, после игры собирать в сеточку, относить посушить в котельную, вазелином или глицерином намазывать, чтобы мягкие были. «Вы, – говорил, – не думайте, если попадете в «основу» – придут другие». Без всякой обиды. А позже в «Локомотиве» и за водкой бегали. Помню, после игры в Киеве Забелин, Рогов и другие играли в гостинице в преферанс и послали Юрку Ковалева за бутылкой. А Рогов вдогонку крикнул: «Только давай без лифта, а то вдруг застрянешь – водку не принесешь». А когда меня послали на вылазку, как назло Зоя позвонила. Она работала на телефонной станции, имела возможность по межгороду разговаривать. Подошел Женя Малов и нашел что сказать: «Позвони чуть попозже, он за водкой побежал». Она мне в Москве устроила эти походы.

А уж когда нам молодым давали бутсы разбить... Раньше бутсы шили так. У каждого были свои колодки. Брали государственные бутсы, неделю играли, они растягивались, потом натягивали их на колодку кожа высыхала, на кожаную подметку набивали фибру а на нее – двенадцатимиллиметровые шипы. И бутсы уже не разбивались, целый сезон в них играли. Разнашивать бутсы давали молодежи. Ко мне как-то раз подошел сам Бобров, посмотрел на ноги и спрашивает: «Какой у тебя размер?» – «Сорок первый». А у него и так проблемы были с ногами. Немного внутрь, коленки Х-образные. Дал он мне свои бутсы: недельку поиграть – разбить. Так я за счастье почитал, хоть и ноги все намял.

Бобров был вообще моим кумиром. Выдающийся, добрый человек. Об этом много написано. Собственно, бобровскую доброту в последнее время противопоставляют тарасовской жесткости и рисуют их чуть ли не врагами. Я был не просто близок с обоими, а даже дружен. Особенно это важно в случае с Анатолием Владимировичем, которого многие считают замкнутым, порою деспотичным человеком без чувства юмора. Он действительно тяжело шел на контакт, но в узком доверительном кругу позволял себе даже такие шутки:

– Анатолий Владимирович, как стать таким великим тренером?

– Очень просто. Неважно с кем ты в постели – с женой или любовницей, – все время думай о новом футбольном упражнении.

Так вот, Тарасов прекрасно понимал, ценил и восхищался гением Боброва. Мы вместе хоронили Всеволода Михайловича, и на поминках Тарасов, не склонный к высокопарным фразам, сказал:

– Я не видел такого великого человека, который смог бы достичь подобных высот и в хоккее, и в футболе. И вряд ли страна увидит такого еще лет сто.

У Боброва все время занимали деньги. У него и у Виктора Шувалова. Они были богатыми и безропотно давали. Летчикам полагались унты и зимние кожаные куртки. Шувалов деньги носил в унтах, чтобы карманники не сперли, лез в эти унты и спрашивал:

– Когда отдашь?

– Двадцатого.

Он записывал в блокнотик. И если принесешь деньги двадцать первого, больше никогда не получишь. Сказал бы до тридцатого, он бы так и записал, но чтобы точно в срок. А Бобров ничего не записывал. Мы потом соседями были, он помог мне с квартирой. Раз прихожу к нему домой. Он говорит: «Давай шампанского». Сидит Миша, его маленький сын, и Лена Боброва кормит сына кашей из ложки. Она ему:

– Миша, сколько папа денег получает?

У того рот полон каши:

– Много!

– А сколько маме дает?

– Мало!

Бобров кипятится, но смеется: хватит вам, вдвоем насели!

Шутки шутками, а я видел как Всеволод Михайлович не жалел кровные фунты на угощение друзей, у которых и у самих валюта была в кармане. Это впервые я был с ним не то что на одной ноге, но, по крайней мере, не на разных полюсах. В пятьдесят седьмом году меня взяли на усиление ЦСКА в турне по Англии. И в баре за виски постоянно расплачивался Бобров. А я тогда, хоть и был уже обладателем кубка, ходил за ним по пятам и хотел быть во всем похожим на него. Он ратиновое пальто купил за пятнадцать фунтов, и я себе такое же. Он присмотрел для Саниной шубу, и я в том же отделе Зое заказал. Кепку шил, как у него.

В шестьдесят первом я пришел к нему в ЦСКА. Он сам попросил:

– Валентин, я тебя взял когда-то молодым, сделал из тебя футболиста, а теперь хочу выиграть чемпионат Союза. Помогите.

Его собирались назначить главным после Григория Пинаичева. Мне тут же присвоили звание прапорщика, а назначение так и

не прошло. В Главпуре отвели по каким-то причинам, за какие-то моральные проявления. А я остался военным...

За ВВС я отыграл, естественно, один сезон, по большей части в дубле, но первые футбольные впечатления прочно врезались в память. Хорошо помню, как играл Виктор Тихонов, наш заслуженный хоккейный тренер. Это был правый защитник, «сделанный из кремня». Работоспособный, дисциплинированный, очень жесткий в отборе. Правда, он тоже в основу никак не мог прорезаться. И когда нас расформировали, он предпочел хоккей. Тогда как раз началась некая «перестройка», негласно не поощряли совмещение видов, чтобы ведущие спортсмены не «разрывались».

Об Анатолии Исаеве уже немало написал. И хотя позже мы даже претендовали на одно место в сборной, у нас и тогда, и сейчас сохранились близкие дружеские отношения. Он до сих пор смеется, когда я ему по телефону говорю «а-ля монтре». Дело было так. Вторым тренером в ВВС кроме Щербакова был хоккейный партнер Боброва Евгений Бабич. Он тоже относился к нам с симпатией и, видя, что мы стараемся держаться вместе, посоветовал:

– Когда мы играли в тройке – я, Бобров и Шувалов, – у нас были специальные словечки. Крикнет что-нибудь Бобров, а я уже знаю какую комбинацию играть, куда пас отдавать. И вы также договоритесь.

А я то ли в фильме каком услышал, то ли сам ляпнул: «а-ля монтре». Что это означало – невдомек (как потом выяснилось, ничего не означало – бессмыслица), но Толя смеялся до упада. Ну, я ему и предложил: «Давай, когда ты с мячом, если я крикну это, ты не глядя оставляешь мне пяткой назад». На том и порешили. А Бабич не забыл и после спрашивает:

– Ну что, придумали чего-нибудь?

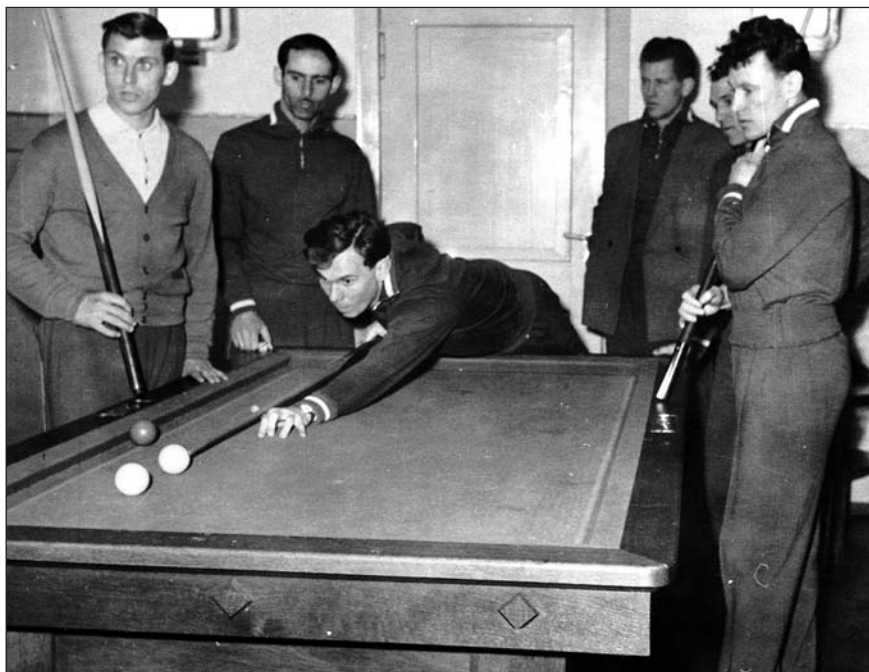
– Да! Чтобы Толя пяткой мне скинул, нужно крикнуть «а-ля монтре»!

– Какую, так вашу, «монтре»!!! Ты пока кричать будешь, у тебя и «монтре», и «а-ля» утащат, и ноги вместе с мячом оторвут!

Но все равно прижилось, только «а-ля» выкинули...

В 1952 году, после хельсинской олимпиады, расформировали ЦДСА. А в феврале пятьдесят третьего мы находились на сборах там же, в Сочи. Была тренировка, и вдруг по аэродрому бегут люди в штатском и кричат: «Срочно прекратить тренировки, умер Сталин!». В мае месяце участь ЦДСА постигла и нашу ко-

манду. Мы с Исаевым попали в МВО. Но на поле так и не вышли, поскольку в «город Калинин» собрался весь цвет армейского футбола. Николаев, Нырков, Гринин... Человек сорок-пятьдесят. После шестого тура расформировали и МВО. Приказ 148-й, по-моему: «Уволить в запас такого-то и такого-то...» Кто не хотел увольняться, поехали в команды окружных домов офицеров (ОДО). В Одессу, Тбилиси. Пока и до туда не докатилась волна гонений. О происках Берии много написано, а мне было всего двадцать лет, и особых волнений я как-то не испытывал. Мне даже не дали дослужить срочную службу. Приехали «купцы» из разных команд. Толю Исаева забрал Старостин в «Спартак», а меня «приглядел» Николай Сергеевич Разумовский. В прошлом известный вратарь, обладатель первого Кубка СССР, начальник команды «Локомотив». Затем он был первым директором «Лужников», его сын Витя играл вместе со мной правого края. Так я оказался в «Локомотиве» у Аркадьева.

На сборах в Немчиновке

4. Почетный железнодорожник

Борис Андреевич Аркадьев – величайший тренер не только в масштабах Советского Союза, но и в мире. Но как это часто бывает, его идеи на Западе оставались неизвестными, а у нас его зачастую не понимали. Говорили, что он витает в облаках, какие-то у него заоблачные прожекты. Спустя какое-то время выяснилось, что он шагал семимильными шагами. Например, авторство тактической системы катеначчо принадлежит Эленио Эррера, который использовал ее в «Интере» и дважды в середине шестидесятых выигрывал Кубок европейских чемпионатов. С точки зрения общей психологии оборонительной игры это так, а вот позицию свободного защитника – «чистильщика» или «либеро», ключевую в защитной схеме игры, – десятью годами ранее предложил Аркадьев. В «Локомотиве» на этом месте успешно играл Ваня Моргунов.

В пятьдесят. седьмом г, оду на чемпионате мира в Швеции бразильцы ошеломили всех новой тактической схемой «4–2–4». Четверка нападающих – Пеле, Гарринча, Вава, Загало – разорвала все сборные с крупным счетом (кроме, кстати, сборной СССР и Уэльса). Команды тогда играли еще по «дубль-вэ». Три защитника, два полузащитника, два инсайда и трое нападающих. Четвертого форварда бразильцев, такого, например, как Пеле, оставлять одного было смерти подобно. Соответственно, из середины поля выдергивали дополнительного защитника. А эти вещи не проходят, что называется, «с листа». Тем более против таких исполнителей. Бразильцы наделали переполох и стали чемпионами мира. Когда мы вернулись домой, то сверху пришел приказ, предписывающий всем командам играть по системе «4–2–4». Приводили в пример и венгров начала пятидесятых. Но ведь Борис Андреевич еще в конце сороковых годов сформировал в ЦДКА великолепный атакующий квартет: Гринин, Федотов, Бобров и Демин. Бобров, хоть и не числился тогда нападающим, не выполнял оборонительных функций. И если отходил назад, как позже Пеле, то его держали, на него приходилось «разменивать» чистого защитника.

На Олимпиаде в Финляндии в пятьдесят втором году наша сборная применяла традиционную тактику «дубль-вэ», и последствия поражения от югославов известны. Как мне рассказывали армейцы Юрий Нырков и Валентин Николаев, да они и сами писали, если бы Аркадьеву предоставили полную свободу, то результат был

бы иным. До этого на уровне клубных команд ЦДСА уверенно обыгрывал «Партизан». Как бы там ни было, футбольный мир узнал о расстановке с четырьмя форвардами от венгров, которые и стали тогда олимпийскими чемпионами.

Кроме того, уже в те годы Борис Андреевич выдвигал идею комбинированной обороны – сочетания персональной защиты с зонной. Тогда упор делался на персональную опеку. И некоторые тренеры использовали так называемого «фальшивого» форварда, который уводил за собой приличного защитника в середину. Аркадьев старался избегать такого неравноценного размена.

Тем не менее после пятьдесят второго года Аркадьева лишили работы и даже книги его запретили. В «Локомотив» Бориса Андреевича пригласили не менее грозный, чем Берия, Лазарь Каганович и министр путей сообщения Борис Бещев. Борис Павлович тоже был большим поклонником футбола, имел всего на один орден Ленина меньше, чем маршал Жуков, и проработал на посту министра в итоге почти тридцать лет. Они заявили, что берут Аркадьева на поруки, что армия железнодорожников сплоченная, он в рабочем коллективе обязательно исправится и еще принесет пользу советскому футболу.

Борис Андреевич был одним из первых тренеров, считавших физическую готовность футболистов важнейшим условием успеха, и давал им большие нагрузки. Когда он набирал игроков, обязательно сначала отдавал новичков в руки врачей. Те всесторонне осматривали, делали пробы. И, надо сказать, что цель таких осмотров разительно отличалась от общепринятой. Как любил шутить сам Аркадьев, ему не подходил лозунг «техничный, хороший, но надо гальванизировать труп». Он приводил в пример лошадей. Есть лошади-фавориты, и есть- рекордсмены. Фаворит всегда находится в движении, участвует во всех соревнованиях. А рекордсмена кормят, поят, массируют, клизму делают, потом ставят на старт, он бьет рекорды и возвращается в стойло.

– Вы должны, – говорил Аркадьев, – походить на фаворитов, которые на протяжении всего сезона борются за победу.

Я-то, когда пришел, был двадцати лет отроду, к тому же команда у нас была отнюдь не звездная, многих побед добивалась за счет хорошей физики. Поэтому воспринимал нагрузки как само собой разумеющееся. Но каково было позже узнать, что он также «муштровал» свой великолепный ЦДКА. Там кроссы бежал впере-

ди всех Валентин Николаев с секундомером, также как я в «Локомотиве». А большинство футболистов страшно ругались, особенно те, которые нарушали: Демин, Федотов. Аркадьев же тонко чувствовал момент и отвечал на «нарушения» удвоенной нагрузкой. Рассказывали даже, что иной раз на предложение пропустить по рюмочке некоторые говорили:

– Куда там! Аркаша завтра замучает нас!

Фраза, конечно же, покрепче. Мне это не грозило, я целиком отдавался футболу. Делал гимнастику даже после игры в лесу на Войковской. Более того, я изучил своих соперников на позиции, знал, кто из полузащитников выпивает, и с подачи Аркадьева поступал, как сейчас кажется, довольно жестоко. Волтузил по всему полю, делал рывки, ускорения. Один футболист (не буду называть его имени) как-то раз даже взмолился:

– Бубука, прекрати, у меня семья, дети, помру же на поле. В общем, хватало их минут на семьдесят-восемьдесят. Как говорил Аркадьев: «Валентин, твои меха позволяют заставить любого игрока в Союзе и за рубежом минут за двадцать до окончания игры прекратить свое существование на поле». У меня объем легких был как у пловца – семь тысяч двести. Только два человека могли со

Матч «Локомотив» – «Динамо»

мной соревноваться – это Витя Царев, и Коля Синюков. Тоже были выносливые, носились со мной от начала до конца. Так что, в Хосте на сборах кросс до Сочи и обратно я бежал впереди команды. А Аркадьев ехал сзади на клубном автобусе, следил и еще прикрывал, чтобы машины не наехали. Позже писали про знаменитую «тропу смерти» Лобановского в Ялте. У нас тоже были «тещин язык», «тягуны», и преодолевали мы их не гладким бегом, а с прыжком на третий шаг. Были и чистые кроссы на двенадцать километров.

Даже на выездах в пути Борис Андреевич не позволял нам расслабляться. У нас был свой вагон тридцать восьмого года выпуска. У каждого – персональная койка. Вагон прицепляли к удобному для нас поезду. Если он приходил в Киев, допустим, в шесть утра, нас это не волновало. Вагон вместе с нами отгоняли на запасные пути, и мы продолжали спать часов до девяти. А потом к вокзалу подавали автобус, и мы направлялись в гостиницу – свежие, готовые тренироваться. Так вот, если поезд останавливался больше, чем на двадцать минут, Аркадьев отправлял нас на пробежку по шпалам или по какой-нибудь дорожке – минут семь туда и обратно. Тогда электропоездов не было, в паровозы воду заправляли. Мы как прибежим радостные, «коллеги» машинисты сразу открывают кран, и выливают на нас ушат холодной воды. А один раз во время длинного перегона тренер Владимир Иванович Горохов запустил нас по вагону. Комплекс упражнений в движении: бегаем туда-сюда по вагону, высоко поднимая бедро.

Поразительно, но настоящий фанатик физических нагрузок Борис Андреевич был очень эрудированным и интеллигентным человеком. Он вместе с братом заканчивал Художественную академию в Москве и прекрасно рисовал сам. Когда мы приезжали в Ленинград, он водил нас по музеям, показывал картины, объяснял какие-то тонкости. Однажды в Русском музее остановил нас возле знаменитой картины Брюллова «Последний день Помпеи» и задал задачку: найти нечто нереальное на этом полотне. Мы во все глаза смотрели, искали, двадцать два человека ни фига найти не могли – рама, картина, краски, Помпея. Он сам же и ответил:

– Посмотрите, кругом пепел, все грязные, а патрициев чистеньких несут в белых туниках.

В пятьдесят пятом году, перед отлетом в Индонезию, он укоризненно говорил:

– Я знаю, вы, барахольщики, едете за барахлом. А я возьму краски, карандаши и буду делать зарисовки.

И стоит отметить, что он всеми силами пытался привить нам не только футбольную тактическую грамотность, но и художественный вкус. В Азию летели ночью, все спали. И вдруг нас будит какой-то неземной Аркадьев.

– Друзья мои! – кричит. – Посмотрите, какой восход солнца!

Мы испуганно протираем глаза, смотрим в иллюминатор, а там действительно из моря выплывает эта розовая махина.

Мы же все были дети войны. Пришли по большей части от станка – у кого семь классов, у кого и того меньше. Кто-то пропускал, вообще не учился. А он даже матом никогда не ругался. Многих игроков называл на «вы». «А вы, молодой человек, допустили грубейшую ошибку. Я вам говорил не бросаться, а вы...». И все равно мы находили общий язык: не потому, что он опускался до нашего уровня, а благодаря тому, что мы неосознанно тянулись за ним. Я слышал, в принципе, от него матерные слова, но в стихотворной форме. Он утверждал, что это строчки его любимого поэта Александра Блока. Так это или нет – не знаю, но звучало красиво и дерзко. У него всегда был под рукой томик Блока, правда, один и тот же. И каково же было влияние этого человека, что мне, выросшему среди расшибалочки и заводских стружек, пятьдесят лет назад навсегда врезались в память строки:

*Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели,
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.*

С пятьдесят третьего года я начал играть за дубль «Локомотива». Основная команда плелась в хвосте таблицы, а дубль был очень мощный. Виктор Соколов, Юра Ковалев, Артемьев, Климачев. Мы редко проигрывали двусторонки основному составу. И начиная с пятьдесят четвертого года Борис Андреевич решил провести обновление команды. Многие ребята были на сходе: Игорь Петров, Лагутин, Мачулин, Ивашков. Дело не обошлось без скандалов. Часть игроков написали письмо в министерство путей сообщения, обвинив Аркадьева в недостаточном клубном патриотизме. Ему приписали слова «Эту старую «локомотивщину» я выжгу каленым железом». Но это

цветочки по сравнению с обвинением в космополитизме. Аркадьеву припомнили брошенную фразу что немецкий приемник «Телефункен» – один из лучших в мире, у нас таких нет. Я был свидетелем, когда его вызвали на ковер и спросили:

– Борис Андреевич, что у вас там с этим «Телефункеном». Вы так говорили?

– Да. Говорил. Но они опустили следующую фразу. Я сказал, что лучше советских ученых в мире нет, что мы сделаем приемник в сто раз лучше, чем этот «Телефункен». Это я говорил?

Всем ничего не оставалось, как согласно кивать головой, обвинение отменили. Да и главного недоброжелателя Бориса Андреевича, Берию, к тому времени уже расстреляли. Началось обновление, и меня стали подпускать к основному составу. Осенью в одном из решающих матчей в Харькове с одноклубниками, аутсайдерами, я забил решающий гол в ворота Уграицкого. Сыграл на опережение, получил кулаком по затылку, но вместе с командой остался в высшей лиге. Всему основному составу подарили по черному сервизу на двенадцать персон. До сих пор где-то одна чашка стоит.

Любопытно, как я ощутил себя полноправным членом основного состава. Не по игре – голы я давно забивал, – а по признанию «ветеранов». Раньше организованного питания на выезде не было. На сборах нам давали суточные: три рубля пятнадцать копеек – и крутись, как хочешь. Можешь добавлять свои деньги и питаться шикарно, а можешь голодным ходить. Мы, молодые, – Соколов, Ковалев и я, – завтракали и обедали в столовой. Кашки возьмем, сметаны, в обед брали суп, салат – что есть. А «богачи» из основы ходили в ресторан. В Баку, например, приезжаем – они люля-кебаб идут поесть, осетину жаренную. В Тбилиси – шашлык, рыбу заливную. И вдруг мне говорят:

– Молодой, пойдешь с нами обедать.

Я из скромности отказываюсь, хотя и приятно. Говорю, не заслужил еще такого уважения. А в полузащите играл Женя Лядин, по кличке «Профессор», впоследствии заслуженный тренер СССР, дважды приводивший юношескую сборную к победе в турнире УЕФА в конце шестидесятых. Он мне и заявляет:

– Заслужил, не заслужил, а обедать пойдешь. Ты забиваешь мячи, а нам с выигрыша больше платят. Значит, ты стал приносить деньги в копилку, в дом. Поэтому твои калории наше общее достояние. Ты затрачиваешь энергии четыре-пять тысяч кало-

рий за матч. А в столовой питаешься на три тысячи. Так что мы будем следить за твоей нормой.

Помню, первый раз пришли, у меня чуть пузо не лопнуло. Они заказали заливное, затем солянку мясную, затем шашлык из осетрины на вертеле. Еще кофе и мороженное. Я так вообще никогда не ел. Со сбора, в зависимости от посещаемости, мы получали до тысячи рублей, а в Тбилиси, Ереване, стадионы всегда были полные. Счет за эти «калории» честно делился на всех. Иногда, бывало, после победы они коньячку с собой тайком возьмут, шампанского. Я-то не пил, но с меня все равно вычитали мою долю за спиртное. Потом пивка попьют, а мне, как ребенку, – ситро.

Вообще по вышеназванным причинам спиртным особо не злоупотребляли. Но после побед могли себе позволить тайком от интеллигентного Аркадьева. Его вежливая ирония продирала почтище любого крика.

Однажды сидели в привокзальном ресторане в Минске. А для конспирации сказали официанткам:

– Девочки, принесите водки в бутылках из-под «Боржоми». И вдруг заходит Аркадьев, садится, смотрит меню. А мы делаем вид, что утоляем жажду, потягиваем «Боржоми», как воду, в прихлебочку. Потом, только он отвернется, скорей набивать себе рот – закусывать. Две бутылки «Боржоми» на шесть человек. К Борису Андреевичу подходит официантка, и он ей совершенно искренне заказывает «Боржоми». А ему отвечают, что нет в продаже. Тогда он говорит нам:

– Ребят, пить очень хочется, налейте стаканчик, а то у них кончилось.

Мы не успели опомниться, как он ахнул полстакана. Хорошо, культурный человек – не стал полный наливать. И когда глаза перестали бешено вращаться, участливо так спрашивает:

– А почему же вы не закусываете?

Ну все, думаем. Километров пятнадцать нам на завтра обеспечено.

Футболисты в плане отдыха и веселья похожи на крестьян. Те играли свадьбы и устраивали общие застолья после Покрова, как урожай соберут, и у нас серьезные мероприятия намечались после окончания сезона. Двадцать второго декабря пятьдесят пятого года мы поженились с Зоей. Еще раз повторюсь, что мне несказанно повезло. Она сначала была прекрасным другом, потом прекрасной

женой, затем стала прекрасной матерью. А сейчас отличная бабка, внуки ее больше всех любят.

Про ее качества хозяйки я и не говорю. Лет десять назад у нас был совместный проект с режиссером Алексеем Габриловичем. Коротенькие развлекательные телесюжеты под общим названием «На кухне у Бубукина». Ветераны за чашкой чая вспоминали казусы и просто веселые истории из своего футбольного прошлого. Планировалось, что показывать их будут по пять минут в «Футбольном обозрении». Несколько передач вышло, а затем, к несчастью, Алексей умер. В мою обязанность, кроме непосредственно предоставления кухни, входило приглашение гостей. И как по заказу: договариваюсь с Тарасовым или с Никитой Симоняном, а они меня в первую очередь спрашивают:

– Зоина фирменная рыба под маринадом будет?

И только потом, между делом, интересуются, о чем пойдет речь.

Когда меня призвали в ВВС, мы два года не виделись, пока Павлушка Мякишев, заводской друг, не сказал мне, что встретил ее и она очень мной интересовалась. Назначил свидание, и вот с той встречи зимой пятьдесят четвертого года мы уже не расставались. А через год, перед поездкой в Канаду, я ей довольно оригинально сделал предложение.

– Зоя! Больше всего в жизни я люблю тебя и футбол! Без вас я жить не могу. Если ты не будешь говорить «опять этот футбол», «опять ты уезжаешь», тогда я делаю предложение.

Она согласилась:

– Не буду.

Деньжат я подкопил на книжке, чтоб от семьи не отрывать пять тысяч. У нее в комнатах на Войковской устроили свадьбу человек на шестьдесят-семьдесят. Пригласили всю команду, с женами, у кого были. Разумовский с супругой Людмилой Алексеевной пришли. И тут уж водку в бутылки из-под «Боржоми» не переливали. По тропинке от троллейбуса к дому гуськом двигалась целая демонстрация. На улице незнакомым людям соседи сразу говорили: «К Бубукину на свадьбу это туда». А холодно было. Помню, много холодца поставили, так он замерз, как лед. Теща бегом к соседям, печку топить, холодец размораживать...

Команда наша была крепким середняком, однако часто говорили, что у «Локомотива» нет слабых мест. Сказать, что у нас кто

то один решал судьбу матча, убегал в одиночку, забивал сумасшедшие индивидуальные голы нельзя. Все друг друга дополняли. Витя Соколов играл впереди, он занимался только забиванием мячей. У него не было особо поставленного удара, как, например, у Виктора Ворошилова, который хорошо резал, но забивал всем, чем угодно. Потрясающее чутье было. У меня второй результат за всю историю «Локомотива». Я играл хава и поражал ворота, в основном, с дальних ударов. Как Аркадьев говорил: «Валентину надо время отвести ногу, чтобы его гаубица выстрелила».

В пятьдесят пятом году меня отметили уже на союзном уровне, и не кто-нибудь, а «старый знакомый» Михаил Иосифович Якушин. Он тогда тренировал вторую сборную в Новогорске на базе своего московского «Динамо» и в усиление приглашал только троих: армейцев Валю Емышева и Иосифа Бецу и меня.

С ним у меня тоже были прекрасные отношения, хотя его характер, не в пример аркадьевскому, отличался колкостью. Любил он подковырки, и многие обижались. Я же всегда исходил из принципа, что для нормальной работы в любом коллективе, необходимо воспринимать людей такими, какие они есть. Это особенно потом помогло – строить первоначальные отношения с Тарасовым.

Михаил Иосифович лучше всех, кого я знаю, разбирался в чисто игроцких тонкостях. Если Борис Андреевич был богом тактической и функциональной подготовки, то Якушин до мельчайших деталей расписывал плюсы и минусы соперника, вплоть до того, какой подсечкой мяч подрезать, как корпус поставить и какие финты использовать.

Например, в пятьдесят восьмом в Швеции мы смотрели за тренировкой бразильцев. Они на тренировках начали чудить. Нападающий играл в защите, защитник в нападении, Пеле и вовсе в воротах стоял. Но Якушину эти чудачества были до лампочки. Ему достаточно было только скоротечного наблюдения, чтобы по манере определить возможности футболиста и его истинную позицию. Он, даже не зная некоторых игроков, сразу говорил:

– Этот высокий парень будет полузащитником играть, с хорошим дриблингом.

Когда он давал установку, все было предельно точно. У него даже макет поля был не магнитный, как у всех, а на булавочках. Было в этом что-то фатальное. Пришпандорит тебя булавкой к своей стратегической идее, и никуда не денешься.

Позже, в пятьдесят девятом году, мы с ним работали в первой сборной, он тренировал нас всего в одном матче одной восьмой финала Кубка Европы против венгров. На установке он и говорит:

– Будешь играть против Божика. Он превосходит тебя в технике, тактике, опыте...

– Чего ж я играть-то буду, я уже все проиграл!

– Не все. У тебя меха семь тысяч двести, ты его должен затаскать, чтоб его тошнило. Только не бойся его. Когда мячик у нас, смело отрывайся, метров на сорок-пятьдесят.

В том матче меня признали одним из лучших футболистов обеих команд. Не только не дал Божик сыграть, но убежал от него, прошел по левому флангу, отдал пас назад Войнову и Юра забил гол. Как по заказу, потому что Крошич, вратарь, перед матчем в интервью сказал, что очень боится Войнова. Юрка ему и зафигачил, чтобы в следующий раз не боялся.

А колкость Якушина, может, от того и происходила, что не все понимали его чувство юмора. Когда в девяностом на «Динамо» отмечали его восьмидесятилетие, вручили ему почетную грамоту. Михаил Иосифович так радостно и поблагодарил:

– Спасибо большое! Вижу, вижу, Советская власть еще существует!

В пятьдесят шестом я стал мастером спорта. Для меня, между прочим, это была высочайшая заслуга. Дело в том, что в командных видах спорта получить это звание либо очень просто, либо необычайно трудно. По положению, команда должна была занять место в пятерке. Спартаконцы, динамовцы, – игроки клубов лидирующей группы, получали мастера легко в общей куче и особо им не дорожили. Другое дело «Локомотив», который в то время выше шестого места не поднимался. Я набрался смелости и подошел к Аркадьеву:

«Локомотив» выехал за границу...

– Борис Андреевич, я мастер или нет?

– По игре, ты уже два года как мастер спорта.

– Ну а как же получить звание, что, команду менять?

– Не надо ничего менять. Очень просто. Попади в тридцать три лучших игрока Союза и получишь мастера. Команда проигрывает, все у нас встают, а ты продолжай двигаться и бороться. Обязательно попадешь.

Я так и стал действовать, и приятно вспомнить тон прессы, например, после матча с «Торпедо». «Команда согласилась с поражением, только один Бубукин не смирился и за-

бил свой гол престижа». Привожу этот факт, как совершенно реальный пример для молодежи. Даже в командной игре, личное трудолюбие всегда будет оценено по заслугам. Кто не верит, откройте справочники: пятьдесят шестой год. «Локомотив» – десятое место. Бубукин – третий в тридцати трех.

На следующий год, правда, у нас в команде это звание получили все. Мы заняли четвертое место и, кроме того, впервые с тридцать шестого года выиграли кубок. В финале играли со «Спартак»». Излишне говорить, кто был фаворитом в этом матче. Огоньков, Масленкин, Нетто, Татушин, Исаев, Симонян, Сальников, Ильин – вот восемь спартаковцев, выигравших у югославов финал Олимпиады в Мельбурне за год до этого. По существу нам противостояла сборная СССР, не хватало только Яшина, Башашкина, Бориса Кузнецова, Вали Иванова. Именитые технари против добротного середняка. Мы это прекрасно понимали, и, в общем то, шанс был только один – всем до одного выполнить установку Аркадьева.

Парадоксально, но, как подсказывал опыт, в этом случае мы обязательно побеждали.

Аркадьев в напутствие говорил, что наша задача несложная – большим числом защищаться и большим числом атаковать. Наша сила в быстром переходе из атаки в оборону и обратно. Они такие техничные, нацеленные на ворота, что обороняться не любят, привыкли нападать. А не будут успевать отходить в оборону, у нас появится возможность.

И точно, в один из моментов Витя Соколов вместо очевидной передачи ударил в дальний угол ворот. Мяч летел мимо, но я на всякий случай рванул. На первый взгляд ситуация была безнадежная, и державший меня Игорь Нетто махнул рукой. А я у самой штанги все-таки достал уходящий мяч и направил в ворота.

Потом был пенальти в ворота «Спартака», и Витька Ворошилов не забил. Ивакин вытащил. Сейчас он любит вспоминать: «А как я от Климса взял!» У Витьки кличка была «Клим» в честь знаменитого однофамильца. Ему даже письма приходили, болельщики думали, что он внук легендарного героя Ворошилова. «Виктор, вы там встречаетесь с дедом, я под его началом воевал. Попросите его, у меня гармошка сломалась, чтоб он дал денег на починку». Потом в Англии, Витя Ворошилов забил два гола «Челси», и на следующий день лондонские газеты писали: «Игрок со знаменитой фамилией и рязанской мордой обыграл джентльменов из Челси».

Так «Спартак» и не отыгрался. Мы откровенно играли на удержание счета, мяч в аут выносили, тянули время. Через пятнадцать минут нашей радости не было конца. Это сейчас к кубку относятся прохладно – сколько лидеров вылетает сразу. А тогда престиж турнира был не в пример высоким. Радостный Бещев издал приказ, и нам присвоили звание «почетный железнодорожник». Пять человек получило, в том числе и я. Классная медаль с паровозом. Это звание давало вполне реальные льготы, большинство которых, правда, только на случай войны. Никак еще народ не мог отойти от страшного испытания. Я стал непризывным на фронт, потому как почетные железнодорожники полезнее в тылу, семье полагалась царская норма угля и дров в военное время. Ну а когда кругом мир, позволялось бесплатно ездить в электричках, и два раза в год выдавали по два билета в мягком вагоне в любой конец СССР. Последнее нам с супругой было очень кстати.

А спартаковцы до сих пор не могут успокоиться. Обвиняют нас в грубости и нечестной игре. Недавно была встреча памяти Николая Озерова, в его восьмидесятилетний юбилей, так они аж через сорок пять лет заводятся, говорят: если б нас Рогов не ломал, то мы бы...

Женька действительно был одним из самых жестких защитников того времени. В финальном матче после столкновений с ним поле покидали Сальников, Ильин, Исаев. Больше всего Никиту с товарищами сейчас возмущает случай с Сергеем Сальниковым, тот вообще не смог продолжить матч, Рогов сломал ему ребро. В предыдущем сезоне был такой же случай, и тогда Серега, залечивая раны, сказал Симоняну:

– Никит, не будь я Салой, если я этого Рогова на будущий год не сломаю.

Они договорились, что когда у Никиты будет мяч, он должен мягкой подачей направить его в зону Рогова.

– Женька будет бить, а я ему накладку сделаю. Будет знать.

Запомнил до финального матча. Я играл правого инсайда, а Сальников на одной линии левого спартаковского. То есть он находился рядом, за моей спиной. И минут за двадцать до конца, когда мяч был у Симоняна, Сальников кричит: «Никита, пошел!». Симонян делает мягкий парашют, и летят навстречу друг другу Сальников и Рогов. Треск, носилки, второе сломанное ребро у Сальникова. Смех сквозь слезы...

5. Бубука – железная нога

Первый отложившийся в памяти международный матч, в котором я принял участие, состоялся в Москве с индийской командой из Калькутты. Запомнился он потому, что индусы вышли играть против нас босиком. В некоторых современных справочниках «Локомотив» почему-то исчез из числа команд, встречавшихся с «Ист-Бенгал клуб». А игра-то была принципиальной. Индийцы до этого умудрились сыграть вничью с «Торпедо» – 3:3. Конечно, ни о каком равенстве сил не могло быть и речи. Многие шутили, что во всем виновата черная кошка, которая бродила по беговой дорожке стадиона «Динамо» во время матча. На самом деле автозаводцев поставили в тяжелые условия. Они шарахались от босых азиатов, боялись покалечить. На самом верху решили, что дружба-то оно

дружбой и Джавахарлал Неру – человек хороший, но побеждать все равно надо, и возложили эту почетную обязанность на «Локомотив». Мы спрашиваем:

– А как играть-то? У нас бутсы с шипами двенадцатимиллиметровыми, из кожи, набитой гвоздями. Может мы тоже босиком?

– Нет. Это их дело. Не бойтесь, ставьте ногу жестко.

Вот мы и решали сложную задачу. Слава богу, никого не покалечили, и забили им штуки три-четыре. Это потом уже сникших индийцев валтузили и в Тбилиси – 9:1, и в Киеве 13:1.

Еще из моих дебютных лет в «Локомотиве», запомнился «фулор», который я произвел в Финляндии. Поскольку профессионального спорта у нас не было, то, заполняя при выезде анкеты, в графе «профессия» писали все, что бог на душу положит: в основном – «железнодорожник», были еще студенты, рабочие. Я по привычке зачислил себя в токари. И то ли они изучили наши анкеты, то ли так случайно получились, но устроили нам экскурсию на какой-то завод, где, по моему, машины выпускал. Подвели к токарному станку Токарь поставил болванку и обтачивает – обдирка идет. А сопровождающий сыплет специальными словами – «бабка», «супер», «автомат» – и хитро поглядывает на меня. Когда токарь отодвинул защитное стекло, я посмотрел на резец, меня заинтересовало, почему стружка вьется и ему приходится крючком ее отводить. Все стало ясно: этот финн не работал на сорок первом заводе, и его не учил мой мастер Алексей Иванович. Взял я резец, пошел к точильному камню и заточил ямку. К их удивлению, у меня стружка пошла не змейкой, а стала сразу рубиться от резца. Они посмотрели и уважительно сказали:

– Да. Действительно, это рабочая, а не профессиональная команда.

Обыграли мы финнов, нас повели в сауну. И там финскому самолюбию был нанесен еще один удар. Толстый банщик нам что-то лопотал, и выяснилось, что у него сауна особая, то есть очень жаркая. И тому, кто выдержит сто градусов, он выдает специальный диплом. Эка невидаль. У нас человек пять честно отсидело положенное время. Другие просто не захотели. А меня – хлебом не корми, я коллекционирую такие филькины грамоты. До сих пор где-то валяется «В присутствии истопника такого-то, при температуре сто градусов по Цельсию, господин Бубукин высидел в сауне пять минут». На финском языке, мне переводили.

В Москву приезжала и какая-то шведская команда, но что происходило на поле, я, честно говоря, совершенно не помню. Зато в память врезался банкет, прошедший под девизом «Футболисты всех стран соединяйтесь!». Сидели по разные стороны стола, и шведам подали водку. А мы, «непьющие», отказались. Аркадьев и Морозов так глазами и простреливали. Потом, когда бдительность у начальства притупилась, мы им знаками показываем, чтобы они наливали и под столом нам передавали. Футбольный язык интернационален. Шведы как будто включились в захватывающую игру. Один даже умудрился снять ботинок с носком, зажать рюмку между пальцами ног и передвинуть нам под столом. А сам при этом делал вид, что ведет непринужденную беседу... Я упомянул об этих веселых эпизодах вот в какой связи.

В середине пятидесятых годов «Локомотив» часто встречался с иностранными командами и выезжал за рубеж. Причем эти поездки были довольно оригинальными и интересными. То ли хрущевская оттепель сыграла свою роль, то ли в мире переосмыслили итоги войны, но интерес к нашей стране был очень высок. И «Локомотив» в этой связи попал в чрезвычайно выгодную ситуацию. Прошу понять меня правильно, историю не перепишешь, и не наша вина, что мы снимали многие сливки с общего стола. Дело в том, что в мире сохранился неподотчетный страх перед Красной армией и КГБ, и страны третьего футбольного мира боялись в рамках культурно-футбольного обмена приглашать ЦДСА и «Динамо». «Спартак» же по сути дела являлся олимпийским чемпионом и организовывать с ним серьезное турне – означало заранее смириться с разгромным итогом.

Совсем другое дело команда «мирных» железнодорожников, к тому же плетущихся ближе к концу турнирной таблицы. В Азии, Северной Америке да и непрофессиональной Скандинавии наивно полагали, что у них есть шанс во встречах с нами. Вот и получалось, что «Спартак» сражался в Англии, «Динамо» вело «кровавопролитные бои» в Италии, а мы вместе с Хрущевым укрепляли советско-бирманскую дружбу и любовались красотами Ниагарского водопада. С чисто футбольной точки зрения эти матчи особого интереса не представляли. Однако хочется поделиться с читателями своими впечатлениями об этих поездках, потому что некоторые думают, что мы, кроме мяча, ничего и не видели вокруг.

Итак, после упомянутых встреч в ЦК решили, что «Локомотив» не просто достоин представлять советский футбол на международной арене, а может даже сопровождать в поездках первые лица государства.

В ноябре 1955 года Хрущев с Булганиным отправились с дружественными визитами в Юго-Восточную Азию. Они вылетели сначала в Индию на шести самолетах Ил-14. В двух находились советские пищевые продукты, два везли самих Хрущева с Булганиным, а еще два взяли с собой в качестве подарка. Параллельным курсом по их маршруту отправились и мы. В Индии, правда, нам пересечься не удалось. Когда мы приземлились в Дели, Хрущев уже презентовал один из «Илов» Джавахарлалу Неру и отправился на Восток в Бирму к У Ну. Поэтому и мы в авральном порядке сыграли матч со сборной и полетели вслед за ними. Единственное, что запомнилось, так это встреча с королем Непала. Он как раз был в Индии и специально приехал на стадион на машине. Причем въезжал, когда мы выстроились на поле и заиграли гимны. На стадионе монарх остановил эскорт, вылез из машины, и стоял по стойке «смирно», пока играл «Союз нерушимый». После игры сделали нам индийские точки на лбу. Сфотографировались с нами и отправили в Бирму.

Перед отлетом в Бирму

А вот в Янгоне (столица Бирмы) мы уже как бы входили в хрущевскую свиту. Я в том матче не играл. По прилету заболел местной болезнью – тропической гангой. Что это за болезнь, толком не знает никто. В книге был указан только мудрый совет: что болит, от того и лечить надо. Сердце болит принимай сердечные капли, желудок – лечись от желудка. А нам как раз прислали приглашения на английском языке. Красивые, тесненные золотом. Читаю свое, а там написано: «Уважаемый мистер Бубукин, мистер Хрущев и мистер Булганин приглашают вас на торжественный обед, посвященный советско-бирманской дружбе». Лежу я в постели расстроенный: завтра игра, послезавтра прием, на улице жара, а меня знобит от холода. Да еще и Сашка Климачев на нервы действует. У нас такие подковырки в ходу были. Достал из чемодана мои новые ботинки и молча меряет. Я ему:

– Ты чего это?

– Да вот, черт! Размер у тебя на один меньше. Жалко, если вдруг помрешь, не подойдут мне, жать будут.

Не выдержал я и пошел к врачу Куховаренко. У него как раз наши охранники сидели, работавшие в Бирме. Прочитали они по этой книжке методы лечения и говорят:

– Короче, все ясно. Водки надо стакан выпить, и все как рукой снимет.

Я к Аркадьеву. Он подумал и разрешил:

– Все равно завтра играть не сможешь, попробуй. Водка, вроде, все лечит.

Выпил я и, конечно же, сразу поправился, даже на трибуне сидел. А там в почетной ложе Хрущев с Булганиным и премьер-министр Бирмы У Ну. Потом нам переводчик рассказывал, что, после того как мы выиграли со счетом 3:1, У Ну попытался не то пошутить, не то комплимент сказать Никите Сергеевичу, что если б сам он стоял в наших воротах, а Хрущев – в бирманских, то они бы нас точно обыграли. Хрущев долго не мог понять, что же тот имел в виду, и, как обычно, по-простому отрезал:

– Знаешь что, У-Нушка, ты уж стой в своих воротах, а я со своими как-нибудь разберусь!

Вообще Никита Сергеевич поражал да и располагал к себе известной грубоватой простотой. Но одно дело видеть по телевизору, как он ботинком по трибуне ООН стучит, а другое участвовать, как говорится, в процессе. На приеме я сидел метрах в десяти от нашего руководства. Напротив – У Ну со своими приближенными. Перед ними стояли микрофоны для речей, которые в паузах не отключали, поэтому было слышно, о чем наши руководители переговаривались между тостами. У Ну сказал слово в честь Хрущева, потом Хрущев выпил за укрепление советско-бирманской дружбы во имя мира во всем мире. А потом сел и толкает локтем Булганина:

– Коль, ты что пьешь?

– Водку «Столичную». А ты?

– Да приеду, всем головы снимаю. Как людей попросил их горилки хорошей положить, так столько перцу навалили, что у меня все во рту горит.

Мы как статуи сидим, боимся пошевелиться, чтобы не грохнуть со смеху.

После банкета нас повели к Булганину, и он задавал дежурные вопросы: «как дела?», «устали?», «кто будет чемпионом?». Хотел еще чего-то спросить, а тут подходит Хрущев и так запросто:

– Ну, ладно, Булганеску, хватит трепаться, пошли спать.

И опять мы были в шоке. Николай Александрович Булганин – второе лицо в государстве, только ушел с поста министра обороны на повышение. Сталинская закалка не приучила нас к такому панибратству...

На банкете выступали артисты из состава нашей делегации. Хрущев почему-то взял с собой двух акробатов и заслуженную певицу. Помню, все пела «Са-а-алавей, мой с-а-а-алавей!». Поговаривали, что вскоре супруга Никиты Сергеевича узнала об этом и устроила ему «соловья», а потом и сама стала с ним летать.

Когда мы собирались покидать гостеприимную Бирму, я уже совсем вылечился, а Сашка, наоборот, заболел. Тут уж и я оторвался. Все у него перемерил, даже женские бюстгалтеры:

– Эх, Сашка, нога-то у тебя большая, а жена худенькая. Моей эти не подойдут.

А самые яркие впечатления из этого турне от Индонезии. Там у нас было много игр, на всех островах: Суматре, Борнео, Яве, Бали. Жара жуткая, тридцать пять – сорок градусов при большой влажности. Даже Аркадьев засомневался. Сначала хорохорился, мы провели перед матчами несколько тренировок, так он, чтобы привыкли, назначал их на двенадцать часов дня, в самый солнцепек. Стоял в середине поля, бил себя по груди и радостно кричал:

– Хорошо нам! Природа прекрасная! Весело делаем рывочек!

Довеселились. У Виктора Соколова случился удар. Да и сам Борис Андреевич как-то поник. Когда была встреча делегаций, предложил индонезийцам играть по тридцать пять минут тайм. Но те не в какую. «Почему по тридцать пять минут? Будем играть, как положено, как в Европе, как в мире». Думали, что мы, северяне завынем, и у них появится шанс.

Мэр Джакарты приветствует нас перед матчем

По сорок пять, так по сорок пять. В первом же матче в Джакарте мы выиграли 5:1. Народа собралось, даже беговые дорожки были забиты, хотя билет стоил сто рупий – месячную зарплату рабочего. Когда нам забили гол, все вылетели на поле и стали кувыркаться. Мы боялись, что толпа разорвет нас на части. Но они как-то не обращали на нас особого внимания. Минут десять потанцевали и успокоились. А вот после матча какой-то псих налетел на нас возле автобуса и давай всех мять, целовать, кричать что-то по-своему. Выяснилось, что он поставил большие деньги в тотализаторе на совершенно «нереальный» счет и угадал даже исход первого тайма. Так он выражал благодарность за то, что мы принесли ему богатство.

С этого тотализатора и началась моя эпопея в Индонезии. Приехали на Бали. И вдруг нам поступает записка на русском языке, что если мы забьем больше трех мячей, нас уничтожат. С одной стороны, приятно, что даже в своих угрозах они не мыслили, что мы можем забить меньше трех мячей, с другой – конечно, стало немного не по себе. Началась игра, и тут прошел тропический ливень. Минут десять поливало как из ведра, а потом также неожиданно все прекратилось. Опять жара, солнце, испарения, дышать тяжело. Мячи были не такие, как сейчас, покрытые восковой пленкой, водонепроницаемые, а из свиной кожи. Мяч набух и, при норме четыреста пятьдесят – пятьсот граммов, весил под семьсот. Я взял его в руки, подошел к судье и жестами показал, что его нужно поменять, а то попадет по голове, И еще добавил международное слово «контузия». Не послушал меня судья, жестами объяснил, что если еще раз буду его отвлекать, он выгонит с поля. Первый тайм закончился со счетом 1:0, при неважной игре. В перерыве к нам в раздевалку пришел начальник делегации из КГБ, как мы называли – из министерства культуры, и говорит:

– Вы что!? Мы победили в такой войне, нас вообще в мире все боятся, русского человека никто и нигде не может запугать, а вы испугались какой-то записки.

Я ему ответил:

– Вы на нас не кричите, лучше возьмите переводчика и скажите им, чтобы поменяли мяч. Я их в последний раз предупреждаю.

Он пошел, вернулся и сказал, что те не соглашаются, что мяч можно менять только в том случае, если он не докачен или лопнул. В одной из ситуаций наша атака захлебнулась. Я отошел в оборону

и уже развернулся, тут вратарь выбил мяч от ворот, и он парашютом летел в центр поля. Я пошел на удар в первое касание. До соперника метров пять, а иногда бывает такое ощущение, что мяч будто обволакивает ногу, хорошо ложится, пружинит. Нога, по моему, даже внутрь мяча ушла. Все произошло молниеносно. Попал в индонезийца, тот подпрыгнул, у него ноги кверху поднялись, и он, как подкошенный, рухнул. Пена изо рта, хрипота, конвульсии. Первый раз я увидел, как «скорая» сразу выехала прямо на поле. На стадионе тишина, пульс не прощупывается, и по радио сообщают, что я убил человека. Только через сутки в газетах написали, что он все-таки жив, вышел из состояния комы, сильное сотрясение мозга, врач разрешил ему приподниматься с постели. Меня нарекли «железной ногой».

Что тут началось! В Джакарте люди узнавали меня по шевелюре, обступали, начинали качать головой и ощупывать мои ноги. Моя фамилия даже пополнила индонезийский язык. «Бубука» стало означать что-то типа «вихря», «пыли». Оказалось, что в магазинах продавцы тайком мне делали скидку. Узнали об этом случайно. Бежит за мной по улице Женя Малов и кричит:

– Валя! Что ты мне наплел? Эти ботинки стоят не пятьдесят рупий, они дороже!

Вернулись в магазин, торговец расплылся в улыбке и продал мне вторую пару за пятьдесят. А один раз вызывают меня в посоль-

Гол индонезийцам. Защита и вратарь не у дел

ство и показывают письмо, будто я где-то сделал заказ на пятьдесят пар каучуковой обуви и не забираю. Я консулу говорю: «Я же не рехнулся, куда мне столько!» Он только рукой махнул: мол, азиаты не успокоятся. Дал переводчика, езжай, говорит, разберись. Переводчик оказался большим докой, и заявил им с порога:

– Покажите задаток, покажите размеры на все пятьдесят пар, я знаю, у вас иначе заказ не принимается!

А те тоже не лыком влиты:

– А мы советским людям привыкли верить на слово!

– Это когда же вы успели привыкнуть?!...

Так стоят и препираются, а я по-индонезийски-то – ни «бельмеса»! Забеспокоился и спрашиваю:

– Чего они хотят? Может, провокация какая?

– Да какая, к черту, провокация! Сфотографироваться они с тобой хотят для рекламы. Чтобы повесить фото: «Сам Бубука – железная нога покупал у нас ботинки».

Пришлось сфотографироваться в каких-то сандалиях с каучуковой подметкой и лыковыми шнурками у двери магазина. Мне их дали в подарок и отпустили с миром.

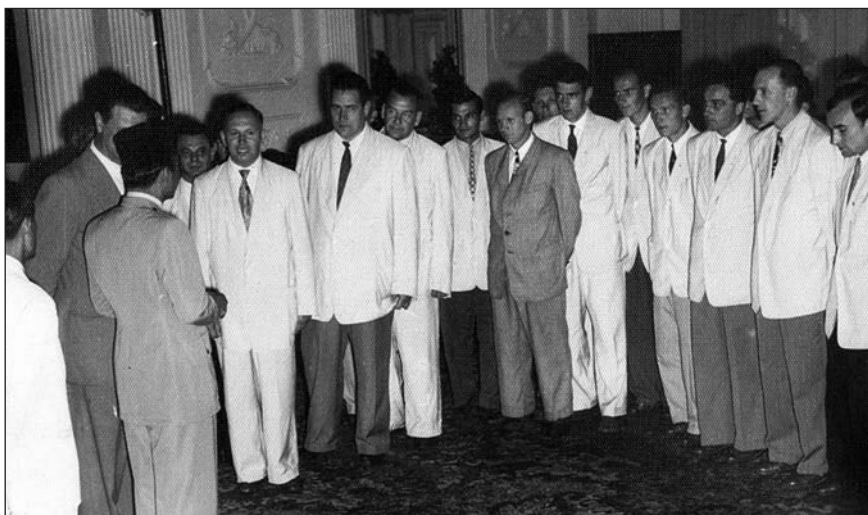
Не знаю, чем была вызвана такая бешеная популярность, наверное, у азиатских народов внутренне преклонение перед запредельной силой. Я вот где-то читал, что в Гонконге, по-моему, после победы «Манчестер Юнайтед» в Лиге чемпионов один ретивый болельщик назвал своего сына в честь основного состава английского клуба. Полное имя: Шмейхель-Стам-Невилл... и так далее до Йорка. Можно представить, что скажет ребенок папаше лет через десять. А вот «Бубука» звучит нормально. Мне через год пришло письмо на плохом русском, где спрашивали, не возражаю ли, что в Индонезии появится еще один маленький Бубука. А чего же, очень даже приятно.

В пятьдесят шестом президент Сукарно собирался с визитом в СССР, и в связи с этим вытащили на свет все, что знают о нашей стране. И мне привезли местную газету, где во всю полосу две фотографии – Молотова и моя. Ребята еще издевались:

– Ну, ты-то понятно. А Молотов здесь причем?

А у Сукарно мы были «в гостях». Посол Жуков передал нам приглашение к нему на виллу и сказал:

– Вы, друзья мои, сделали за это время столько, сколько все посольство не могло сделать за пять лет.

Дворец у него из белого мрамора, специально доставленного из Италии. Богатство необычайное. В рабочем кабинете книг – как в Ленинской библиотеке. А на полке под рукой томики Сталина, Маркса и «Майн Кампф» Гитлера. Сукарно увидел наше внутренне негодование от такого соседства и объяснил: чтобы государством управлять, нужно всех читать и все знать. В спальне на удивление все стены были увешаны картинами – сплошь обнаженные натуры. Такие «машины» европейки, азиатки. Была у него и живая пассива. Сказка, а не девушка. Красивая индонезийка лет восемнадцати. Мы сначала подумали, что дочь, а потом нам объяснили, что это просто «подруга». И что ее присутствие – показатель высшего расположения к нам руководителя страны, потому что официальные встречи он обязан проводить с женой. А то, что он встречал нас с любовницей, по местным понятиям означало, что к нему пришли друзья.

А когда дарил нам подарки, отличился врач Куховаренко. Он сразу потянулся за презентом и, не доходя метра полтора до Сукарно, поскользнулся, президент еле успел поймать его на руки. Ничего, конечно, страшного. Просто Куховаренко – добрый и слегка наивный человек – всегда попадал в какие-то комичные ситуации. А у нас и так коллектив был, что называется, «палец в рот не клади». Что уж говорить, если кто-то давал повод.

На очередном приеме нам подали национальное блюдо бифштекс из какого то местного животного вроде буйвола. Здоровый такой шмат мяса во всю тарелку, роту можно накормить. Все жуют потихоньку, а маленький Куховаренко за три минуты «уговорил» свою порцию и еще по сторонам озирается. Дескать, как бы заказать вторую. Суется, одного толкнет, другого: «А еще-то у них можно?»

«А как это по-ихнему будет?» Ну, измучил всех. Я и говорю: «Да просто».

Подзываю жестом официанта и с серьезным видом ему: «Цунь, мунь, бунь, чуань, хуань...» А сам незаметно пальцем на бифштекс указываю. Тот радостно кивает головой, руками машет, мол, все понял, сейчас все будет, и приносит еще одну тарелку с буйволом. Народ ошеломленно уставился на меня. Дела! Бубукин индонезийский выучил! Куховаренко несколько кусков отрезал и насытился, тарелку отодвинул, но поздно, я уже вошел в роль.

– Да ты что! Заказал второй и не доешь? Это для них серьезное оскорбление. Скандалом пахнет. Все равно, что у нас хлеб оставлять. Ты знаешь, как им тяжело на этих буйволов охотиться?

Вот он бедняга пыхтел, краснел, но доел все до последнего кусочка. Потом дня два животом мучился.

Ездили мы вглубь острова, по существу в джунгли, на экскурсию. По дороге шустряка обезьяна сорвала у Юрки Ковалева фуражку от солнца и сидит на ветке, на зуб пробует. Нам в радость, остановились, давай по дереву палкой долбить, шуметь, чтобы заполучить обратно фуражку, побывавшую в лапах диких обезьян. А она в ответ стала в нас швыряться кокосами, по пять шесть килограммов весом. Мы скорей на машины и газу дали. Единственное наше поражение в Индонезии.

Привезли нас в какое-то племя. Оно уже, конечно, окультуренное экскурсионное. Все у них, как по сценарию для туристов. При нас молодой парень быстрее обезьяны залез на пальму и принес кокосового молока. Затем они минут сорок исполняли танец «Убийство дракона». Я не совсем, правда, понял. Танцор то ли олицетворял охотника, то ли дракона, а может обоих сразу. Короче, он строил зверские рожи и размахивал ножом. А потом даже до крови надрезал себе грудь. А я, как назло, оказался в первом ряду, он в метре от меня. Страшно стало, вдруг его моя лысина привлечет. Я уж крикнул Гене Забелину:

– Чего так далеко стоишь, не видно же ничего! Иди, посмотри поближе.

И, как щитом, им прикрылся.

Летели назад в декабре. Искупались напоследок в Индийском океане, температура воды двадцать пять градусов. А воздуха – плюс тридцать пять. И самолетом через Новосибирск, где термометр показывал минус сорок. Там была дозаправка, и нас вывели в аэропорт. Люди в тулупах, ушанках ходят. Но мы-то привыкли к перепадам температур, а летел с нами немец до Москвы, так тот в индонезийских каучуковых ботинках, наверное, сорок первый год вспомнил. А еще тут Юрка Ковалев. У него был хронический насморк. Пока находились в самолете, весь платок мокрый стал. Он

Перед матчем на Суматре

взял, в ладонь высморкался и стяхнул. И попал несчастному немцу прямо на ботинок. Тот хотел об снег стереть, а сопля зеленая сразу замерзла, в ледышку превратилась.

В аэропорту его окончательно добил массажист Павел Михайлович Мысин. Нам дали талоны, можно было перекусить чай, кофе бутерброды. Сели за общий стол, и немец рядом, никак не успокоится. Мысин взял свой бутерброд и сразу съел, а у немца все по культурному. Он булочку разрезал ножом, положил туда колбасу, отодвинул в сторону и стал размешивать кофе. Пал Михалыч видит такое дело, колбаса бесхозная лежит, взял эту булочку и слопал. Немец даже кофе не стал пить, встал и ушел. Тогда Борис Андрейч Аркадьев и говорит:

– Пал Михалыч, если начнется война с немцами, это только из-за вас. Колбасу у немца из-под носа увел! Хорошо, если из наших никто в ЦК партии не заявит, а то будешь невыездной...

В ЦК не в ЦК, а в соответствующие организации нас нередко вызывали. Расспрашивали, что как было, инструктировали перед очередной поездкой. Особенно тщательно готовили в турне по Канаде в пятьдесят шестом. Предупреждали, что едем в развитую капиталистическую страну по ту сторону океана. Что должны не ударить лицом в грязь и продемонстрировать преимущества советского образа жизни. Дали нам книжки специальные, мы по ним изучали этикет, как себя вести, где вилка, где нож и чем что есть положено. Мудреная книжка, я сразу понял, что обязательно все перепутаю. Но нас по приезду выручил военный атташе. Видя наши мучения, он нам дал короткий, но исчерпывающий урок:

– Запомните главное: рыбу и мясо надо есть такой же вилкой, какой ест и иностранец, сидящий напротив.

Мы быстро освоили. Интересная страна Канада, но в футбол там играли плохо. В основном возрастные англичане, закончившие карьеру в Европе. В защите они действовали преимущественно в линию. А у нас Гера Апухтин бежал, как электричка. Я, по указанию Аркадьева, не глядя забрасывал туда мяч, и Гера за игру выскакивал раз пять-шесть один на один. Мяча два-три забивал. В газетах писали «космическая скорость».

А вот девушки там хорошие. Мы сразу попали впросак со своим советским образом жизни. Повезли нас на американский футбол. Сначала было интересно, как стопятидесятикилограммовые мужики друг другу руки выворачивают, а потом наше внимание

привлекала группа поддержки. Сейчас-то это не в диковинку, а тогда мы все глаза проглядели. И газетчики взяли такой ракурс, что на снимке вышли наши разинутые рты и группа канадских девушек. На следующий день газеты вышли с заголовками, что русских интересует не американский футбол, а канадский женский пол, и что-то там еще про секс в СССР.

На время турне к нашей команде прикрепили мисс Канаду. В те годы она не обязательно должна была быть эрудированной, лишь бы ноги красивые были. Она ездила с нами повсюду – в Виннипег, Торонто, Оттаву, Ванкувер – за десять тысяч долларов и «Форд» последней модели. Эта мисс открывала матчи. По сценарию у нее, как бы случайно, спадал туфель, наш капитан галантно бросался, поднимал и надевал ей на ногу. Она его за это целовала, не для галочки, а продолжительно. И так в каждом городе. В Ванкувере я не выдержал и говорю Витальке Артемьеву: «Давай, я буду капитаном. Сколько можно одному целоваться?» И ребята смеются: хорошего понемножку, отдай Бубукину. Надел повязку в предвкушении, а эта мисс, как назло, приболела, и вместо нее вышел мэр города, такой же лысый мужик, как я. Да еще и пытался облобызать меня. Тьфу ты! Отдал я капитанство обратно Артемьеву. Она, конечно, выздоровела, а я вернулся в Москву нецелованный.

А вообще очень запомнилась атмосфера того времени. Нас так в Москве настропалили, что мы постоянно ожидали каких-нибудь провокаций. И действительно, в ходе матча в Торонто по крыше стадиона бегал какой-то человек и разбрасывал листовки. Их текст нам потом прочитали: «Не верьте, это приехали не советские футболисты. Это приехали советские разведчики, за ними появятся танки и самолеты». А минут за пять до конца встречи вокруг поля стали ездить мотоциклисты в белых шлемах. Посмотрел я на скамейку запасных – кроме Аркадьева, никого. Боязно стало, потому что мне с позиции левого инсайда до раздевалки бежать было где-то метров сто десять плюс дорожка. Игра закончилась, народ высыпал на поле, гляжу – нагни далеко. Все, думаю, хана! Но нас не стали мутузить, а наоборот, подхватили на руки и понесли в раздевалку за прекрасную игру. Вот вам и провокация. С другой стороны, спецслужбы – что канадские, что наши – отнеслись к делу серьезно. Об отношении к делу канадцев нам довелось узнать случайно. В Оттаве мы жили в высотной гостинице на шестьдесят четвертом этаже. Потрясающие условия! У них уже тогда были какие-то механические уборщики. И только Юр-

ка Ковалев один раз недовольно сказал:

– Все здесь хорошо, но не могли сюда хороший матрас положить, капиталисты хреновы. Жесткий, у меня все бока болят.

И приезжаем с тренировки, а у него на кровати новый мягкий матрас.

Оказывается, прослушивали нас. Ну, а наших представителей «министерства культуры» мы, конечно, знали. С ними очень весело получилось. После одной из побед идем «с сопровождением» по улице, и к нам тихим ходом подъезжает кабриолет. Мужик стекло опустил и кричит по русски:

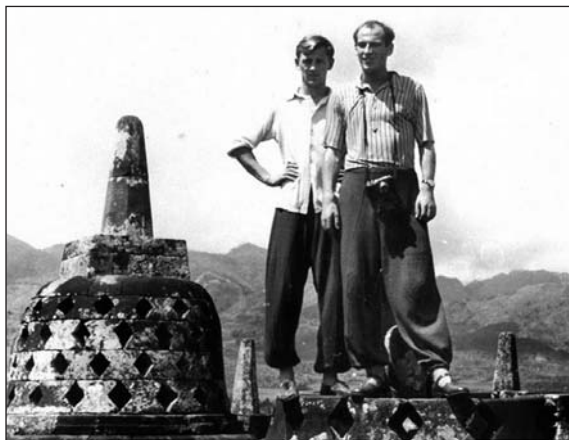
– Ребята, оставайтесь здесь, что вы там забыли. Вот я остался, у меня, видите, какая машина, и у вас такая же будет!

Я ему и крикнул в окошко:

– У нас такое говно на тележках возят! Езжай отсюда!

Ну, а ребятам из «министерства», видимо, было положено все в рапортах указывать. И, по-моему, в Англию мы собирались через год, на очередном инструктаже серьезный дядя нам опять рассказывает о советском образе жизни. И вдруг говорит:

– Если что, берите пример с Бубукина. Он в Канаде политически грамотно ответил на провокационные предложения.

6. Десятка для сборной

Не буду оригинальным, если скажу, что очень хотел попасть в сборную. Но хотеть, как говорится, не вредно. Игроку «Локомотива» тогда попасть в сборную было еще сложнее, чем получить звание мастера спорта. Зачем тренерам изобретать велосипед, если в базовой команде – «Спартаке» на моей позиции правого инсайда прекрасно играл старый друг Толя Исаев, с которым к тому же со-

перничал технарь Валя Иванов. Отсутствие игровых связей, разная тактическая схема в клубах – вот препятствия, против которых нужно было искать весомые козыри. Я по привычке спросил совета у Аркадьева, тем более что после финала Кубка, где я успешно сыграл против сильнейшего полузащитника Европы Игоря Нетто, меня будто окрылило. Борис Андреевич, как обычно, нарисовал мне стратегическую задачу:

– Постарайся в каждой игре забивать. Работоспособности тебе не занимать, если ты хорошо прибавишь в создании и реализации моментов, то у тренеров не останется выбора.

И опять был матч с «Торпедо», в котором я забил четыре мяча. На табло в «Лужниках» светилось четыре Бубукина. Как это сейчас называют, покер – событие в карьере любого футболиста, тем более хава, тем более в матче с одним из постоянных лидеров чемпионата. Аркадьев и говорит:

– Валентин, хочу тебя поздравить, ты уже, наверное, завоевал путевку в сборную.

И действительно в пятьдесят восьмом году Гавриил Дмитриевич Качалин пригласил меня в команду в числе перспективной молодежи: Германа Апухтина, Генриха Федосова, Юры Ковалева.

Но даже больше, чем Аркадьеву, я благодарен Виктору Ворошилову. Это он серьезно поспособствовал моему появлению в сборной, причем довольно анекдотичным способом. Витя пришел к нам из Куйбышева уже заслуженным мастером спорта. Было это довольно странно, потому что он тоже играл правого инсайда. А я к тому времени стал ведущим игроком команды и сидеть на лавке не собирался. Этот маститый «дядька» (тридцати лет) подходит ко мне и заявляет:

– Давай мне майку восьмого номера, а сам бери десятый и иди налево. Будешь играть левого инсайда.

Я, понятное дело, возмущился:

– Что значит иди?! Мало ли, что ты заслуженный! Пришел и еще здесь права качаешь.

Виктор только вздохнул:

– Эх, молодежь, всему вас учить надо. Смотри. В сборной правого инсайда играют Исаев, Иванов. Ты знаешь, сколько нужно биться, чтобы их отодвинуть! А слева? Дементьев давно сошел, Го-

гоберидзе почти сошел, Сальников тоже сходит. Уразумел? Будь я помоложе...

Я бегом к Аркадьеву:

– Борис Андреич, Виктор уговорил меня играть левого инсайда. Его доводы очень весомые и подходящие. Я согласен.

Он только смеется, видимо, обо всем догадался:

– Ну, ладно, забирай десятку.

И мне попался прекрасный левый край, на котором я позже отлично взаимодействовал с Мишей Месхи...

В справочниках почему-то пишут, что в сборной я играю с пятьдесят девятого года. Наверное, имеют в виду, что именно тогда я впервые вышел на поле в серьезном матче. Разницы-то по большому счету никакой нет, кроме той, что получается очевидная чехарда. Выходит, что в пятьдесят восьмом году я сажал картошку на даче, а не сидел на скамейке запасных на чемпионате мира в Швеции.

С десятым номером я дослужился до капитана сборной

В Стокгольме перед матчем четвертьфинала чемпионата мира с хозяевами Качалин вызвал к себе и сказал:

– Валентин, готовься, ты будешь играть.

Но потом на тренерском совете, в который входили ведущие игроки, спартаковцы настояли на кандидатуре Сергея Сальникова. Никита говорил, что они уже сыграны давно, а как пойдет игра с Бубукиным - неизвестно. Скорее всего, они были правы, хотя приятно, что гораздо позже Гавриил Дмитриевич признавался, что считает мою «отставку» одной из своих серьезных ошибок в Швеции.

Сергей поиграл минут двадцать и устал. Стал мало двигаться. С трибуны руководство кричит:

– Играть можешь?

– Могу!

– Прибавь!

– Играть могу, прибавить нет!...

Первый раз я поехал на сбор в Китай в начале пятьдесят восьмого. По характеру я дружелюбный и необидчивый, поэтому ребята приняли меня «за своего». Впрочем, это никак не отразилось на месте в основном составе. Уж больно много хороших футболистов собралось. Общее настроение в команде иллюстрирует один интересный эпизод. Перед поездкой в Швецию устроили проверочный матч в «Лужниках» - первый состав на второй. Пришло тысяч пятьдесят зрителей. А для большей принципиальности пообещали премиальные по две тысячи рублей каждому победителю. Минут за пятнадцать до конца при счете 0:1 Заур Калоев с моей подачи забил мяч в ворота Яшина. Матч закончился вничью, и руководству не пришлось раскошелиться. То есть в первую очередь все думали о месте в основном составе, о деньгах не думали.

К моим достоинствам часто относят умение «в нужный момент снять психологическое напряжение в команде». Проще говоря, способность после изнурительных занятий, когда ни у кого уже нет сил и нервы на пределе, найти в себе эти силы, чтобы развеселить ребят. С шуткой и усталость забывается. Правда, слова в «нужный момент» уже позже добавили, для красоты, потому что иногда мне такие «снятия» выходили боком.

В Китае мы жили на острове возле города Кантона (Гуанчжоу). Там у нас были свои повара, хотя им помогали и китайцы,

один из которых даже обнаружил бомбу, подложенную на нашей базе чанкайшистами. А когда по субботам мы переправлялись на прогулку в Кантон, то питались в ресторане. И однажды нам подали суп из акульих плавников, а на второе очень вкусные засушенные лапки, посыпанные какими то китайскими специями. Вдруг мимо нас работники ресторана несут клетки, а в клетках кошки пищат. Мы заинтересовались у официанта, зачем мучают животных. А он улыбается и показывает на блюдо. Мишку Огонькова тут же и начало тошнить. Ну, а мы – молодые, здоровые, безголовые. Уже на базе, как только начинаем есть даже нашу русскую пищу, так тихонечко зовем: «Кис-кис-кис». Несчастный Мишка убежал из-за стола, похудел на четыре килограмма. И Качалину пришлось даже специальное собрание по этому поводу собирать. Приказ издал: под угрозой отчисления прекратить травить Огонькова.

В Союзе тренировались в Озерах – прекрасная база под Москвой, бывшая «резиденция» немецкого фельдмаршала Паулюса, которого взяли в плен под Сталинградом. Он потом читал лекции в нашем Генштабе и жил в Озерах под охраной. Там сохранился металлический профиль цапли при фонтане. Вся в дырках, фельдмаршал в заточении палил в нее из пистолета.

На сборах моими соседями по комнате обычно становились торпедовцы. Если селили по четыре человека, как это бывало, например, в Тарасовке, то я жил с Валею Ивановым, Славой Метревели, Эдиком Стрельцовым (до трагедии), в шестьдесят первом – с Валерой Ворониным. Им я обязан хорошему знакомству с Виктором Александровичем Масловым.

Он частенько бывал при сборной, потому что существовало положение, если клуб делегирует в команду два-три человека, то тренер поощрялся зарубежными поездками. Как ни странно, я даже дебютировал в сборной под его руководством. После сокрушительного поражения в матче с Англией в октябре 1958 года – счет тогда был 0:5 – Качалин и Якушин временно оставили сборную, и следующий матч с чехами в Москве мы провели под руководством Георгия Федоровича Глазкова. Установку же на игру давал Маслов. За такое короткое время, конечно, не поймешь стиля и требований человека, но общие принципы были очевидны. Он всячески поощрял нестандартность и даже призывал проявлять свои фирменные качества. Установки были оригинальными. Валя (мне): «Играешь так, как в календарной игре тринадцатого мая, помнишь? С проходами по флангу», – и так да-

лее. Валя (Иванову): «Сегодня делаешь то-то и то-то, плюс свое, как обычно...» Но еще оригинальней был беглый разбор после победы прямо наверху в Лужниках: «Лев, Яшин, помнишь, было? Два раза было! Первый раз – минут тридцать первого тайма прошло, и на семнадцатой минуте второго. Валь, черт! (на Иванова). Ведь можешь. Ведь лучше можешь. Помнишь, как там пошел на обводку? А Славка-то что...» Торпедовцы к таким эмоциям, видимо, привыкли, а нам в диковинку. Но эти фразы стали крылатыми для того состава сборной. И вот почему. На следующий день после игры в Лужниках Маслов запаздывал на плановое тактическое занятие. От нечего делать я вышел к доске, и, пародируя «Деда», начал всех распекать:

– Лева! Ведь было же, а, было? Валька, черт, ну, ведь можешь!

Вдруг мне сзади по лысине – шлеп! Маслов неслышно подкрался. И серьезно так заявляет:

– Не знаю, что уж и говорить. Бубукин весь разбор за меня сделал.

Даже в двухтысячном году, когда мы отмечали сорокалетие победы в Европе, из Киева прилетел Юра Войнов и первым делом мне заявил:

– Ой, Валя, ведь было же, было...

Пишут также, что Виктор Александрович мог позволить себе рюмочку пропустить с игроками. Свидетельствую, было и такое. Но опять-таки его поощрительство было самым лучшим тормозом для игроков. В 1961 году мы обыграли норвежцев в Осло. И накануне, заранее уверенные в победе, оставили немного валюты, чтобы после игры пойти пивка попить. Иванов, Метревели,

Воронин и я стоим в галстуках, собираемся выходить. Вдруг стук в дверь. Открываем, стоит Маслов. Спрашивает:

– Куда это вы намылились?

– Да вот, Виктор Александрович, хотели погулять, музыку послушать.

– Никакой музыки, знаю я вашу музыку.

И достает бутылку коньяка и шоколадку. Нас пять человек, по сто граммов выпили, потом он добавляет:

– Вы поняли? Пришел к вам тренер, поздравил, выпил с вами. И если вы меня подведете...

И тут же Валька снимает галстук. А он у нас был фигурой:

– Да вы что, Виктор Александрович!

Все разделись и сели играть в подкидного дурака. Психологический шок – для меня, по крайней мере...

В Швецию после известных событий сборная поехала без Стрельцова, Огонькова и Татушина. Незадолго до отъезда нас отпустили из Тарасовки, редкий случай, с ночевкой. В этот день у нас была примерка светлых костюмов с эмблемой Советского Союза, и мы повезли их по домам. Эдик утром приехал исцарапанный. Зашел в комнату, Валька увидел и спрашивает:

– Что ж ты ободранный-то, на кого напал?

Он ответил, что кошка поцарапала. А где-то в полдень приезжает милицейский уазик. Забрали троих и уехали. С ними поехал и начальник команды Владимир Васильевич Мошкаркин. Дальше все известно. Татушин с

Огоньковым стали «нарушителями режима», поскольку после экспертизы их девушки оказались вовсе не девушками. А Эдику дали большой срок.

С ними команда смотрелась бы по-другому. Сейчас больше всего пишут о Стрельцове. Но ведь еще и наигрывалась прекрасная связка Иванов – Татушин. А что значит за несколько недель до официальных матчей нарушить привычные связи? В срочном порядке на правый край взяли Александра Иванова из «Зенита». Не знаю уж, совладали бы мы с бразильцами, но шведов обыграли бы точно.

А бразильцы, они действительно кудесники. Мы жили рядом с ними на базе в Хиндосе, и как ни посмотришь, все свободное время они с мячом. Без тренера, ходят, жонглируют, как лунатики. В матче с нами они были сильнее по всем позициям. Уж на что Игорь Нетто был умным игроком, а ничего не мог поделывать с Диди: схемы были разные. Игорь опекал оттянутого форварда, но никак не мог приноровиться. Диспетчер, Диди распасовывал мячи веером. Если Игорь играл плотно, шел на перехват, то Диди отдавал мяч в касание. А если не бросался, начинал пятиться, как говорили, плассироваться, то он вырезал свой «сухой лист». Когда же решался резко атаковать, тот влево, вправо его обводил. Словом, Игорь не нашел решения, как сыграть против Диди.

Боря Кузнецов, хоть и не обладал высокой стартовой скоростью, поначалу справлялся с Гарринчей. За счет выбора позиции, самоотдачи. Тогда эти ребята с одним неоконченным классом образования раз пять забрасывали ему за спину метров на тридцать-сорок для рывка. Боря справлялся. Вдруг на его фланге появился Вава и тоже начал Боря «кормить». И когда снова возвращается Гарринча, Борису уже бежать нечем.

Блестящая игра бразильцев косвенно сослужила плохую службу советскому футболу. Сам Гавриил Дмитриевич был в таком восторге, что по возвращению не переставал восхищаться системой «4–2–4». Говорил: вот так и надо играть. Чиновники поняли его буквально. Появилась директива, чтобы все клубные команды играли в четыре нападающих, раз тренер сборной так сказал. Для сборной это, может быть, и хорошо, потому что захотел по новой системе играть – дают Стрельцова и Симоняна. Вот тебе сдвоенный центр. Или в оборону Турянчика из Киева и Масленкина из «Спартак». Так можно играть. А клуб строит схему игры исходя из сво-

их возможностей, из наличия игроков. Это как на столе, к коньяку нужен лимон, к водке – огурец. А если дома только соленые огурцы, то и коньяк незачем покупать. Например, у нас в «Локомотиве» не было ни второго центрального защитника, ни второго центрального нападающего. Да и смешно это, нам играть с «Динамо» или с Киевом в открытый футбол. Ну, забьешь им два гола, но они же пять заколотят.

Кстати, сам Качалин сыграл по системе «4–2–4» всего несколько матчей. В пару к Никите Симоняну взял Алекпера Мамедова из Баку. А затем мы играли по старой доброй «дубль-вэ». Но об этом чуть позже.

В «Локомотиве» после кубкового пятьдесят седьмого года произошла смена тренеров. Борис Андреевич ушел в ЦСКА. Уж не знаю, по каким причинам, видимо, ностальгия. Новым тренером назначили Евгения Ивановича Елисеева. Опять-таки не знаю, почему. Ведь начальником команды был Николай Петрович Морозов, впоследствии тренировавший сборную на самом успешном для нас чемпионате мира 1966 года. Николай Петрович стал нашим тренером только через два года. А сначала, видимо, посчитали, что после интеллигентного Аркадьева, тонкого тактика, Морозов слишком простоват. Откровенно говоря, Николая Петровича все боялись: был строгим и справедливым. Он ведь и при Василии Сталине, закончив играть, исполнял обязанности начальника команды. Это ж какую надо иметь голову, чтобы находить с ним контакт. Что касается тренерской простоты Морозова, то это действительно анекдот. Сначала он требовал: «Пас надо отдавать щекой, внутренней стороной стопы. Никаких подрезок, прекращайте архитектурные излишества». Все это до пятьдесят восьмого года. После чемпионата мира он вернулся другим человеком. И ничуть не смущаясь, говорил:

– Заканчивайте эту простоту, простота хуже воровства. Надо переходить на скрытые пасы, надо резать.

Совсем другой Евгений Иванович. Сам отличный футболист, участник матчей с басками, он был буквально интеллектуальной копией Аркадьева. Так же любил живопись, превосходно рисовал. У меня сохранился его рисунок сирени с надписью «Любимому Валентину от заслуженного мастера Евгения Елисеева». В общем, на смену одному культурному человеку пришел другой культурный человек. Величие Елисеева было в том, что он не стал ломать ниче-

Матч «Локомотив» – «Шахтер»

го аркадьевского. Только добавлял, даже в тактическом плане. Нам Борис Андреевич все-таки запомнился как тренер оборонительного плана. А Евгений Иванович сам был полузащитником и тяготел больше к созиданию. Поэтому и старался наигрывать скрещивания, стенки, забегания.

По человеческим качествам, это была величайшая фигура. Трудно сказать, что бы у него получилось, не будь рядом Морозова, потому что Елисееву футболиста наказать – это как себе на горло наступить.

Он в каждом подопечном видел прежде всего человека. Мог с резервным игроком сидеть на скамейке и вслух комментировать игру. Был, к примеру, такой случай, мне потом рассказывали, следил Евгений Иванович за тренировкой, а рядом с ним сидел молодой футболист Спиридонов. Елисеев жевал баранки и говорил:

– Вот смотри, как Бубукин хорошо предложил. Сейчас ему дадут пас, и у него масса вариантов. Учись... На баранку.

В это время я действительно получаю мяч и запарываю передачу. Он смотрит на Спиридонова:

– А ну отдавай баранку!

В игре на фортепьяно Елисеев перещеголял Аркадьева. Хорошо умел играть и как-то стеснялся этого. Как дети стесняются своих хороших качеств, пытаются показать дурные. На базе в Баковке в комнате отдыха стоял рояль. На нем, кстати, играли Лядова, Пантелеева, когда приезжали туда выступать. Так вот, Елисеев тайком садился за инструмент и играл классику. А мы сзади про-

крадемся и слушаем. Вдруг кто-нибудь случайно скрипнет, он вздрогнет и сразу начинает громко стучать блатными аккордами. И поет при этом «Прямо на диване, с грязными ногами...».

Вот такие два разных человека – Елисеев и Морозов – прекрасно ладили и дополняли друг друга. Оба любили махнуть по стопочке. Причем всегда пытались это сделать тайком от игроков. Например, когда команда поездом ехала, они поручали администратору Бубенцову переливать водку в чайник, чтобы бутылками перед игроками не греметь. Как будто кипяток. Один раз Бубенцова случайно толкнули, из соска полилось, и мы почувствовали аромат этого кипятка.

Под руководством Елисеева «Локомотив» добился наивысшего в советской истории достижения – серебряных медалей 1959 года. Даже были в шаге от золота, но динамовцам удалось сравнять счет в матче с нами, и они опередили нас в итоге на два очка. А так была бы переигровка. Но все равно были счастливы. Нас поощрили, дали по фотоаппарату ФЭД...

После 1958 года я заиграл в сборной по серьезному. Качалин стал делать команду заново. Он оставил Яшина, Игоря Нетто, Валу Иванова. Оставил ось, как тогда шутили – «Берлин Рим Токио». Еще из игравших на чемпионате мира был Юра Войнов. Я

уже писал, что осенью пятьдесят девятого в Будапешт на матч одной восьмой финала нас возил Якушин. Там выступал уже практически парижский состав. Кстати, это была единственная официальная встреча, где в составе сборной мы вышли на поле вместе с Толей Исаевым. Два заводских паренька из ВВС. Два инсайда сборной СССР. «А-ля монтре» в Будапеште.

Испанцы, как известно, играть четвертьфинал с нами отказались. Поэтому ключевой встречей перед Францией можно считать игру в Москве с поляками. На матч приехал тренер испанцев Эленио Эррера. До этого он сказал Франко, что обыграет нас процентов на девяносто. Корреспондент Геннадий Радчук находился недалеко от Эррера и рассказывал, что тот смотрел во все глаза, все время что-то записывал, а потом сидел, как иногда говорят, «скрестив руки на груди». Так он не просто скрестил, а лихорадочно менял их местами – то левая сверху, то правая – переживал. Вернувшись в Испанию, он имел сорокаминутную беседу с Франко, в которой сказал, что шансы уравнились – пятьдесят на пятьдесят, что Понедельник чем-то похож на Ди Стефано, Миша Месхи на Хенто, что очень сильный у нас, мозговой трест Валя Иванов, с необычной обводкой, необычными решениями. Это в газетах наших было написано. А мы в Озерах сидели на сборах. И до последнего дня ждали решения. Как бы сложилась игра, честно говоря, не знаю. Очень сильная команда у них была. И все-таки за два дня до матча поставили им баранку. Мы без игры попали в финальную часть.

7. Левый инсайд в Париже

Мне довелось работать со многими выдающимися тренерами. Все они, разумеется, большие специалисты своего дела, так что писать об этом, нет никакой нужды. Но у каждого великого наставника были свои принципы организации дела, свой педагогический подход. Гавриил Дмитриевич Качалин умел не только выработать тончайший тактический план на конкретную игру, но и очень доходчиво донести его до футболистов. Сейчас уже понимаю, что делал он это ювелирно с психологической точки зрения. Перед каждым матчем мы просматривали пленку с записью игры соперника. Он делал разбор и говорил:

– Состав назову перед игрой. Прошу только внимательно посмотреть пленку и на следующем занятии каждый должен сказать, как бы он построил игру против своего будущего соперника. Ин-сайд против хавбека и так далее.

И на следующем теоретическом занятии каждый вставал и минуты по три высказывал мнение о своем визави, а также давал свой совет, как бы он построил игру. Все, включая Яшина. И Качалин со всеми соглашался! Звучало это так.

Допустим, перед матчем с поляками я должен был играть против Шалтысика. Встаю и говорю, мол, сразу вижу, что могу Шалтысика перебежать. Он техничный, но невнимательно играет в обороне, не успевает возвращаться. Это можно использовать.

– Все правильно, Валя, ты подметил, – говорил Качалин. – А еще ты должен присмотреть за Мишиным защитником. Он быстрый, часто подключается, Миша может не успеть, ты должен помогать закрывать. Своего бросай и подключайся к Мише... И тогда этот план пойдет.

Валя Иванов говорит:

– Я посмотрел, он медленный, если мне за спину будут давать, я...

И так далее, и так каждый игрок. То есть когда мы выходили на поле, были в полной уверенности, что идем реализовывать свой собственный план на игру и, соответственно, действовали осмысленно и сообща.

Уже сейчас анализируя, я понимаю, что Качалин и душой-то не кривил, потому что глупостей очевидных мы сказать не могли. Не первый день в футболе. Другое дело не так тонко видели общую картину. Достаточно было слегка отшлифовать наше понимание задачи, добавить конкретные детали. И качалинский план становился нашим. А что значит заставить игрока думать до игры и во время ее, причем в масштабах всей команды!

Словом тонкий психолог. Тоже большой культуры человек. Мат пресекал на корню. Говорил, футболист это эталон, по существу это артист. Вы видели когда-нибудь, чтобы артисты при народе выражались? С виду очень мягкий и вежливый человек, он был, в принципе, достаточно жестким. Но если иной тренер проводит «воспитательную» работу с помощью крика и ругани, то Качалин в таких случаях подчеркивал значимость слов обращением на «вы». Он мог сказать: «Если повторится, то я вынужден буду вас освободить из сборной». И вот это тихое «вы» продирало почище любых оскорблений...

Как я уже писал, Гавриил Дмитриевич использовал на чемпионате Европы расстановку «дубль-вэ». Три защитника, два полузащитника, два инсайда, три нападающих. Плюс Лев Яшин. Прежде чем вспомнить о поездке во Францию, хочется немного рассказать о футболистах, которые 10 июля 1960 года вышли на поле стадиона «Парк де Пренс». Прямо по позициям.

Первым номером в команде был Яшин. О Льве Ивановиче много говорят и пишут, он совершенно справедливо признан лучшим вратарем в истории футбола. Он прекрасно выбирал позицию, избегая лишних падений, уже тогда выполнял часть функций чистильщика, выходил

из штрафной, снимал кепку, играл головой и так далее. Все это известно. Но я хотел бы поделиться одним соображением, особенно с теми, кто не видел Льва в действии. Один случай заставил меня задуматься об истоках Левиного мастерства. Мы отрабатывали на тренировках удары по воротам. Я очень удачно обвел его мячом, он даже не дернулся, и я радостно закричал. А Лев посмотрел на меня и серьезно сказал:

– Чего ты радуешься? Я этот мяч взял.

То есть он достиг такого совершенства, что мог проводить физическую тренировку мысленно. Я бью, головной мозг фиксирует удар, дает сигнал в ноги, ноги пружинят, он падает и берет. Только все мысленно! В следующий раз я уже не смеюсь, а он чрезвычайно расстроен:

– Какой же я дурила. Момент удара прозевал. Пропустил мяч, не взял...

Читатели могут посчитать эту мысль надуманной. Но, поверьте, в ней нет ничего особо нового, разве что применительно к вратарскому искусству. Я много читал и анализировал. Вот, что писали про Паганини. Некий англичанин решил узнать секрет его репетиций. Просверлил дырку в гостиничном номере и в течение сорока пяти минут смотрел, как одетый во фрак скрипач стоял с поднятым смычком, не двигаясь. После этой «репетиции» Паганини был весь мокрый от пота. А вот вполне реальный эксперимент. Ученые провели специальное исследование с помощью одного известного дирижера. Он сидел в изолированной комнате, а в соседней включали запись большого оркестрового произведения. По сигналу лампочки он начинал мысленную работу с оркестром, игру которого он не слышал. Там пошел фагот, здесь первая скрипка. После «внутреннего» финального аккорда дирижер нажимал на кнопку. В тот же момент заканчивалась запись и в соседней комнате. Уникальное чувство темпа и пауз.

Я не большой знаток физиологии, но, видимо, есть научное объяснение таким феноменам, когда голова как бы моделирует то, что реально должны сделать руки и ноги. И Лева был одним из редких счастливицков, которые благодаря врожденному таланту и большому трудолюбию добились идеального исполнения своих мысленных приказов. Тому немало подтверждений. Бывало на тренировке стоит он минуты три и взглядом провожает летящие в ворота мячи. Со стороны может показаться, что просто пижонит. Потом включается и тацит все, что только можно. За те три минуты он в голове просчитал все возможные траектории. А вот что он делал, по собственному признанию, во время матча. Выбивает от ворот Кесареву, но не выключается из игры, а мысленно действует на месте правого защитника. Кричит, отдавай Иванову, дальше за Вальку делает пас Понедельнику и вместе с ним бьет по воротам. Потом «отрабатывает» в обороне, страхует партнеров. Центральный нападающий соперников выходит на хорошую позицию, мощ-

**Лев Яшин ловит рыбку.
Сборы в Баковке. Конец 50-х годов.**

но бьет, и Лева практически без движений забирает мяч. Трибуны в восторге, пресса пишет: «Как Яшин прочитал комбинацию и оказался в нужном месте!» Он не читал комбинацию, он в ней **УЧАСТВОВАЛ!**

После того матча с поляками Яшин потерял три килограмма веса, хотя упал за игру всего несколько раз. С чего бы это? Сидел у весов выжатый как лимон и курил свою «беломорину» (ему разрешали). У нас к взвешиванию относились очень серьезно. Андрей Петрович Старостин любил приводить пример из конного спорта. Один наездник на фаворите проиграл на финише

всего ноздрю лошади, потому что забыл из кармана выложить ключи от конюшни. А вы, говорил, эти двести граммов таскаете полтора часа. Толя Крутиков, когда становился на весы, все время отхаркивался и сплевывал, чтобы «сбросить вес».

Не так давно приезжали итальянцы, снимали фильм о Яшине. И где-то они вычитали приятный факт, что в мире больше меня Лева забивал только Ворошилов. Витька – семь, а я – шесть. Они меня спросили:

– Господин Бубукин, как вам удалось забить столько мячей Яшину?

Я отвечал:

– Сначала, когда выходил на ударную позицию, смотрел на Яшина. А он на меня. И получалось, что он тебя просто гипнотизирует. Куда не бьешь, он всегда в том углу. И я решил не смотреть перед ударом...

В принципе, у меня ворота и так сфотографированы. Так что, когда я входил в зону, то просто изо всех сил бил, а потом уже голову поднимал и видел – гол. Потому что взгляд на Яшина – это

взгляд удава на кролика, – кранты, из удобного положения не забьешь...

Вне поля Яшин тоже являлся лидером. У нас было два таких авторитета: он и Нетто. Об Игоре речь впереди, а отличительной чертой Левы была необычайная искренность. Многие из нас говорили и говорят публично о любви к Родине. Между собой же разговор идет, в основном, о квартирах, машинах, деньгах. Стесняемся, наверное, как бы не подумали, что «не все дома». А вот у Левы получалось естественно. Он частенько приходил в гости ко мне «на кухню», жили они рядом, на Песчаной. У меня теща еще жива была, они с Зоей делали вино из яблок со старого огорода на Войковской. Дома всегда стояли тридцатилитровые бутылки. Лева, правда, со своей язвой предпочитал немного водки. Сядем на кухне, выпьем, слово за слово, я и спрашиваю, что было для него главное, когда он играл. И он не в микрофон для статьи, а похрустывая огурчиком, говорил:

– Прежде всего, прославить Родину надо, чтобы все знали, что Советский Союз – это сила. И конечно, общество – чтобы «Динамо» звучало. А уж напоследок, что мне перепадет там.

Он был старше меня на три года и значительно более именитый, но все равно у нас было много общего. Начинали оба на заводских стадионах «Крылья Советов» – он в Тушино, я на Войковской, – параллельно работали токарями, Лева и там меня переплюнул: в шестнадцать лет получил медаль «За трудовую доблесть». Дети наши – ровесники. Все в одной школе учились, французской. Ну и как бывает в таких случаях, мы моих двух пацанов еще в детстве «поженили» на его девчонках. Валентина даже говорила, старшие пусть у вас живут, а младших я к себе возьму. Но молодежь, конечно, на нас стариков внимания особого не обращала, и все решила по-своему...

Справа в защите играл Гиви Чохели из тбилисского «Динамо». Второй номер. Гиви попал в основной состав случайно, потому что у Володи Кесарева во Франции случился приступ аппендицита. С французского чемпионата сборная становилась все более многонациональной. До этого в ней играли в основном москвичи. Ну, Юра Войнов из Киева. Это потом уже после успехов Маслова, Севидова и Лобановского в команде стали преобладать украинцы – самоотверженные, дисциплинированные, неуступчивые. Действующие под девизом «Сало есть сало, чего его пробовать». А в нашей

команде впервые появилось несколько грузин. Чохели, Месхи... Да и Метревели они считают своим. Хотя здесь дело не в национальности, а в принципах того футбола, где прошло становление футболиста. Грузины прибавили советской сборной элегантности. А срочная замена Кесарева на Чохели – свидетельство большого потенциала нашей команды. Среди жестких московских защитников, которые, как говорится, «вставляли от души», появился техничный и добрый грузин, что не сказалось на общем результате. Гиви прекрасно играл головой, чувствовал пас, а за пределами поля отличался тонким юмором. Один раз они с Мишей Месхи «обвели вокруг пальца» наших тренеров, доставив большое удовольствие игрокам. Но об этом чуть позже.

Центральный защитник Анатолий Масленкин. Толя дебютировал в сборной еще в 1955 году в матче с чемпионами мира – немцами. Но тогда третий номер был «намертво» закреплен за его тезкой и бывшим одноклубником Башашкиным. Об этом была даже знаменитая байка.

У гастронома к футболистам подошли двое выпивох и спросили:

– Эй, мужики, кто Башашкиным будет?

То есть третьим.

– Ну, я, – ответил Башашкин.

– Тогда давай рупь.

Вот Масленкин и играл полузащитника, он даже забил свой единственный мяч за сборную в ворота немцев. И олимпийским чемпионом Мельбурна стал на этой позиции. Толя плохо слышал, и, как обычно бывает с такими людьми, у него острее были развиты другие качества – прекрасное видение поля, безошибочная интуиция. Кричать ему было бесполезно, потому что, во-первых, все равно не услышит, а во-вторых, он постоянно взглядом, как веером, окидывал поле и еще до приема заранее планировал развитие атаки. Как следствие, у него была блестящая передача, и он редко играл в отбой.

В памяти почему-то сохранились его туфли. Он даже зимой ходил в летних туфлях с дырочками. Еще было весело смотреть,

как они в паре с Игорем Нетто играли в дурака. Оба серьезные, они и к этому делу подходили ответственно.

Как-то так сложилось, что в «Спартаке» Толе разрешали в день игры не делать зарядку. И такое к нему было уважение, что и в сборной Качалин сохранил ему эту привилегию. Всех, невзирая на титулы и звания, выгоняли на улицу, а Масленкин спал до девяти, просыпался и делал массаж. Доверяли тренеры Толе полностью, потому что не было игры, которую бы Масленкин заперол.

Правда, Никита любил рассказывать, что один раз в матче с «Торпедо» Масленкин не справился со Стрельцовым, и Николай Петрович Старостин упрекал его:

– Толя, как же так! Ты посмотри, как Хренов плотно играл с Симоняном! Он не дал Никите сыграть. А ты распустил Стрельцова, он что хотел, то и делал.

Толя насунился и ответил:

– С Симоняном и я бы справился.

Надо сказать, что у многих тренеров был какой-то комплекс Стрельцова. Один наставник говорил известному защитнику:

– Эдик Стрельцов играет пяткой, это все знают. Так вот, я тебя при всех предупреждаю, что, если он пяткой отдаст голевой пас, я с тебя снимаю зарплату.

В игре так и случилось, и тренер смотрит на игрока, как палач на жертву:

– Ну что будем делать? Я же тебя предупреждал!

Тот в сердцах отвечает:

– Вы с себя снимайте зарплату. Вы меня не предупредили, на какой минуте Эдик пяткой отдаст передачу. Я что же, должен все время бегать и только на пятки ему смотреть?!

Анатолий Крутиков появился в сборной незадолго до Кубка Европы на левом фланге защиты вместо Бориса Кузнецова. На чемпионате мира в Швеции на всех большое впечатление произвели действия крайнего защитника бразильцев Нилтона Сантоса. Он первым стал выполнять стремительные фланговые подключения к атаке, играл, как сейчас говорят, «челнока».

В нашем футболе первым атакующим защитником был Толя Крутиков. Выбор его тренерами, видимо, был еще связан и с тем, что на случай подключения к атаке Крутикова блестяще страховал партнер по спартаковской обороне Масленкин. Правда, в финале Толе было не до подключений, он плотно действовал против пре-

восходного югослава Шекуларца. Как говорится, не до жиру, быть бы живу. Вне поля у него, как и у всех нас, была своя изюминка. Все время пил чай, который никто не мог в рот взять. Как только забурлит кипятик, он быстро наливает и пьет. От этого у него на губах кожа сходила. Он снимал ее пальцами и продолжал пить чай, как ни в чем не бывало. Зрелище не для слабонервных. Спрашивал: «Чайку не хочешь?» – «У тебя слишком крутой, ты же Крутиков».

Юра Войнов, пятый номер. Один из лучших полузащитников на моей памяти. Я уже выше «присвоил» Игорю Нетто титул лучшего, но если бы меня спросили: кого ты возьмешь в команду, Войнова или Нетто? Я бы все-таки по практическим соображениям предпочел Юрку.

Он не обладал универсальной техникой обводки, как Нетто, но был рациональнее. Против него было тяжелее играть. Войнов держал в напряжении полузащиту и защиту по всей глубине обороны. Если Игорь брал мяч, для него потеря была равносильна грубой ошибке. Поэтому он не любил длинных пасов, максимум метров на пятнадцать. И когда мы играли против «Спартака», что Аркадьев, что Елисеев предписывали бросать своего и идти на подстраховку, чтобы в куче отобрать мяч. «Он все равно не даст длинную». С Киевом такие вещи не проходили. Стоило только на секунду оставить соперника, как следовала передача метров на тридцать-сорок в нуж-

ную точку. Кроме того, у него был сумасшедший удар с правой. Тридцать восьмой размер обуви, подъем с горбушкой. Играли как-то с «Динамо», и я действовал против него. Юрка летел к воротам, я висел на плечах, а Ворошилов мне кричал:

– Закрой правую! Закрой правую ногу! Не дай ударить!

Я закрываю, он перекладывает на левую и кладет мяч в девятину.

Позже я попытался перевести неудачу в шутку. Стучал себе кулаком в грудь и говорил:

– Как я здорово правую ногу-то закрыл!

Юрке шутка пришлась по вкусу, он до сих пор ее с удовольствием вспоминает. А вот Виктор Ворошилов смотрел на меня с сожалением:

– Ты прямо как Серега Сальников. Тот после финала Кубка все хвастался, как он меня сделал. Я не понимал, а он утверждал, что подсказал Ивакину в какой угол я буду пенальти бить. В ответ я ему показывал свою фотографию с Кубком...

На сборы Юра приезжал всегда хорошо одетый, интеллигентный. А перед выходом на поле съедал по полплитки шоколада. Эстет, одним словом.

Левый полузащитник Игорь Нетто девять лет носил капитанскую повязку сборной, и этим все сказано. Повторюсь, что они с Яшиным были нашими авторитетами. Слово это полукриминальное, но если оно означает беспрекословное подчинение, основанное на заслугах и личном примере, то подходит как нельзя более кстати. Яшин все-таки был не такой, а Нетто просто наводил террор, требовал порядка. Впрочем, если у кого-то и возникали какие возражения, они исчезали после первого же матча, проведенного с ним на поле. Не было случая, чтобы он убрал ногу, не пошел в борьбу. А самым демонстративным являлся момент после стартового свистка судьи. Обе команды концентрировались на первом мяче, и Игорь Нетто, как Александр Матросов на амбразуру, бросался в это пекло, что бы выиграть начало. Не жалея никого. Это был сигнал, ракета. Он как бы давал установку, что каждый игрок должен так идти вперед весь матч. Попробуй отвернись, попробуй не полезь. У него, конечно, была феноменальная обводка. Спонтанная, не наигранная, как, например, у Мэтьюза, Миши Месхи, Славы Метревели: покажут корпусом в одну сторону, в другую уйдут. У этого, как иногда говорят, «обе ноги родные» были. Мог обвести в любую сторону.

Я здесь стараюсь отмечать эпизоды, которые больше всего мне врезались в память. С Игорем мы часто вместе ходили по магазинам. Не то чтобы это было системой, просто, так уж получалось. Иногда у него чувство ответственности переливалось через край. В пятьдесят восьмом на сборы в Китай я приехал совсем молодым отцом, Зоя только что родила сына Андрея. И мне как-то хотелось шуткой приобщить серьезного капитана к своей радости. В Кантоне мы остановились у отдела детских вещей, и я сказал:

– Надо взять вот эти ботиночки и штанишки. Когда вырастет, скажу, Андрюша, это тебе сам Игорь Нетто купил!

И пошел дальше по универмагу смотреть. Вдруг сзади меня трогает за плечо Нетто и протягивает купленные им для Андрея вещи. Я, естественно: «Зачем? Я сам!» А он:

– Ну, как же ты обманешь ребенка?

На свадьбе у него я не был, хотя со своей будущей женой, актрисой Ольгой Яковлевой, он познакомил меня одним из первых, потому что частенько подвозил меня на своей кремовой «Победе». И в Париже мы уже вместе выбирали подарки для жен. Позже она пригласила нас в Ленком. Шел нашумевший тогда спектакль «Сто четыре страницы про любовь». Ольга играла главную роль – стюардессы – и по ходу пьесы часто меняла наряды. И нам с Игорем пришлось весь спектакль выслушивать Зоины комментарии, у которой дома лежали точно такие же туфли на большой шпильке, махровое платье «настолько оригинальное, невиданного фасона и кроя, с ромбиками и воротничком стоечкой», и даже ночная рубашка.

Тогда все члены правительства, все высшие чины болели за «Спартак». Но Игорь никогда этим не пользовался. Уже потом, когда отношения с Ольгой разладились и он стал терять память, ветераны – Никита Симонян, Алексей Парамонов – написали письмо Юрию Лужкову, и мэр помог Игорю с квартирой...

Номер седьмой – Слава Метревели, правый крайний, веселый, потрясающий человек. Родился он в Сочи, там сейчас стадион назвали его именем, а с двадцати лет играл в «Торпедо». Поэтому лучше Вали Иванова о нем сейчас не расскажет никто. Сыгранность у них была превосходная. И хотя Иванов частенько покривал на него и не только пушкинским языком. Слава потом откровенничал: «Кузьма сделал из меня футболиста». Гугтаперчевый мальчик, необычайно прыгучий, все его тело работало, играло. Создавалось впечатление, что даже без мяча – бежит он или

идет – все равно финтит. Уже тогда в Грузии он был героем, несмотря на то что играл за московский клуб. Ходила шутка: «Славу КПСС – не знаем такого, есть Слава Метревели!» Торпедовцы рассказывали, что в Тбилиси, где на переполненном стадионе лишь десяток заезжих психов могут болеть не за «Динамо», их команда порой получала не меньше аплодисментов. Причем за «Торпедо» откровенно болела часть трибун, находящаяся ближе к правому флангу атаки. После перерыва, когда команды менялись воротами, болельщики тоже как будто пересаживались на противоположную сторону стадиона.

Затем он восемь лет играл в Тбилиси. А в Грузии – не как в России: футболист оставался героем и после завершения карьеры. Кстати, когда Леву Яшина начали травить после чемпионата мира в Чили и московская публика встречала его оглушительным свистом, в Тбилиси он по-прежнему оставался «великим Львом». А вот Славу назначили директором хинкальной возле Дигоми, где расположена база «Динамо». Тогда был общий дефицит продуктов, и люди, увидев кого-нибудь с кошелкой, спрашивали:

– Слушай, дорогой, где яйца брал?

– Да у Славы Метревели.

Был я там в его хинкальной. Конечно, в штате состоял и фактический директор, специалист, руководящий процессом, но без Метревели он был ничто. При мне он протягивал Славе список продуктов. Тот поднимал трубку и говорил:

– Сулико! Нужна вырезка. Хорошо, сейчас подъеду.

Популярность ветерана была необычайной. В 1974 году в Тбилиси была встреча команд Вооруженных Сил. Тарасов послал меня туда посмотреть и напутствовал:

– Валь, если есть «золотая рыбка», то срочно звони.

Мне приглянулись центральный защитник Шальнев и еще один футболист. Позвонил в Москву и доложил:

– Анатолий Владимирович, есть тут две «золотые рыбки».

– Я завтра вылетаю. Встречай.

Поехали в аэропорт на Славиной «Волге». А Тарасов в своем репертуаре. Прилетел в спортивном костюме, без вещей. Думал, посмотрит на футболистов – и обратно в Москву.

Но Метревели ни в какую: как так, не проявить нормы гостеприимства? Везет нас явно не на стадион. Анатолий Владимирович заволновался:

- Куда мы едем?
- К прокурору.
- Зачем!?
- Не волнуйтесь, в гости.

И мы хорошо посидели у прокурора города Тбилиси, большого поклонника футбола. У Татьяны, Славиной жены, было музыкальное образование, она нам играла на фортепьяно. А Тарасова больше всего обрадовало, что его не потащили в ресторан в спортивном костюме.

Валентин Иванов – самый титулованный футболист двадцатого века в России. Но дело не в титулах. Во-первых, никого не было выше него в атаке. А во-вторых, он был, по существу мозговым трестом команды. Хорошая стартовая скорость, высокое понимание игры, техника – обладая этими качествами, он еще умудрялся находить такие решения, которые ставили в тупик противника, трибуны и нас, партнеров. Все приходило в себя лишь после того, как мяч оказывался в сетке. По значимости в команде и масштабу выполняемых задач его из современных можно сравнить с Зиданом. Но только сравнить. Например, мяч у Иванова – и грамотная защита настроилась на всевозможные продолжения атаки: короткое взаимодействие с Метревели, вывод в прорыв Понедельника или позиционный перевод, допустим, на меня. Но вальяжный Иванов легко убирает двоих, издевательски укладывает вратаря и кладет мяч в пустые ворота. Такого в исполнении Зидана я не видел. Может современный футбол не дает ему времени. Есть другие футболисты, демонстрирующие блестящий дриблинг в штрафной, но охватить все в комплексе – это мог только Валя.

«Торпедо» – в принципе, рабочая команда, заводская. Люди все простые, доступные. И у Валентина была такая черта: он пулял матом. Весьма ценное качество. Потому что футбол требует такого нервного напряжения, что без выхода нельзя. Вот почему ни у льва, ни у тигра, ни у крокодила не зафиксировано инфарктов? Потому что если их кто-то разволнует, они просто разорвут – и все. Посмотрите, крокодил: лежит на солнышке – греет пузо, и никакого психоза. Но когда ученые посадили в две клетки по кошке, а перед клетками по мышке и у одной кошки загородили мышку листком бумаги, то там, где не было бумаги, кошка через два дня сдохла, не выдержала напряжения.

Каким Валя был футболистом, таким и тренером стал жестким и требовательным. Мы с ним, кстати, в то время были, по существу, единственными известными футболистами, которые стали руководить командами сразу по завершении игровой карьеры. И у Валентина Козьмича пошла работа. Он относился ко всем одинаково строго. Бывает, некоторые игроки высказывают, особенно молодому тренеру: «Вы где играли! Что вы нам рассказываете! Говорите об арифметике, когда мы уже залезли в высшую математику!». С Валею такой номер не проходил. Даже Эдик Стрельцов, когда вернулся, играл под его началом и в узком кругу называл его, как обычно, «Кузьмой», а уж прилюдно «Валентин Козьмич».

Семья у Иванова прекрасная. Мы часто встречаемся и просто так, и на всех этих бомондах. У Лидии по гимнастике больше титулов, чем у Вали в футболе. Она и в жизни поглавнее. На праздниках она легко обходит мужа. Находит такие же решения за столом, какие Валя находил на поле. Например, на юбилее Вити Царева она встает и говорит:

– Посмотрите на наших ребят. Вить, встань! Валь, Бубукин, встань! Валь, мой, встань! Витя Понедельник, встань!

Заставила нас всех встать, всех построила.

– Посмотрите, какие красавцы...

Сделала паузу, как опытный тамада. Все уже заулыбались мол, похвалила мужиков, тост закончен. Как бы не так! Надо же и себя не забыть. И она врезает:

– Вы знаете, сколько за ними гонялось баб! А мы в сторонке стояли, но они же нас выбрали!...

Валентин Иванов-младший совершенно заслуженно является лучшим судьей на сегодняшний день. Я одно время работал инспектором, и мне приходилось ездить на матчи с его участием. Мало того, что он прекрасно контролировал игру, он и за полем оставался чистейшим парнем. На все просьбы и требования помочь, ответ был неизменным: «Пусть вам стены помогают, а не судьи». Он меня еще очень радовал и как футболист, потому что по уму, по умению, напоминал отца. Такой же ухват игры, такой же вальяжный. Жаль, что не такой же взрывной. Не хватало ему стартовой и дистанционной скорости. Зато всю прелесть того, как он демонстрирует свое понимание игры со свистком в руках, сейчас оценили все, даже в ФИФА. Так что вся семья знаменитая.

Девятый номер. Центр нападения – Виктор Понедельник. Забивной, настоящий форвард. В нем превосходно сочетались два качества. Во-первых, он на протяжении всего матча, не жалея себя, шел на любую передачу в постоянном контакте с защитниками, ставил голову, лез на опережение, получал. Я не видел, но мне рассказывали, что таким был знаменитый Лаутон. Виктор, наверное, первый, кто стал надевать две пары щитков. Одну пару вперед, а другую – на икроножные мышцы, сзади. И, я думаю, за то что он всегда находился на передней линии, судьба его отблагодарила, он забил решающий мяч в финале. Пошел, как всегда, в борьбу и опередил вратаря на долю секунды. Вратарь уже пальцами мяча касался, а тут Витина голова. А во-вторых, он и «мяч не жалел», кроме того, что не жалел себя, хорошо играл в пас. В полуфинале с Чехословакией Понедельник мог идти сам, но предпочел сыграть двойную стенку с Валентином, и Валя забил. То есть чрезвычайно агрессивный нападающий, но в то же время коллективист.

Ну и, конечно, восхищала преданность Виктора своему родному городу Ростову. Такая же, как у Льва Яшина по отношению к «Динамо». Но Лева играл в Москве, в чемпионской команде. Его, чтобы перевести в другую команду, даже при согласии самого Яшина потребовалось бы, наверное, вооруженное восстание. Витя же играл в клубе, только что попавшем в высший эшелон, и ему отбоя не было от предложений. Перетащить по армейской линии было значительно легче, чем, скажем, меня из «Локомотива». Тем не менее Бобров в конце 1960 года нас вместе пригласил в ЦСКА. Об этом подробнее я напишу чуть позже. Виктор приехал в Москву и вроде бы дал устное согласие. Ему даже квартиру показали. Но так получилось, что назначение Всеволода Михайловича на должность

старшего тренера ЦСКА не состоялось. После чего проснулись утром, а Вити и след простыл. В Ростове его народ от поезда до дома на руках нес. Лешка Еськов рассказывал, что Витю во всем городе величали «Отец».

Когда мы приезжали туда играть, независимо от результата Виктор после игры приглашал меня в квартиру. Я каждый раз сомневался. Хоть и заслуженный, но неудобно перед командой, вечером поезд. Но он только покажет мне фирменный ростовский рыбец, и сил нет отказаться. Сейчас мы, разумеется, часто выезжаем почетными гостями. И если меня ценят за веселые истории, то Витя – настоящий оратор. Он один из немногих был уже тогда эрудированным парнем, недаром потом окончил факультет журналистики МГУ.

Миша Месхи. Левый край, мой постоянный фланговый партнер в сборной. Когда он был «в духе», у меня словно крылья вырастали, хотя именно тогда и не нужны были эти крылья. Перед выходом на поле я всегда спрашивал:

– Миш, как чувствуешь?

Он пояснений не давал, поскольку по-русски плохо говорил, только гордо бросит:

– Ноги.

Значит, неважно. Значит, мяч надо в ноги отдавать. А самому настраиваться на большое движение в матче, чтобы отвлекать защиту. Но когда хорошо себя чувствовал, говорил:

– За спину.

Берегись, оборона! Миша может бежать ко мне на короткий пас, а я уже, не думая, посылаю мяч за спину защитнику. Получалось, что поезда расходились. Болельщики со стажем помнят зрительно, а те, кто помоложе, наверняка наслышаны о знаменитом «финте Месхи». Немногим футболистам выпадает счастье, чтобы их имя было присвоено определенному футбольному движению. А Миша не жаден был до славы. Пойди, скопируй такой финт со стороны. И он меня, не обладавшего исключительной техникой, обучал своему грозному оружию.

– Ты не так делаешь. Не туда двигаешься. Надо идти к флангу от ворот соперника и пяткой прокидывать. И тогда ты встречаешься с мячом.

А ведь большинство держало в секрете свои козыри. В одном из товарищеских матчей в «Лужниках» сотысячный стадион бук-

важно взорвался, когда с интервалом в пятнадцать минут «фит Месхи» продемонстрировали сначала автор, а затем и «работяга» Бубукин.

Миша обладал непередаваемым юмором, который в придачу к характерному произношению пробивал лучше всяких грузинских анекдотов. В Тбилиси, после фирменных проходов, он постоянно искал в штрафной Заура Калоева. Заур был несколько раз с нами на сборах, в Германии хорошо забивал. И так получилось, что на следующий сбор в Голландию не взяли Месхи. Его спрашивают:

– Миша, как же так получается?

– Вах! Какая несправедливость! Какая несправедливость! Одного, второго обвожу, прохожу по флангу, вижу Калоева. Бью Калоеву по голове, мяч в воротах – 1:1. Второй раз прохожу, бью ему второй раз по голове – 2:1. Выигрываем! Калоев – в Голландию, я – в Тбилиси!

Или на одном из экзаменов по теории, которые любили проводить Качалин с Якушиным, был задан вопрос: как должен играть современный край или полузащитник. Отвечали примерно так: должен вести оборонительные функции, отсюда подача, отсюда прострел, отсюда... И так далее. И вот дошло дело до Миши Месхи. Он говорит:

– Гавриил Дмитриевич, я плохо говорю по-русски. Ви нэ пойметэ.

Качалин предлагает:

– А вот Чохели прекрасно говорит по-русски. Ты говори по-грузински, а он будет переводить.

И вдруг Месхи начинает руками махать и ругаться на грузинском (мы-то знали многие нецензурные слова). И складно же так получается. Чохели хватается за голову, потом, еле сдерживаясь, переводит: «Крайний нападающий должен проходить по флангу. Если обвел своего, то значит, кто-то освободился, прострел...» А тот ругается без остановки. Качалин:

– Ну что ж, Миш, достаточно, молодец. Садись, экзамен сдал.

– Пачэму, Гавриил Дмитриевич, я ище могу!

Позже ему в горах построили шикарную виллу. Завистники доложили в ЦК Грузии. Там спросили:

– Он сам строил, или ему помогали?

– Ему помогали.

– Молодцы, что помогали.

Мы туда как-то приезжали – просто рай. Рабочие долбили скалу отбойным молотком, как в метрополитене, для гаража, и вдруг из горы полилась вода. Миша сделал небольшой грот, бассейн, и пустил рыбок. И в этом гроте стол стоял. А рядом расхаживал хозяин в динамовских трусах и майке.

– Посмотри, – говорил, – какой у меня номер на спине?

– Одиннадцать.

– Вот столько детей у меня будет.

Хлопнул в ладоши. Маленькая бежит, несет сыр, постарше тащит мясо, третий вино...

8. Чемпион Европы

Во Франции никто нас фаворитами не считал, все три команды котировались выше. Может, о нас мало информации имели, не смотрели. Ведь в финальную часть мы прошли, по сути, без борьбы. Поместили нас в гостинице на отшибе, и там мы спокойно жили и тренировались. Корреспонденты не давали покоя югославам, французам и чехам. А к нам ноль внимания.

Марсель, портовый город. Температура днем плюс тридцать пять градусов. Высокая влажность. Организаторы хорошо придумали – назначить полуфинальную игру на двенадцать часов дня, в самое пекло. Неважно, кто выиграет – чехи или мы, – любая команда затратит много сил, и французы в финале легко возьмут победу. Разумеется, все рассчитывали, что хозяева выйдут в финал. Но там, в Париже произошли веселые дела. Французы вели счет, за пятнадцать минут до конца было 4:2, но в итоге уступили югославам. Это был настоящий шок для организаторов.

А мы вышли играть с чехами. Мне противостоял Йозеф Масопуст, которого, кстати, недавно признали лучшим футболистом Чехии двадцатого века. Через два года ему вручили «Золотой мяч». Здоровый, серьезный парень, он зимой вроде бы еще и в хоккей играл. Что уж говорить, если Качалин, зная мои физические возможности, все равно предупредил:

– Валентин, придется тебе с ним пободаться.

Ну, мы с ним и бодались весь матч. Здесь уже не было такого, чтобы соперник встал. Он – я, он – я. Но Масопуст из-под меня ничего не смог сделать. А я поучаствовал в одной красивой голевой комбинации. Выиграли со счетом 3:0.

Народ в Марселе тогда еще веселый был. Второй полуфинал должен был состояться только вечером, так что на нас тут же налетела радостная толпа, и у Левы Яшина утащили кепку. А у него старая фетровая кепка – талисман, не мог он без нее. Как Иванов, который играл в заплатавшем сером свитере лет пятнадцать. У Левы на глазах слезы. Попросили кого-то из организаторов, и они передали по радио, что у знаменитого Яшина утащили кепку, а кепка – его талисман. Что вместо кепки он готов отдать на сувениры любые вещи – майку, свитер, что угодно, вплоть до трусов, – только бы ему кепку принесли. И ведь один полицейский принес и сказал: «Но вы же обещали...» Лева: «Вопросов нет».

После этой победы отношение к нам в корне изменилось. Тут уж и журналисты повалили. Про меня в газете написали в том духе, что Иванова и Нетто мы знали, а теперь еще увидели в середине поля у русских конструктивного «рано облысевшего» футболиста. Нежно написали. Но дело даже не в нашей хорошей игре. Югославы дали французам такую пощечину, что теперь вся Франция молилась на нас, требуя отмщения. Из марсельской гостиницы нас перевезли на шикарную двухэтажную виллу под Парижем. Подразумевалось, что там будут жить хозяева перед финалом. Изысканная столовая, внизу просторный холл с камином, кругом лес. На зарядку бежим, везде таблички «private», «private», «private» «собственность».

Там мы и жили три дня, как одна семья. Качалин снизу свистит, и сразу все просыпаются, не надо по комнатам бегать. Отсюда

Сборная СССР

и поехали на финал. Дождь шел. Поле на «Парк де Пренс» было огорожено решеткой, даже скамейка запасных. Ни тренер, ни кто другой не могли выйти на поле. Когда кого-то подбивали или сводило ногу, судья поднимал руку, открывали дверь, врач вылетал, оказывал помощь – и обратно. Там специальный человек стоял у двери.

Ко всеобщему удивлению и радости, перед игрой в раздевалке не было никого из «ответственных лиц». Когда в Москве играли, обязательно кто-то из ЦК приезжал: «Вы знаете, страна смотрит, вы обязаны...» Типичная накачка, действующая на нервы. Здесь присутствовала только наша футбольная артель. Футболисты, врач, массажист, Гавриил Дмитриевич Качалин и Андрей Петрович Старостин, начальник команды. Андрей Петрович выступил и сказал нам про Карфаген...

Я уже упоминал, что Качалин не очень-то любил отпускать футболистов со сборов. Работали мы много и не роптали. Но все равно Андрей Петрович ввел в обиход веселый девиз «не пицать и выиграть». Это по-простому. А в особо торжественные минуты он произносил одну и ту же фразу: «Карфаген должен быть разрушен!» Вот мы и не пицали, ждали часа, когда подойдем к стенам Карфагена.

И тогда, в раздевалке «Парк де Пренс» Андрей Петрович тоже такие слова говорил, так что мурашки по коже бегали. А закончил фразой, которую мы ждали целый год:

– Наконец-то настал день, когда мы должны разрушить Карфаген!

Известна еще одна история, как врач Алексеев вдруг при всех сказал:

– Сегодня понедельник. Хочу сказать, что Понедельник в понедельник забьет гол.

На что Витька ему ответил:

– Я тебе! Если не забью, я тебе начищу!

Должен сказать, что это далеко не шуточки. По себе знаю. Когда мы при Маслове играли со Швецией, он вдруг сказал перед игрой:

– Сегодня за голы отвечают Федосов и Бубукин.

Такая фраза, сказанная в нужный момент, оказывает колоссальное психологическое воздействие. Тренер при всех указывает на тебя. В иной игровой ситуации думаешь о разных вариантах продол-

жения атаки, а тут у тебя в висках стучит: «Но тебе же сказали забить, и партнеры знают и ждут». Принимаешь неожиданное решение, которого никто по логике не ожидает, и получается как лучше.

Так же и у Виктора. Врач не врач, а при всех указал на тебя. Уже в крови – он же дал задание забить. И Витька лез на все эти мячи...

Первый тайм, однако, мы проиграли по всем статьям. В техническом плане, в тактическом. Великолепен был Шекуларц, да и все югославы играли прекрасно. Счет 0:1. В перерыве опять слово взял Старостин:

– Как же так? Нас рисуют русскими медведями, рекламу нам создают. Мы должны заломать, мы должны рекламу оправдать. Вить, Валь, соберитесь, покажите, как надо играть. Ну, что вы! Витьку бьют с обеих ног. Вы можете это сделать!

Витьку там действительно колотили и сзади, и спереди, и сверху, и снизу.

Но от слов Старостина я лично так завелся, что готов был всех разорвать. Начался второй тайм, и помню тот ключевой момент. Правый защитник убежал от Мишки по флангу. И я разбегаюсь, делаю подкат, хотя подкаты-то никогда особо не тренировал. Но, когда играешь на таком уровне, срабатывает подсознание. Чувствую, лечу, как глиссер, по мокрой траве, и эта махина – правый защитник на мне. Доехали мы с ним аж до рекламных щитов. Врезались в «кока-колу». Встал, думаю: ну сейчас мне судья задаст. А англичанин Эллис, показывает: о-кей, вставай, все нормально, аут бросайте. У них так можно, потому что я в мяч сыграл, а не в ногу. Это у нас серьезно смотрели, чтобы при подкате одна нога на земле была. И тут началось.

Через пару минут я засадил метров с тридцати. Вратарь почему-то посчитал, что возьмет этот мяч легко. А ведь мог сделать шаг навстречу. Мяч во вратарской в траву полетел, как блинчик на речке по воде, с отскоком. Защитники уже по позициям стали расходиться, а наши-то знали, что если я замахваюсь, то отдавать не буду. Так что Метревели уже дежурил на отскоке. Вратарь сложился и отбил Славке на ногу. 1:1.

Вот здесь мы и начали их переламывать. Переламывать в движении, а когда есть движение, то и техника появляется. Могли еще в основное время выиграть, да Валька не забил из выгодного положения. И как же мы были тогда благодарны Качалину, за то,

что он мучил нас кроссами, стартами, штангой. Мы перелопатили физического труда на две команды. Все это сказалось в третьем и четвертом таймах. В маленьком перерыве Гавриил Дмитриевич сказал:

– Все, спокойно, игра перешла в наши руки. Теперь мы завоевали пространство, осталось его освоить, создавать моменты для взятия ворот. И противника надо додуть.

У несчастных югославов уже пять-шесть человек со сведенными ногами играли. А мы рот пополоскали, и снова в бой. За пять минут до конца, после хорошей комбинационной атаки Миша Мехи прошел по флангу и выдал ювелирный пас на Витю. Прямо так, как он про голову Калоева рассказывал. Только в голову Понедельника не попадешь, на нем постоянно кто-нибудь верхом сидит. Значит, на опережение. Гол!

И югославы окончательно осели. После свистка они лежали на траве и плакали. Кто-то из них потом интересную вещь сказал в ответ на вопрос, чем были вызваны эти слезы:

– Перед матчем Тито прислал нам телеграмму, в которой пообещал в случае победы каждому земельный участок в полное владение, чего хочешь строй. Хочешь – фабрику...

Заплачешь тут, когда такое богатство потерял.

Медали нам вручали на Эйфелевой башне. Загнали всю команду в большой лифт и подняли в ресторан, такой, как наше «Седьмое небо», правда, не вертится. Там присутствовало много известных людей. После церемонии к нам подошел Сантьяго Бернабеу, достал чековую книжку и, почему-то обращаясь к Яшину, сказал:

– Пишите, сколько хотите, любую сумму, я возьму всю команду. Увезу в Испанию.

Я Леве говорю:

– Напиши ему три лимона долларов. Только не забудь шесть полей поставить.

Лева карандашом написал, и еще для верности пересчитал: раз, два, три... Отдал Бернабеу. Тот посмотрел и говорит: «О-кей, нет проблем». Мы все одурели. А нам по сто пятьдесят долларов выдали премиальных. Я еще Зое шубу купил из искусственного меха. Тогда очень модно было; считалось, шикарно. Она ходила, как царица.

Еще в Париже начальник делегации Постников, заместитель председателя спорткомитета разрешил нам выпить по бокалу шам-

панского. В переводе на русский это означало, что руководство официально разрешает нам отметить победу, но так, чтобы без безобразий. И нам так стало приятно, что мы, не стыдясь, не тайком выпьем стакан-другой хорошего вина. Вполне законно. Валя Иванов, Юрка Войнов, Лев Яшин, я и, по-моему, Игорь Нетто собрались у Левы в номере. Лев нажал на кнопку, и нам принесли соломенную бутылку, литра три французского вина. Он расплатился, потом Валентин нажимает, потом я. В общем, всю ночь нажимали. Утром встали к отъезду в аэропорт – и как стеклышки, не брало вино, потому что предельное состояние погасить невозможно. Такое впечатление, что тебе лет десять скинули, как будто ты мальчишка: отбегал на короткую дистанцию за завод, а потом побежал еще в баскетбол играть. Витали в облаках и парили...

В.Понедельник, В.Бубукин, Ю.Воинов, Г.Д.Качалин (слева направо) в парижском отеле с Кубком Европы

В Москве нас, надо отдать должное, приняли с большими почестями. В аэропорту для каждого игрока стояла машина с шофером. Правительственный ЗИМ. Жены и родственники стояли на балконе в Шереметьево. Зоя приехала встречать с Андришкой на руках, ему два года было, и с огромным букетом лилий. А у дверей, когда мы стали выходить, нас встречала толпа

народа. Прошли сквозь строй, Зоя говорит: «Вот наша машина». И я помню: лилии осыпались...

А дальше нас ждал сюрприз в советском стиле. Тронулся кортеж, поехал, на несколько сот метров растянулся. Впервые я ехал, как член правительства: нигде не останавливают, дорогу перекрывают. Привезли в Лужники. В это время был матч первенства страны, играли «Спартак» и «Локомотив». Тут меня Морозов и ошарашивает:

– Переодевайся скорей. Скоро на поле выходить.

Я говорю: «Куда там! Не могу, две ночи не спал». Еле отвертелся, а Маслака заставили. Он ведь в финале не играл. Вот и вышел на поле у «Спартака». Героический человек. Перед матчем совершили мы с кубком круг почета. Народ кричал, ликовал, аплодировал. И нам даже разрешили сесть на трибунах в ногах у правительства. Там обычно кагэбисты сидели. А тут мы, я еще взял Андриюшку на руки.

Спустя какое-то время нас пригласили в Кремль, вручать ордена. Мы уже, в принципе, знали, кому что. Козьмичу – орден Трудового Красного Знамени. Мне – Знак Почета. Ордена Ленина ни у кого не было. За Олимпиаду ребятам давали, а здесь, наверное, решили, что турнир рангом ниже. И уже перед самой церемонией нам сказали:

– Товарищи, не расстраивайтесь, произошли небольшие изменения.

Оказывается, председатель Президиума Верховного Совета Брежнев посчитал, что слишком жирно давать такие награды футболистам. Как мне потом рассказывали, когда ему принесли указ на подпись, он подумал и говорит:

– Бубукин? Он же мужик работающий, медаль ему «За трудовую доблесть».

На ней написано «Труд в СССР – дело чести». Всем на ранг понизил.

От ЦК комсомола дали по грамоте и сказали, какие-то льготы будут у того, кто вторую такую получит. Не удалось. Вторую я получил уже от Верховного Совета России за подписью Хасбулатова. К столетию футбола за вклад... и так далее. А какие льготы за комсомольскую грамоту положены, не знаю, однако помню, что в кремлевскую столовую с ней не впускали.

9. Сержант сверхсрочной службы

Сезон 1961 года я провел в ЦСКА. Тогда насильственный призыв в армейский клуб еще не практиковался, а переходы вообще были запрещены. Только в крайнем случае – переезд из города в город или когда тренеры сами отпускали ненужного игрока. Исключение составляет пятьдесят четвертый год, когда восстанавливали реабилитированный ЦДСА. Тогда многие футболисты пришли по собственному желанию, невзирая на мнение клубного руководства.

Но после чемпионата Европы Хрущев спросил министра обороны Гречко:

– Что ж это, армия у нас такая сильная, а футбольная команда у тебя слабая?

Гречко ответил, что не может насильно тащить игроков. И Никита Сергеевич дал ему добро, разрешил брать любого, кто изъявит желание служить в Вооруженных Силах. После этого и стали использовать призыв в Вооруженные Силы как средство для усиления ЦСКА. А какое там желание, если в Конституции написано, что защита Родины – обязанность каждого гражданина. Не желаешь играть в футбол – будешь два года рыть окопы в вечной мерзлоте.

Со мной дело обстояло сложнее. Я уже отслужил срочную службу в ВВС, но все равно меня всеми средствами пытались «заставить захотеть» пойти на сверхсрочную. В «Локомотиве» меня прятали: то я в санатории, то еще где-нибудь. Так продолжалось до тех пор, пока не позвонил сам Всеволод Михайлович Бобров.

– Валентин, когда-то вы мальчишками пришли ко мне с Исаевым. Я очень рад, что ты вырос в хорошего футболиста. Не буду долго тянуть резину, я принимаю команду. Помогите и ты мне. Руководство предложило и просило, чтобы мы дали результат. Чтобы команда прозвучала так, как она звучала в сороковые-пятидесятые годы. Для этого все условия есть. Если нужно жилье или что другое – все будет. Сделаем тебя офицером, льготы дадим. Будешь получать еще и за погоны.

Жилье меня не интересовало, потому что «Локомотив» дал двухкомнатную квартиру. Получал я тоже вроде неплохо. К тому же, клубный патриотизм – сколько лет отдал команде, хотел уж до конца и доиграть. Но против просьбы своего кумира устоять не мог, тем более, что он всерьез нацелился на чемпионство. Дал я Боброву свое согласие, но предупредил, что будет большой скандал. Всесильный министр, партия, общественность. И действительно. Газеты уже начали писать, что мне вот-вот запретят играть, что чуть ли не заслуженного с меня снимают. Но что мог поделать даже Бещев против Хрущева. И в конце шестидесятого года на вручении медали сам Георгадзе мне сказал, чтобы я не волновался, вопрос уладили.

Команда ЦСКА образца 1961 года

Взывали и к моей совести. Помню в «Гудке» была статья, что я являюсь эталоном как воспитанник «Локомотива», на меня смотрит молодежь и так далее. Словом, попал в нехорошую ситуацию, потому что по природе я человек бесконфликтный. Но сделанного не воротишь. Отдали Боброву паспорта, и через несколько дней меня сделали сержантом сверхсрочной службы – сразу из солдат в офицеры произвести не могли. А Витя Понедельник чего-то замешкался. Он решал вопрос с жильем. Пока ему показывали квартиру здесь, у поселка Сокол, пришло шокирующее сообщение. Всеволода Михайловича сняли и тренером назначили Константина Ивановича Бескова. А за что да почему – не знаю. Мы уже не железнодорожники, а люди военные. Довели до нас приказ главного политического управления об освобождении Боброва и назначении его главным тренером Вооруженных Сил. А дальше извольте исполнять приказ – играть под руководством Бескова.

Сначала я особо не расстраивался, потому что Константин Иванович очень сильный футболист и тренер. Работать с ним было интересно. Очень много занимались теорией. В плане ведения игры у него было много хитростей. Не просто шаблонные фразы: «атаковать большими силами» или «создать преимущество на правом фланге за счет подключения того-то». Он до мелочей разжевывал взаимодействие атакующих звеньев. Даже Аркадьев не давал этого. Борис Андреевич говорил, например, сыграть в стенку. А что такое стенка вроде бы как и само собой понятно. Бесков же постоянно ходил по полю с макетом. На тренировке свистнет, все подбегают, и он начинает детально разбирать положение партнера, положение страхующего, как перевести центр тяжести противника на нужную ногу.

Кроме того, у него была железная дисциплина. Он не прощал никому нарушения режима. Следил за питанием, чтобы врач четко рассчитывал калорийные нормы. Сапожника с собой возил, для того чтобы у игроков бутсы были всегда хорошо пошиты. То есть учебно-тренировочный процесс и материальное обеспечение он ставил от начала и до конца. Создав прекрасные условия для работы и до мелочей расписав свои тактические замыслы, Константин Иванович, к сожалению, больше ничего ни знать, ни видеть, ни слышать не хотел. А ведь целиком перековать сложившегося футболиста, работавшего под началом таких корифеев, как Качалин, Якушин, Маслов и Аркадьев, наверное, невозможно. Вот у этого

блестящего тренера и возникали многочисленные проблемы как с руководством, так и со многими известными игроками. По-настоящему его гений проявился только в «Спартаке», когда футболисты в первой лиге буквально смотрели ему в рот, руководство молилось на своего спасителя, да еще и Николай Петрович Старостин из всех сил сглаживал острые углы Бескова. Там то он практически с нуля и создал великолепный коллектив.

Где-то читал, что мы с Бесковым не сошлись характерами. Да что вы! Когда я был игроком, у меня и понятия такого не было, чтобы противопоставлять свой характер тренеру. Характер свой я проявлял исключительно в игре. Наоборот, с большим удовольствием учился у Константина Ивановича. Пусть даже он, в отличие от других, всячески пресекал отсебятину, не поощрял творчества. Тренеру видней. Но ведь любое слово поперек воспринималось как бунт. Знал бы заранее, притворился бы немым. Но я же пришел в команду после аркадьевских диспутов о футболе, после качалинских разборов. Когда я, допустим, вставал и говорил Ване Моргунову: «Я отработал, открылся под тебя, а ты не отдал», – а он мне: «Я видел, Валя. Мне показались, что ты хорошо увел соперника, а там уже Витька пошел...» Аркадьеv слушает и выдает вердикт: «Валентин, Иван в данном случае прав, потому что...» А тут проиграли мы в Тбилиси. Жара была страшная. Утром набегались в квадрат, даже мне было тяжело играть, уж на что выносил нагрузки. И на разборе Константин Иванович начинает нас ругать. Ругает, ругает, а потом вдруг и говорит:

– И почему же это вы сели во втором тайме?

Мне-то невдомек, что он не спрашивает нас, а продолжает ругаться. Я совершенно искренне отвечаю:

– Почему сели, Константин Иванович? Я думаю, что вы допустили ошибку. Нельзя было при такой погоде в день игры проводить большую тренировочную работу.

Как же Константин Иванович завелся!

– Да вы мне еще будете говорить! Я сам знаю, когда какую тренировку проводить!

Не успокоился, привел известного легкоатлета из «Динамо». «Вот, – говорит, – расскажите Бубукину как вы занимаетесь, какие у вас нагрузки. Тот рассказал. Тут уже мне обидно стало. Пусть хоть кто-нибудь скажет, что я когда-нибудь филонил на тренировках или избегал больших нагрузок. Ну я и разразился:

– У вас соревнования каждую неделю? Нет? Правильно. Вы даете плановую нагрузку, потом раз в месяц сбегаете где-нибудь на «Юманите» и снова целый месяц по методике. А вы знаете, что такое квадрат шесть на шесть? Это, по существу, салочки в бешеном рваном ритме. Нам Бобров приводил на тренировку Владимира Куца, всемирно признанного мастера рваного бега. Так тот поиграл с нами шесть на шесть и сказал: «Жаль, что у меня нет одиннадцати партнеров. Лучшей тренировки для стайера трудно себе представить». Вы в день забега позволите себе такую нагрузку? Тем более что у вас циклический вид, а у нас мышцы должны быть эластичные!...

Словом, опять я при Константине Ивановиче встрял. Но уж что совсем было бесполезно во мне переделывать, так это чувство юмора. А у Константина Ивановича с этим, ну, очень большие проблемы были. Помню, на сборах в Сухуми стоим после тяжелой тренировки, анекдотами расслабляемся, хохочем. Вдруг видим Бескова, сразу тишина, начинаем на футбольную тему: «Давай стенку сюда...» – «Ты открываешься туда...» Ну и конечно, я со своими розыгрышами сразу попал в черный список. Едем на игру в Ереване, а в автобус залетела пчела. Начала кружиться по автобусу, все в тишине лениво отмахиваются от нее. Боятся резких движений, потому что Константин Иванович говорил: после уставки надо сосредоточиться. Ни о чем не думать, кроме игры. Летала она, летала и села Саркису Абевяну на плечо. Я тихонечко зову нашего массажиста:

– Сло-о-о-н...

Тот тоже шепотом, чтобы Бесков на первом ряду не услышал:

– Что-о-о?...

– Смотри-и-и...

Щелкнул эту пчелу пальцем, и она попала ему в глаз. Он как зарел. Бесков в гневе вскочил, смотрит, а у массажиста глаз затекает – укусила, наверное. И Константин Иванович почему-то сразу на меня посмотрел. Я сижу молчу. Он говорит:

– Ну, если проиграем, виноват будешь ты, сорвал мне сосредоточенность команды.

Хорошо, что мы выиграли. Но заметочка осталась. В другой раз у меня началась аллергия. Олег Маркович Белаковский давал желтенькие витамины, и половина игроков их выбрасывала. А я взял, собрал их у всех и съел. И буквально через пять минут уши

стали распухать, нос покраснел. А ехали на игру. Показали меня Бескову, он аж из себя вышел:

– Опять ты! Как ты играть будешь?!

– Константин Иванович, ногами буду играть! Болезненно он переносил любые шутки. Уже значительно позже мы ездили ветеранами на игры в Израиль. Гуляю я по базе, а на лавочке сидят Бесков, Яшин и Царев.

тут Константин Иванович говорит:

– Валь, есть какой-нибудь новый анекдот?

Меня чуть инфаркт не хватил, еле откачали. А в те времена, когда он нашим тренером был, мы боялись смеяться даже в своем кругу. Но я не мог совсем не шутить, поэтому, видимо, и не вписывался в «команду бесковской мечты».

Когда я возвращался из сборной, Константин Иванович не ставил меня на игру. Я спрашивал:

– Константин Иванович, что-то не так?

Он отвечал:

– Я без тебя наигрывал вот такой состав.

– А вы узнайте у Качалина, в каком я состоянии. Если что-то вас волнует.

– Что мне узнавать? Я сам тренер. Разбираюсь, кто в каком состоянии.

Но я же тогда был, прошу прощения, капитаном сборной СССР и, бывало, забивал по два мяча в отборочном матче...

Было все это давно, и я мог бы написать по-другому. Но тогда люди, знающие меня, сочли бы неискренними и другие разделы этих воспоминаний. Я преклонялся и преклоняюсь перед тренерским талантом Константина Ивановича Бескова, а что касается сложностей его характера, то, думаю, никакой Америки ни для кого я здесь не открыл.

Короче говоря, пошел я на «прием» к Гречко. Обычно он такие дела решал в бассейне. Говорю: «Я к вам пришел играть, мне ничего не надо. Честно. Вы видите, меня здесь Константин Иванович через игру ставит: там поставил, здесь не поставил. Меня и в сборную-то перестали вызывать. Мне на так много осталось, чтобы сидеть на лавке». Гречко как раз надевал китель и только сказал: «Демобилизовать». Тут же был и начальник клуба. Побежал я, схватил военный билет, отдал в паспортный стол и уже через неделю получил паспорт.

**В борьбе с Виталием Артемьевым.
Матч против «Локомотива», моих бывших партнеров**

по билетам участников. Тренеры там собирались, журналисты. Обменивались последними новостями. «Ты куда, чего, а чего он тебя не ставит». Биржа, одним словом. Встречался с Виктором Ворошиловым, говорил, что, наверное, буду писать рапорт.

И почти сразу мне позвонил Морозов и попросил подъехать к клубу. Там сидел председатель железнодорожного профсоюза (дорпрофсожа) Антипенюк. Спрашивает:

– Ну что, ты куда собираешься? Может назад к нам?

Я про себя думаю: ну, не пивка же заехал попить. Надо сказать, что Николай Петрович Морозов – великий дипломат и очень мудрый человек. У него такой природный ум был как у Чапаева, наверное. Как же он злился, когда я в ЦСКА уходил. А здесь – ни слова упрека, как будто я и не покидал «Локомотив». Он не знал, что после этого проработает в команде всего полгода. Просто понимал, что молодежи нужен дядька. Сходили Рогов, Артемьев, Ворошилов, Моргунов. Пришла новая плеяда футболистов, Горшков, Спиридонов. Новой команды, правда, все равно не получилось. Мы даже побывали во второй группе в шестьдесят четвертом году. А впервые вошли в десятку только в 1968 м, когда я был уже старшим тренером. Но это позже.

Москва сразу узнала, что я демобилизовался, ушел из ЦСКА. А в «Локомотиве» давно уже были в курсе, что у меня в команде неладит. И по игре видно, и сам рассказывал. Раньше ведь футболисты в свободное время шли на футбол. На северной трибуне был специальный сектор, что-то вроде нынешней ВИП-ложи. Туда пускали

А пока я поступил в школу тренеров. Не сказать, чтобы этот шаг был слишком уж осознанным в том смысле, что я задумывался о будущей профессии, собирался «вешать бутсы» на гвоздь. Мне было еще двадцать девять лет, и сил оставалось невпроворот. Просто тогда школа тренеров значила для нас неизмеримо больше, чем для нынешнего поколения футболистов. Она была, по сути дела, футбольным рабфаком. Основал ее преподаватель института физкультуры Михаил Давыдович Товаровский, умнейший человек. И хотя звучало очень красиво – школа тренеров, я сейчас думаю, что не менее важной задачей в тот период была элементарная ликвидация безграмотности среди футболистов – детей военных лет. Поэтому, когда мы были еще совсем молодыми, мы смотрели с уважением на старших – Дементьева, Сальникова, посещавших школу. В шестьдесят втором году решили, что настала и наша очередь, нацепили значки заслуженных мастеров спорта и пошли – Толя Исеев, Боря Кузнецов, Володя Кесарев и я.

На Товаровского наши значки не произвели никакого впечатления, даже наоборот. Он сказал:

– Если вы думаете, что хоть что-нибудь знаете о тренерской работе, то ничего из вас не получится. А вот кто поймет, что начинает с нуля, может вырасти в хорошего тренера.

Михаил Давыдович тренировал киевское «Динамо» в первых союзных чемпионатах, занимал призовые места и уже тогда поставил подготовку команд на научную основу. Дипломы тренеров у него получали Качалин, Якушин, Маслов, Морозов, Тарасов. Анатолий Владимирович сразу оценил научный подход Товаровского к спорту и даже привлек его к хоккейной работе. Сколько вбрасываний, сколько щелчков, в каких зонах играют. Михаил Давыдович давал ему статистическую информацию и рекомендации.

У нас, как и у всех, он вел специализацию. И если учителя по химии и физике относились к нам снисходительно, лишь бы подопечный, как они говорили, «грамотенки хватанул», то Товаровский просто спуска не давал. С самого начала он брал заслуженных и не очень в одинаковые ежовые рукавицы. Ни минуты опоздания. На этот случай у него был, видимо, отработанный прием, который поражал даже выдавших виды футболистов. Шли они как то с Ваней Моргуновым на занятие и мило беседовали. Ваня открыл дверь в класс, вежливо пропуская Михаила Давыдовича. Тот зашел, обернулся и сказал:

– Ваня, извините, пожалуйста, мы же договаривались, что после преподавателя в класс не заходим. Я вас не могу пустить...

И закрыл дверь перед самым носом.

Вместе с тем он боролся за каждого ученика до конца. Учился Григорий Иванович Федотов. По чисто психологическим причинам он не мог отвечать перед классом. Один раз выступил, запнулся и сломался. На поле-то он был мощный, пробивной, нахально лез на каждый мяч, а тут, представляете: великий футболист – и вдруг чего-то не знает. Для него это было смерти подобно. Короче, бросил Григорий Иванович школу. Однако Товаровский тонко прочувствовал момент. Он не просто стал с ним индивидуально заниматься, а каждый раз требовал от него обстоятельного ответа у доски, только наедине. И сломал этот психологический барьер.

Мы очень боялись экзамена как раз по специализации. Товаровский отправлял за малейшую провинность. Тема экзамена была стандартной: проведение урока-тренировки. Подготовительная часть, основная, заключительная. После сдачи Михаил Давыдович говорил:

– Это упражнение на скоростную выносливость. Оно должно быть в заключительной части, желательно предпоследним, а вы дали его в начале занятия. Придете в следующий раз.

Такие вещи считались грубейшей ошибкой и даже не обсуждались. Но он мог отправить и посреди сдачи. Допустим, в общей группе, отрабатывающей удары, кто-то неправильно кладет корпус. Тренер (экзаменуемый) кричит: «Сидоров! Неправильно!» Подходит, объясняет, показывает, продолжает процесс. Тут вступает Товаровский:

– Вы нарушили динамику тренировки. Привлекать всеобщее внимание и останавливать занятие следует только в случае общего недостатка группы. В данном случае необходимо было сделать замечание индивидуально. До свидания, сдадите потом.

Я уж не говорю о таких мелочах, как тембр голоса. Насколько часто нужно выделять значимость упражнения повышенным тоном. То есть Михаил Давыдович готовил из нас не просто тренеров, которые грамотно строят занятие с точки зрения содержания, но еще и своеобразных психологов. Или артистов, которые могут либо, что называется, сразу «посадить зал», либо держать в напряжении на протяжении всего спектакля.

Еще нас измучили массажем, то есть занятиями по массажу. Общий девиз был «вы не сможете грузить человека, пока не прошло восстановление». Вот и придирались: не так встал, не так подошел, не ту мышцу назвал – все. Готов. Ну, а остальные предметы вспомнить одно удовольствие. Школа тренеров нас как будто в детство вернула. Опять в школу, опять за парту. Маститые, заслуженные дядьки – весь футбольный люд, все «одной группы крови». Знали мало, но понимали друг друга с полуслова, поддерживали.

Оттуда пошли многочисленные байки, которые приписывают мне. Сейчас вот журналисты приходят, берут интервью и как бы между прочим говорят:

– Валентин Борисыч, а вот вы известны как автор знаменитых баек про футболистов. Можете рассказать?

Что-то в этом есть нехорошее. Прежде всего, само слово «байка». «Байки травит» – значит, язык без костей, выдумывает и лепит. Ничего я не выдумывал, и никакой я не автор. Просто есть люди, у которых получается рассказывать смешные истории и анекдоты. И эти шутки буквально липнут к ним, потому что все сами несут, спешат поделиться. Например, рассказываю я ребятам, как Ваня Моргунов на моих глазах написал слово «море» с большой буквы. А, видя недоумение учителя, романтично пояснил: «Море – оно же большое». И тут же кто-нибудь смеется и говорит:

– Слышь, Валь, а у нас в начале пятидесятых учился один парень из «Торпедо». Он после диктанта подбегает к нам и спрашивает: «Мужики, «медведь» – сколько мягких знаков?» Мы все почесали затылок и отвечаем: «Вроде два». «Тьфу, черт, а я три написал!» Таких историй уйма. Кто-то из ветеранов может и хочет рассказать, но нужно уметь, чтобы к месту, в общей куче. А я их, во-первых, все запоминаю, потому что очень люблю юмор, а во вторых, стараюсь рассказывать в лицах. Получается весело.

Еще есть что-то нехорошее и в том, что создается впечатление, будто все мы, футболисты тех лет, – недалекие люди. Это совсем не так. Пусть читатель вспомнит свою школу, где учились обычные дети, не среди бомбежек и работы на заводе. Не после изнурительных сборов и тренировок, а хорошо позавтракав и сделав вечером домашнее задание. И сколько же там у вас было подобных несурязиц. У моего сына, например, одноклассник нашел на карте Австралийский океан. Кто-то совсем уж умный получал водород из рту-

ти нагреванием. Формула ртути – Hg, в этой формуле g ускорение свободного падения тела. При нагревании оно выпадает в осадок, остается водород. Просто, одно дело, когда Австралийский океан находит какой-нибудь Сидоров. А совсем другое, когда Федотов не может тысячу на пять разделить. И ему ребята подсказывают: «Да ты что! Литр на пятерых». Он: «А! По двести!» Причем в большинстве этих историй ребята сами понимали анекдотичность ситуаций и старались завершить их шуткой, к своему и общему удовольствию. Учительница литературы раздала нам проверенный диктант. Один из великих сидел, смотрел на свою двойку: в каждом слове по две ошибки. Не выдержал, встает и говорит:

– Злата Андреевна, это не моя работа.

– Почему?

– Я писал синими чернилами, а здесь все красное.

Мне больше вспоминаются даже не такие хохмы, а чисто игровые, которые словами то трудно объяснить, надо видеть лица. То же писали диктант. Рядом с Борей Кузнецовым сидел молодой Сухов. Он играл, по-моему, во второй группе и по званию и по возрасту трепетал перед Борей. Даже называл его по имени-отчеству Но писал грамотно и держал листок поближе к Борису, чтобы тому удобнее было списывать. Объявляют оценки: Сухов – 4, Кузнецов – 2. Учитель выходит из класса. Мы забываем обо всем, наше внимание привлекает эта пара. Кузнецов сидит, нахмурившись, без движения, уставился в одну точку. Вокруг него суетится Сухов:

– Да Борис Дмитриевич, да я ж не виноват, да вы ж сами, да как же так...

Вдруг Боря рычит, медленно поворачивается. Немая пауза, все смолкли.

– Сухов!!! За такое морду чистить надо!!!

Училось с нами трое болгар. В частности, очень известный защитник Манол Манолов, обладатель своеобразного рекорда, он двенадцать раз становился чемпионом Болгарии. Бронзовый призер Мельбурна. Наши преградили им дорогу в полуфинале. Правда, сидевший за соседней партой Толя Исаев в том матче не играл. И здесь Манолову не удавалось взять реванш. Поскольку учеба велась зимой, практические занятия проводили на льду с клюшкой и шайбой. Мы-то все многостаночники, в детстве играли на два фронта. А преподаватели и слышать не хотели, чтобы для кого-то делать исключение. Девиз – все равны! И несчастных болгар, кото-

рые и льдато не видели, тоже поставили на коньки. Ташков держался за борт, Аргиров – за Ташкова. А самоотверженный Манолов вставал в ворота. Мы же были так воспитаны, что пошутили, похохмили, вышли на поле, и давай рубиться не на жизнь, а на смерть. В футбол ли в хоккей. И кончилось тем, что Манолову засветили шайбой в незащищенное место, минут десять в чувство приводили. Только тогда преподаватель Нил Степанович Гугнин разрешил им находиться за пределами льда, старательно записывать упражнения и замечания. Говорил, вы что ж, братцы, угробите мне Героя Болгарии.

Презжали к нам читать лекции известные тренеры, бывшие выпускники школы. А в шестьдесят четвертом году пожаловал сам Эленю Эррера. Он как раз тогда прогремел со своим «Интером». Такой экспансивный аргентинец. У него не заснешь на лекции – вставал, прыгал, показывал, как ставить корпус. В Лужниках рассказывал специалистам, что такое «каттеначчо», что чистильщик – панацея от всех бед, поскольку «футбол – это цепь ошибок». И хотя мы его выдергиваем из атакующей линии, но крайние защитники могут играть не так плотно, и провал не смертелен. Вообще, крепкая защита – тот самый плацдарм, с которого можно вести массивное наступление. С ним начал спорить Якушин. А хитрее Якушина тренера нет. «Чтобы хитрый дед Михей был в Стокгольме всех хитрей». Так ему писали перед чемпионатом мира. Якушин сказал, что чистильщик – это, конечно, хорошо. Но в конечном счете все зависит от мастерства исполнителей. «Например, – говорил он, – я заставлю центрального нападающего играть по чистильщику, – и передвинул на схеме фигурку нападающего к последнему защитнику. – Не он будет держать нападающего, а я его буду держать. Все равно игрок лишний. Подойду к нему, и буду ходить. В случае провала флангов вы попадаете в очень непростую ситуацию». Эррера возражает: «А я дам задание переднему центральному защитнику, чтобы он взял нападающего». Якушин: «А я все равно вместе с ним пойду к чистильщику, и вы меня двое держите». Эррера: «А я отодвину чистильщика назад...» Так они и двигали эти фигурки, пока у Эррера чистильщик не оказался за воротами. Михей сделал вывод, что каттеначчо – хорошая система при условии, что в защите играют Гуарнери, Бурньич, Факкетти.

Да, и Факкетти... Болельщики со стажем помнят, как в семьдесят седьмом «Интер» играл с «Динамо» Тбилиси в Кубке УЕФА.

Факкетти, правда, был уже на сходе. Но все равно, он так пижонски шел последним с мячом. Давид Кипиани обокрал его и забил гол. Смешно, но пресса все равно окрестила его королем. Да, Кипиани забил, да, «Интер» вылетел – ерунда какая. Зато Факкетти какой джентльмен, настоящий мастер! Не снес Давида, хотя имел полную возможность ударить сзади по ногам!...

Закончил я школу тренеров и получил диплом, согласно которому мог тренировать команды класса А. Как раз вовремя. С 1962 года «Локомотив» буксовал. Летом сняли Морозова. Антипенек представил нам нового тренера – Алексея Николаевича Костылева. Мы его, в принципе, не знали, где он работал. Потом уже нам сказали, что под его руководством в казанском «Динамо» дебютировал Сан Саныч Севидов. Человек очень душевный. Участник войны, был в плену, бежал, его там при побеге рвали собаки. Мы эту историю знали и, поскольку выросли в войну относились к нему, как к герою. Но в футболе он был крепким середняком, особо не разбирался. И к нам относился, как отец, полностью доверял. На разборах не вмешивался, наказывать не наказывал. Был такой случай. После победы в кубковом матче нас премировали поездкой по Волге на теплоходе из Волгограда в Куйбышев. Дублирующий состав жил по существу в трюме, на первом этаже. А там за окошком стояли ящики с мандаринами: грузины везли на продажу. Часового приставили. Молодежь открыла это окошко в трюм, и ящики оказались прямо перед ними. Вскрыли один и, по субординации, позвали основной состав. В общем, выпили мы весь запас спиртного на корабле под такую закуску. Костылев, как увидел нас, говорит помощнику капитана:

– Прошу, наденьте на Соколова и других спасательные круги, потому что пароход мотает, вдруг упадут.

По приезду было собрание, тренер не знал, что делать. Он и так то не умел наказывать. Атут даже неизвестно, кого. Пила вся команда. К общему облегчению, мы сами взяли обязательство костями лечь, но выиграть у «Крыльев». Выиграли, так никого и не наказали.

После Костылева было второе пришествие Бориса Андреевича Аркадьева. Уж тот хоть и интеллигент, но наказывать умел. У нас в Ташкенте молодежь начудила. Предложили нам сыграть халтуру. Причем сразу два города недалеко от Ташкента. Мы переоформили билеты на следующий день и разделились. Часть поехала с

Аркадьевым в один город, а другая с Ворошиловым, он был уже вторым тренером, – в другой. Когда дошло дело до отлета в Москву, четыре человека пьяных, да таких, что в самолет не пускают. Мы уж и с летчиками договариваемся: мол, сами следить будем. А те говорят: «Мы бы рады, сами болельщики, но они попались на глаза начальнику аэропорта. Он сейчас уедет, а через полтора часа будет еще один рейс, договоритесь с ними». Делать нечего. Поднялись в воздух, этих четверых нет, Аркадьев сидит грустный. Пролетели минут сорок, и вдруг объявляют, что дальше нелетная погода, возвращаемся в Ташкент. Аркадьев встал и торжественно произнес:

– Вы знаете, куда мы летим? Мы летим снимать папанинцев со льдины!

А для него это было чем-то вроде насмешки. Он все время возмущался, за что папанинцам дали Героев Советского Союза. Говорил:

– Я полагаю, Гагарину Юрию надо. Представьте себе, его замуровали в ракету, замуровали в снаряд и выстрелили. Это геройство. А этот человек сидел на льдине, кушал шоколад (еще саркастически подчеркивал буквы «о» в слове шоколад), бросали ему теплые вещи, бросали ему питание с самолета на парашютах. Он сидел, стрелял белых медведей, а ему еще Героя дали. Палатки теплые были, все условия для отдыха...

Так что, наших «папанинцев» не только со льдины, но и с зарплат, как приехали, сняли.

Не смог Борис Андреевич снова сделать команду. Может, молодежь разношерстная была. Играли на Кубок в Красноярске и присмотрели хорошего парня на левый край, Парченко. Он там любителем был, работал помощником машиниста. Начал бегать в «Локомотиве», но привычки железнодорожные остались. На разборе Аркадьев говорит:

– Саша, надо за тайм сделать пять подач, прострелов, обострить ворота, а вы прошли всего три раза!

Он отвечает:

– Борис Андреич! Как я могу подать! Четыре раза предлагаю, бегу порожняком. Ну дай мне груз! Нельзя ж порожняком ходить.

А потом, у Бориса Андреевича уже тогда начались проблемы с памятью. Путал фамилии игроков. Один раз говорит, по-моему, Ивану Сорокину:

– Вы первый тайм хорошо отыграли, а вот во втором допустили много ошибок. Плохо.

– Борис Андреевич, так вы же меня заменили в перерыве!

Он очень сильно смутился и попытался перевести в шутку:

– Да? Ну, все равно плохо.

Мы-то шли в накат. Выходили и играли с листа, очень любил тренера. А вот когда приезжал министр, он иногда ошибался. Наверное, только это и заставило, руководство отказаться от услуг Аркадьева, потому что Борис Андреевич еще тренировал в Средней Азии, в Ярославле.

В конце 1965 года нами руководил Женя Рогов, он до этого был начальником команды. А по окончании сезона нам объявляют имя нового тренера – Константин Иванович Бесков. Понятное дело, я большого восторга от этого назначения не испытывал. Когда он меня на беседу вызвал, у меня сразу появились нехорошие предчувствия. Звоню Вите Ворошилову. Он мне говорит:

– Валь, если предложит кофе чашечку, значит, считай, что тебя в отставку. Уж я-то знаю.

Пришел я к Константину Ивановичу, он просит помощника:

– Валер, сделай кофе. Валь, будешь кофе?

Я вздохнул и вспомнил недавнюю встречу у Валентины Ивановны Федотовой. Собирались друзья. Из Донецка прилетел хороший знакомый Григория Ивановича Николай Мамай, Герой Социалистического Труда, шахтер. У него почин был вроде стахановского. «Локомотив» играл плохо, и он все сманивал меня в Донецк.

Говорил: «Я тебя зачислю в свою шахту, будешь получать пять тысяч. Туда тебя искать никто не полезет». А восемь машина стоила. «И плюс футбольные. Только за «Шахтер» играй». Я сразу ему ответил: спасибо большое за предложение, я куда-то не хочу уезжать. Надо «Локомотиву» помочь встать на ноги. Еще пару-тройку лет поиграю, а там видно будет. Физически я никому не уступал. Отвечаю Бескову:

– Спасибо, Константин Иванович, я кофе уже дома напился.

– Знаешь что, я хочу сделать тебе предложение. Ты окончил школу тренеров, получил диплом. Тебе уже пора заканчивать. Я хочу тебя сделать главным тренером школы. Есть место.

– Ну что ж, спасибо, когда оформляться?

Было мне тридцать два года. Тяжело это все, когда в расцвете сил знаешь, что уже никогда не будешь играть. Построил Констан-

тин Иванович команду, пожелал успеха, подарили мне футбольный мяч. Собрал дома основной состав и старых друзей. А потом не спал всю ночь. Все, говорю, Зоя, моя футбольная карьера закончилась. Одна часть жизни, спортивная прошла. Она:

– Да ничего, будешь за ветеранов играть.

Блестящая перспектива в тридцать с небольшим. Делать нечего, всему приходит конец.

10. Охранник с собакой

Бесков в «Локомотиве» долго не задержался, всего полгода. Не знаю, что уж там случилось, но уверен, что во всем виноват его характер. Потому что Константин Иванович начал создавать приличную команду. Взял из ФШМ семнадцатилетнего Мишу Гершковича, а в партнеры ему по атаке Володю Козлова из ЦСКА. Помощником у Константина Ивановича был верный соратник и прекрасный специалист Адамас Голодец. Бесков искал оптимальный состав, тасовал. А потом проиграл несколько матчей подряд, и его сняли. Смешно даже предположить, что сняли за поражения, мы и так последние годы балансировали на грани первой лиги, так что руководству было не до жиру. Будь тогда рядом Старостин, глядишь, все и обошлось бы, и «Локомотив» через год-другой сверкнул бы. Но начальником команды работал очень мягкий человек Владимир Сучков, которого у нас прозвали Максимом Горьким, потому что на установках, на разборах он старательно записывал все, что скажет Константин Иванович. Таким непререкаемым авторитетом, как Николай Петрович Старостин, Сучков не обладал.

Короче говоря, в июле 1966 года вызывает меня Борис Павлович Бещев и заявляет:

– Валентин, Константин Иванович уходит от нас, я посоветовался, и мы тебя назначаем старшим тренером. Поскольку опыта у тебя нет, договорились, чтобы в течение месяца тебя консультировал Гавриил Дмитриевич Качалин.

Я к Качалину. Он мне:

– Готовься, завтра у тебя первая тренировка, покажешь конспект.

Все это так неожиданно получилось. Вроде и школу тренеров прошел, и вообще, я еще игроком всегда старался анализировать действия тренеров. Думал, как бы я поступил на их месте. Даже,

каюсь, мысленно обвинял Аркадьева в непонимании состояния футболистов. Бывало, каждая клеточка тела стремится к отдыху, снятию напряжения, а он нас «расслабляет» рваным кроссом. Не то чтобы хотелось меньше тренироваться, просто человек не робот. И никто лучше самого игрока не чувствует момента, когда ему действительно необходима пауза. К сожалению, в командных видах спорта учесть индивидуальные пожелания практически невозможно. Тем не менее я был уверен, что, став тренером, что-то, а уж степень необходимой нагрузки буду определять тоньше, чем мой учитель. Этаким «слуга царю, отец солдатам».

В этой связи с большим удовольствием и даже смехом вспоминаю бессонную ночь перед первой тренировкой. Это был второй день после игры, день после восстановительных мероприятий, бани, массажа, отдыха. В такой день в принципе не следует давать большие нагрузки, а надо провести легкую тренировку, так сказать, втянуться. Я так и составил конспект: интересная, веселая разминка и двусторонка без заданий. Но тут меня взяли сомнения. Аркадьев и Качалин не всегда так поступали. А если и предлагали поиграть в свое удовольствие, то, учитывая их огромный авторитет, нами это воспринималось, как глубоко продуманный шаг, своеобразный подарок. Вот, думаю, начну я сейчас с легкой тренировки, и ребята скажут: Борисыч, свой мужик, с ним так легко. Потом не смогу заставить их серьезно работать.

Первый конспект я разорвал и начал думать. Как пел Высоцкий: «Что делать, Сева?! Наугад, как ночью по тайге». Ответственность за принятие решения – страшная штука. Может, если б хоть чуть-чуть поработал вторым или возглавлял команду рангом ниже, было бы легче. А как заставлять ребят, с которыми еще вчера был по одну сторону баррикады! Как наладить дистанцию, чтобы у твоих бывших партнеров не возникало никаких вопросов по поводу целесообразности того или иного задания. В голове была какая-то каша. Все интересные упражнения, тактические выдумки, которые я готовил раньше и, как думал, легко применю на практике, сейчас казались наивными сказками. На повестке дня стоял простой, но неразрешимый вопрос: «нагрузить – не нагрузить».

К утру я забраковал четыре плана занятий. В итоге в Баковке Качалин увидел следующий вариант: интересная разминка – по бoku. После бега с нагрузками, персональная игра восемь на восемь поперек поля.

Гавриил Дмитриевич посмотрел и с сомнением сказал:

– Валентин, не много ли нагрузки для начала? Впрочем, если так считаешь, давай.

Персональная игра, или, как ее еще называли, квадрат восемь на восемь со взятием ворот, или шесть на шесть, – замечательное упражнение, особенно после бани. Суть в том, что игрока, владеющего мячом, не имеет права никто атаковать, кроме его непосредственного опекуна. И если, допустим, форвард потерял мяч, то защитник может беспрепятственно выйти один на один. Так что нападающий должен отрабатывать за ним назад. Таким образом, если кто-то позволил себе в «банный день», то он на поле как голый король, страховать некому. И в тень нельзя уйти, избавляться от мяча, потому что твой соперник может и сам подключиться к атаке.

Я включил в план квадрат еще и с одной тайной целью. Чтобы сразу иметь повод поговорить о нарушении режима. Сам, будучи игроком, я не тянулся к спиртному. За всю карьеру ни разу не выпил больше бутылки водки, и то чрезвычайно редко. Но случилось, что мы «отдыхали» с ребятами. Так что все было как раз по делу: прекрасно понимаю вас, по мере возможности составлял компанию, но как тренер этого не потерплю. После тренировки построил команду, поздравил с успешным занятием и весело сказал:

– Ребят, чего-то в бане-то мы с вами хорошо попарились. Даже вроде перепарились или перемассировали вас! Не всех, правда...

И назвал поименно.

– Надо будет в следующий раз следить за массажистом. Они мне: да, Борисыч, после игры плохо спал и так далее.

Оправдываются и сами понимают, кому они эту глупость несут. То есть первая тренировка удалась, я не рубил с плеча, но и постарался по возможности четко определить наши будущие взаимоотношения. Недели через две Качалин доложил Бещеву, что в его дальнейших услугах нет никакой необходимости, и полностью передал мне управление. Единственное напутствие, что надо быть строже. Но здесь уж я с ним не согласен. Сам на всю жизнь запомнил его же любимый афоризм: «Кричащего плохо слышно»...

Выдающимся тренером я не стал. По разным причинам мне ни с одной командой не давали работать больше двух сезонов. А даже Аркадьев пять лет вел «Локомотив» к успеху в Кубке. С гордостью могу сказать, что и «Локомотив», и «Таврия», и «Карпаты» оче-

видно прогрессируют. Читателю, привыкшему к мемуарам тренеров-победителей, возможно, интересно будет познакомиться с творческой «кухней» команд-середняков, тем более, что это неотъемлемая часть моей биографии.

Ознакомившись с конспектами Бескова, я понял, что ломать чего-либо бесполезно, да и глупо. Константин Иванович прекрасно вел учебно-тренировочный процесс, как обычно, тонко разбирался в возможностях игроков. Единственное, что я мог сделать и сделал с большим удовольствием, это добавить команде психологической уверенности. Бесков, видимо, еще не окончательно определился с контурами будущей команды, и в составе у него происходил ералаш. В каждой игре – по четыре-пять новых фамилий, никому, по существу, не доверял. Опытные игроки относятся к таким вещам, если не с пониманием, то спокойно. А вот для молодежи самоутверждение очень важно. В конце концов, тот же молодой Гершкович не может на игру пригласить родственников, потому что не уверен, что завтра не окажется в дубле. Поэтому я, во-первых, выделил основных игроков команды, а во-вторых, отправил из Баковки дублирующий состав. Попасть в основу можно было только по рекомендации Голодца, который занимался с ними в Москве и на каждую игру присылал мне трех-четырех лучших.

Сезон мы закончили третьими с конца. Возник вопрос, что делать дальше. Позволю себе несколько отвлечься от хронологии событий. На завершившемся тогда чемпионате мира в Англии уже наметились тенденции развития футбола по пути так называемой «интенсификации» действий команды. Англичане рассчитали общую сумму нагрузки на каждого игрока, и постарались разложить суммарную нагрузку поровну. При игровом преимуществе нападающие на время уступали свое место полузащитникам и даже игрокам обороны, для того чтобы давить на защиту соперника по принципу конвейера. Таким образом, преимущество достигалось не за счет индивидуального физического превосходства, а благодаря сменному давлению на оборонительные порядки.

Хозяевам, правда, помог выиграть финал Тофик Бахрамов. Позже мы ездили на игры в Германию, и везде нам в первую очередь припоминали засчитанный им гол. А Никита Симонян уже лет через двадцать подначивал его:

– Тофик, ну, скажи честно, был гол или нет?

Бахрамов возбуждался и отвечал:

– Слушай, Никита, ты с трибун не видел, как я мог увидеть?...

Гораздо очевиднее интенсификация командных действий проявилась в семьдесят четвертом году в исполнении сборной Голландии. Я был на этом первенстве и как раз по долгу службы отвечал за тактические схемы. Нас, группу тренеров профсоюзов, послали для повышения квалификации, и руководитель делегации Сергей Васильевич Полевой дал каждому задание для итогового отчета. Самарин следил за игрой защиты, Полевой – за нападением, а мне досталось взаимодействие линий. Голландский тотальный футбол произвел на меня неизгладимое впечатление. Я с самого начал пристально следил за Круиффом, потому что до этого он даже у нас в Союзе имел очень хорошую прессу. Тогда возникли неточные термины «универсализация», «универсальный игрок». Век футболиста слишком короток – десять-пятнадцать лет, – чтобы одинаково хорошо играть на разных позициях. Да, футболист может сменить амплуа, как например, многие прекрасные форварды завершают карьеру на месте либеро. Но по ходу сезона одновременно выступать на месте левого защитника и правого крайнего нереально. Речь в данном случае идет о сознательном тактическом расширении зоны действий игрока. То есть полузащитник голландской сборной образца семьдесят четвертого года выполнял не только свои прямые обязанности, но в определенные моменты игры еще и функции чистого нападающего. Допустим, даже в финальном матче с немцами великолепный Круифф сознательно уводил со своего места Берти Фогтса, и в освободившуюся зону врывался Неекенс. Дело дошло до того, что чистый защитник Фогте заплутался до того, что чуть было не забил гол в ворота голландцев, попал в штангу. По игре голландцы, конечно, заслуживали чемпионства. Рациональное распределение нагрузки по линиям, прекрасное взаимодействие и блистательное дирижерство Круиффа. Именно дирижерство, то есть способность руководить действиями команды без мяча, в условиях плотной опеки несколькими соперниками. Хотя и немцы также создавали преимущество в центре поля за счет постоянного подключения Беккенбауэра с позиции чистильщика в полузащиту...

Итак, еще в конце шестидесятых стояла задача расширения зоны действия отдельных футболистов и целых линий как единый тактический замысел. И, надо сказать, я с большим удовольствием занялся бы внедрением передовых идей в «Локомотиве». Но в мо-

ем распоряжении не было не то что Херста, Круиффа или Беккенбауэра. По окончании сезона 1966 года команду покинули Гершкович и Козлов.

Володя пошел за любимым учителем в «Динамо». Очень жалко, футболист с большой фантазией. Он как-то приболел, и я заехал его навестить. Дверь открыла мама, говорит, температура сорок, не встает с кровати. Захожу в комнату, а он лежит под одеялом и головой чеканит мяч. Фанатичный парень. Прекрасно чувствовал позицию при взятии ворот и, соответственно, много забивал. У Гершковича было сильно развито чувство обводки. Спонтанная, не наигранная, что всегда ставит в тупик защиту. Я ему, кстати, в отличие от Константина Ивановича, дал значительную свободу действий. Даже на тренировках чертил специальную линию на подступах к штрафной и давал задание: до этой линии играешь только в два касания, чтобы не передерживал мяч, а после делаешь, что хочешь. Но его все равно сманили в «Торпедо» мои старые друзья Николай Петрович Морозов да Валентин Козьмич Иванов.

Я не препятствовал их переходу. У самого была такая же ситуация в шестьдесят первом году. Все равно, насильно мил не будешь. И их прекрасно можно понять, нужно делать себе имя. Можно играть и в команде аутсайdere, но при Бескове, с прицелом на будущие победы. А что сделает из команды вчерашний инсайд Бубукин, когда «Локомотив» всеми жилами цепляется за высшую лигу, неясно. А тут зилдовское «Торпедо» с вернувшимся Стрельцовым. Милицейское «Динамо» с тем же Бесковым, в котором восьмое место посчитали катастрофой. И оба этих футболиста в итоге сыграли в финале Кубка Кубков в семьдесят втором году. То есть повторяю, понять можно. Но в какой карман мне это понимание положить? На какой идее сплнить команду? Допустим, можно самому набрать честолюбивую молодежь и года через два, при удачном стечении обстоятельств, заиграть в свой футбол. Но это стопроцентный заход в первую лигу. От Аркадьева такие вещи еще могли потерпеть, меня бы сразу отправили инструктором по спорту на станцию «Москва Товарная». Приличных игроков призвать невозможно, мы не ЦСКА. Длинным рублем тоже не поманишь, на Украине даже на середняков в то время молились обкомы и чуть ли не официально платили им царскую зарплату. В московских клубах тоже условия были лучше, да и текущие задачи не в пример выше. Одним словом, «интенсификация» и «расширение зоны действия

отдельных футболистов и целых линий» – это что-то из разряда «есть ли жизнь на Марсе».

Единственный вариант в такой ситуации – сыграть на самолюбии отставленных футболистов. Кстати, приблизительно таким образом поступил затем даже Константин Иванович в «Спартаке». Здесь большую помощь мне оказал Евгений Иванович Горянский, впоследствии тренер сборной. Мы с ним еще вместе играли. Он был старше на четыре года и закончил раньше. Горянский уже успел потренировать команды на Украине, даже какое-то время работал в Киеве. В тот период он занимался луганской «Зарей». Страшная команда. Всесильный секретарь обкома Шевченко, его помощник Азаров, еще тогда ходили легенды об их «работе с судьями». Приводили арбитров в специальный магазин, они выбирали любые импортные товары. Вся область сдавала оброк на премиальные. Оттуда тренеры уходили либо с выговором по партийной линии, либо больными. Бесков, после года работы, в сердцах бросил фразу: «Сельской команде нужен сельский тренер». Даже Герман Зонин после чемпионского года уехал от греха подальше в Ленинград. А Женя Горянский полежал в больнице. Он был умница, начитанный, с красным дипломом окончил школу тренеров.

Я пошел на прием к Бещеву и попросил министра назначить Женю начальником команды. А Горянский ко всему прочему человек был весьма практичный. Он мне сразу сказал:

– Валентин, ты хорошо разбираешься в футболе, знаешь тонкости, но не можешь себя поставить. Надо быть суровым, иначе на тебе и футболисты, и начальники будут ездить.

Весело о нем отзывались братья Старостины. Андрей Петрович говорил, что это напыщенный гусь, а Николай Петрович называл его величайшим понтовилой. Понт, дескать, наводит. Не знаю, как насчет понта, понт – это что-то пустое, показушное, а то что Женя делал вполне реальные и нужные вещи – это точно. Он заявил, что любое самолюбие неплохо бы и деньгами поддержать, и мы с ним выбили одиннадцать дополнительных ставок. Начальник Московской железной дороги Карпов оформил основной состав проводниками на рейсы Москва – Красноярск, Москва – Новосибирск. Они все время в пути, поймать их никто не сможет. И свои восемьдесят рублей получали в дорпрофсоже, отдельно от клубной бухгалтерии. Потом руководство спрашивало:

– Ну, как ребята довольны?

- Довольны. А вы?
- А мы-то чего?
- А вы что, себе ставок не взяли?

Нет, конечно. Там анекдот вышел. Начальники решили исправить упущение и оформили нас с Женей охранниками на спецпоезда. Вышло шестьдесят рублей. Не в деньгах дело, но обидно, раз уж платите, то хотя бы столько же, сколько и футболистам. Тогда нас повысили в «звании», до должности «охранника с собакой». За собаку доплачивали рублей десять. Но из-за этих десяти рублей как-то хитро все пересчитали, стали взимать какой-то налог, и в итоге на руки мы получали пятьдесят девять – семьдесят. Я и говорю:

– Женя, иди, попроси, чтоб убрали эту псину. Скажи, по ночам воеет, сторожить нам мешает...

В это время отчисляют Дикарева из «Спартака». А он еще скорость не потерял – злой, хороший игрок. Из Вильнюса отставляют Жидкуса, Женька его пригласил на место правого защитника. Из «Торпедо» приходит Усатори. И у меня был Зайцев Валерка, левый защитник. Получается новая опытная оборона, желающая доказать, что рано их списали. Взяли из Баку прекрасного вратаря Шехова. Ему проломили голову, кость была выбрана как темечко. Вот он и оказался без работы. Потом врачи разрешили-таки ему играть, но либо в велосипедном шлеме, либо вставлять специальную пластину и заматывать голову. Он, правда, все равно выходил на поле, только обмотав голову бинтом. Никто не подходил, не проверял. Говорил: я отвечаю, могу написать расписку, а в шлеме выходить не буду. Играл очень самоотверженно, с блестящей реакцией, потрясающий вратарь.

Вот такая «селекционная» работа. С миру по нитке. В энциклопедии написано, что я нашел Рудольфа Атамаяна, открыл ему путь в большой футбол. Так-то оно так. Но ведь нашел, значит, искал. А я никого особо и не искал. Вопрос перспективы стоял только в планах, потому что ощущался постоянный гнет текущей задачи: выжить в высшей лиге. А рассказывать сказки о прекрасном будущем – не в моем духе. Рудик сам подошел ко мне на сборах в Адлере. Где-то он там играл на задворках. Посмотрите, говорит, меня. А у меня как раз в дубле не хватало двоих. Говорю:

- Давай раздевайся. Выйдем с тобой поиграть.

Как начали, он и пошел. Я ему пасы даю, он борется, головой выигрывает, на хорошем шаге, скидывает, бежит. Ну, думаю, на-

плел! Бесплатно нашел! Играющий парень. Рост за сто восемьдесят. Готовый центр.

– Рудик, давай с нами!...

Так что вопрос «интенсификации» я откладывал на потом. Но одно тактическое новшество мы все же ввели. И довольно значительное. Речь идет о позиции опорного полузащитника. Сейчас, когда опорный полузащитник считается чуть ли не ключевой фигурой в команде и все ведущие клубы борются за игроков типа Виейра, трудно представить себе, что впервые в советском футболе опорный полузащитник появился в заштатном «Локомотиве» в середине шестидесятых. Практически в одно время с нами также стало играть масловское киевское «Динамо». Киевляне были бесменными чемпионами тех лет. И с учетом их превосходного ансамбля игроков первым опорным, или «волнорезом», принято считать Васю Турянчика. Но он выдвинулся вперед с позиции центрального чуть позже. Это даже уточняли в прессе того времени. Первым же опорным полузащитником в нашем футболе стал Володя Радионов, впоследствии известный тренер и руководитель РФС.

Володя пришел из Калинина приблизительно в период моего назначения на должность старшего. Это был чрезвычайно надежный игрок с редкой игровой дисциплиной. Кроме этого, его отличали прекрасное чувство позиции, стартовая скорость и быстрота. Можно быть скоростным, но не быстрым в выполнении движений, реакции на ту или иную игровую ситуацию. Сама идея этого новшества принадлежала не мне, а Адамасу Голодцу и справедливости ради стоит отметить, что Киев все же ближе подошел к определению функций опорного в современном понимании. Мы с Адамасом Соломоновичем все-таки видели в новом игроке не столько «волнореза», сколько своеобразного «переднего страхующего». То есть своего рода вариант зонной защиты против сильных команд. На случай, если, допустим, крайний нападающий уходил со своей позиции, защитник не шел за ним, а ожидал появления другого соперника. А ушедшего нападающего брал на себя опорный. И так по всей линии атаки.

К сезону 1968 года команда была готова, если не бороться за призовые места, то уж, по крайней мере, не думать о вылете. Адамас Соломонович со спокойной совестью ушел в «Динамо», а я пригласил вторым Валентина Емышева. Валя в высшей степени порядочный человек, прекрасно разбирающийся в футболе. Он дважды

становился чемпионом в составе «Спартака» после жуткой автокатастрофы, когда колено висело на честном слове. Он со своей спартаковской школой взялся за нападение, а я организовывал защитные порядки. Перед началом сезона нам сказали, что если мы попадем в десятку, то можем заказывать памятник на любом вокзале столицы по выбору. Такие красивые слова руководители всегда говорят. Не нужен нам памятник, лишь бы дали возможность поработать, создать приличную команду. Словом, настроение было боевое. Я еще ради поставленной цели, учитывая прекрасный контакт с ребятами, пошел на довольно рискованный шаг. Дело в том, что тогда футболистов отпускали месяца на три. Дальше, в ходе предсезонки, шло восстановление утраченных кондиций. А уж затем в регулярном чемпионате игроки входили в игровой ритм. Я перед отпуском им сказал:

– Ребята, у нас мастерства не хватает по сравнению со «Спартакoм», московским «Динамо», Киевом. Нам надо в первом круге набрать очки, а во втором удержаться. Поэтому свой отпуск вы отгуляете, но не целым куском.

И в период отпуска несколько раз проводил с ними недельные сборы в Хосте. Без особых нагрузок, просто сыгрывались. Это были как бы контрольные точки, чтобы избежать откровенного спада на кривой физического состояния. Когда в конце февраля собрались, не надо было тратить много времени на занятия по атлетизму. Первый круг мы прошли, не опускаясь ниже пятерки, а были и в тройке. Заняли итоговое десятое плановое место, хоть и выжали из себя все соки. Я грешным делом уже просматривал талантливых ребят, думал, выбирал варианты будущей стабильной команды. На собрании, однако, выступил Антипенoк:

– Молодцы. Хорошо поработали. Теперь можно задуматься и о более высоких задачах – попасть в тройку призеров. Для этой цели мы пригласили опытного тренера Виктора Семеновича Марьенко. Бубукин остается вторым тренером...

Ну и ну. Плакал наш памятник на трех вокзалах.

– Валентин Борисыч, у вас есть что добавить?

– Есть. Во-первых, вы меня не спросили, буду ли я с Марьенко работать. А потом, друзья мои, вы сами прекрасно знаете, мы с вами все выложили, у нас еще не хватает мастерства, чтобы бороться за третье место. Делать бурю в стакане, для того чтобы просто работать, я не берусь за это. Мы не сможем быть в тройке. Даже в пятер-

ке не сможем быть. Даже не хочу говорить на каком месте. Это как беременная женщина, хоть все на колени встанем, будем молиться, чтобы она родила в шесть месяцев – не получится. Надо ждать время – девять месяцев. Так же и у нас. Спасибо, я хочу вас поблагодарить, что вы со мной добились хороших результатов. Выполнили задачу. Я подаю заявление и уйду.

11. Серьезный театрал

«Локомотив» на следующий сезон вылетел в первый эшелон. Думаю, что Марьенко здесь не причем. Виктор Семенович вполне квалифицированный тренер. Просто таково было положение дел в команде. Другой вопрос, зачем было говорить красивые слова о трюке призеров.

А я оказался в ФШМ, меня туда позвал Олег Лапшин.

– Валентин, поработай, у нас хороший трамплин. Смотри, Маслов, Бесков, – все здесь разгонялись.

ФШМ – уникальная школа. Она принадлежала всей Москве, и, соответственно, условия были шикарные. Хорошая база в «Лужниках», много прекрасных полей, два зимних зала для тренировок. На сборах ребят одевали, обували. Прекрасный тренерский состав. Поэтому оттуда вышло много выдающихся футболистов. Дали мне группу, в которой был Толя Кожемякин. Очень редкий футболист. Не случись с ним такая беда, ему не было бы равных. Быстрота, техника, удар с обеих ног. Физически хорош, с обводкой. Я испытал это на своей шкуре. На тренировке имел неосторожность выйти на поле персонально против него в квадрате шесть на шесть. А мне еще тридцать семь лет. С выносливостью все в порядке, за ветеранов неплохо играл. И этот шестнадцатилетний парень так меня возил, с моим-то опытом, знаниями, да еще и оставшейся физикой, что я сделал вывод, растет очень большой футболист...

Летом семидесятого пригласили меня в дорпрофсож и сказали: есть место. Звонили из Симферополя. Местная «Таврия» тогда принадлежала железнодорожному ведомству. Команда играла по второму эшелону и искала тренера для решения «высоких» задач. Павел Иванович Кузнецов объяснил, что город хороший, стадион потрясающий, зарплатой не обидят. Говорю:

– Пал Иваныч, я всегда рвался работать тренером. Можно попробовать.

Приехал ко мне начальник команды Заяев на переговоры. Известнейший на Украине человек, он потом много где работал, футболом сам не занимался, но как доплату достать, деньги выбить знал превосходно. Валентин Борисыч, говорит, поедемте, о вас все знают, игроки вас любят. Море – ехать полтора часа в любую сторону, семью с собой берите, купаться будете. Первый секретарь обкома Кириченко у нас большой человек, он Брежнева каждый год на отдыхе в Ялте встречает...

В общем, нарисовал такую картину – рай нарисовал. Только что вторая лига. Я посоветовался с Зоей, она говорит:

– Валь, если такие условия, ты рвешься, тебе надо расти, конечно, поезжай. А мы пока не решаемся. Дети здесь во французскую школу ходят, на лето будем приезжать.

Условия и впрямь оказались райскими. Поселили меня в центральной гостинице «Симферополь» в двухместном номере «люкс». Питался в ресторане. Зарплату положили двести рублей (плюс двести – доплата). Здесь я, правда, до Киева, до Донецка не дотянул. Там Юрку Войнова и других звали «пятитысячниками», они получали по пять тысяч. Это не считая премиальных за игры. Я был прикреплен к колхозу- миллионеру, где мед стоил рубль пятьдесят. Двадцать пять копеек черешня. Колхоз носил имя Чкалова. И в пригороде на озере возле нашей базы стоял домик Чкалова, сына, тоже Валерия. Он с женой приезжал, рыбу любил ловить. Там разводили карасей. А больше за тридцать километров никого, только мы да сын Чкалова с женой. Часто общались с ним, очень приятный человек. Рассказывал истории про отца, правда, по большей части известные – как он засыпал с пистолетом под подушкой.

Вторым тренером у меня был Владимир Николаевич Паес. А до этого он работал директором фирменного винного магазина «Солнце в бокале». Проблем с хорошими винами не возникало: любые из погребов Массандры, из Ялты. «Черная Алушта» и все, что выпускалось лучшего. Наверху был магазин, а в подвальчике – дегустационный зал. И как только гости какие, мы их ведем на «дегустацию». А зачастую и судей туда водили. «Дегустации» иной раз заканчивались очень весело, но все было чисто по-дружески, без тайной цели, по крайней мере, с моей стороны. А что уж там делал Заяев, этого не знает никто.

Центральное поле в Симферополе, наверное, лучшее на Украине, включая Киев. Что говорить, когда сами киевляне, если какой показательный или международный матч, рвались в Симферополь. Мыльников, директор стадиона там и жил, и ночевал. Над каждой кочкой трясса. Каждый такой выезд для него как ножом по сердцу. А что поделаешь? Против Щербицкого не попрешь. Когда к нам кто то приезжал на гостевую игру, мы по положению обязаны были предоставить поле на сорок минут для тренировки. На сорок первой минуте Мыльников меня буквально за горло хватал:

– Валентин Борисыч, я их выгоню, они уже сорок минут поле топчут.

– Не вздумайте! Пусть хоть полтора часа носятся.

Они, когда видят это прекрасное поле, тренируются, не сорок минут, а час-полтора, обо всем забывают. А на следующий день играть. Уставали все. Мелкая тренерская хитрость, хотя и некрасиво по отношению к Мыльникову У него каждый шаг бутсы в сердце отдавался.

Словом, работай – не хочу. «Таврия» занимала тогда, кажется, десятое место. Поехали на сборы в Севастополь. Здесь я увидел много недостатков, много шелухи в команде, нарушены все принципы ведения игры. Каждый хотел показать себя, на что он способен. Пришлось сделать индивидуальный план на каждого. План-то планом, а на следующий сезон я серьезно усилил состав. Используя, так сказать, служебное положение. Дело в том, что председатель спорткомитета Украины был хорошим другом Заяева и приезжал отдыхать в Симферополь. И в неформальной обстановке он мне предложил провести несколько игр в качестве тренера сборной Украины по второй лиге. Первая-то лига целиком простреливалась, а до второй селекционерам еще надо добираться. Я собрал со всей зоны лучших ребят и провел несколько матчей. Присутствовало высокое начальство, председатель федерации футбола Украины Фомин приезжал. Посмотрели, взяли на карандаш и разъехались. Я же, пока они там чесались, человек пять шесть переманил к себе. А ребятам поменять Черновцы ли, Чернигов на Симферополь – они с удовольствием поехали. Всем дали квартиры. Из Донецка перевели ко мне Орлова и Крупчака в обмен на моих двух ребят. Но Климов и Черемисин в «Шахтере» не заиграли и тоже вернулись. Вдобавок, на тренировке мне подводят паренька из Керчи, говорят, посмотрите, его рекомендовали. Здоровый, высокий, бью-

ций. Играли двустороннюю, и я его выпустил в полузащиту. Через некоторое время кричу:

– Все. Заканчиваем тренировку.

Он голову опустил, подходит и спрашивает:

– Что не подхожу?

– Почему? Наоборот, подходишь. Беги скорей оформляйся, а то Заяев через пятнадцать минут уедет в обком, пускай тебя оформит.

Паренька звали Юра Аджем, и он потом выступал за сборную СССР.

Одним словом, с составом и игрой мы определились и уже через год заняли второе место в зоне (или, как это называлось, стали серебряными призерами чемпионата Украины), совсем чуть чуть нам не хватило до переходного турнира. В первенстве 1972 года задача ставилась одна, ясно какая. Мы собственно к ней и шли, и в итоге «Таврия» вышла в первую лигу через год под руководством Шапошникова. А меня в середине сезона партийным приказом направили на вырубку львовским «Карпатам».

Об этом чуть позже, а пока хотелось еще раз вспомнить о «райских» годах в Симферополе.

Жена с детьми на лето приезжала, я их устраивал в Ялту, к морю. В любое свободное время брал машину и приезжал, привозил с собой ящик черешни, персиков. А вот когда ее не было, я довольно интересно проводил свободное время. Второй секретарь обкома по идеологии Солодовник Леонид Дмитриевич меня как-то вызвал и спросил:

– Валентин, чем ты занимаешься в свободное время?

– Готовлю занятия, а дальше телевизор смотрю.

– Давай так сделаем. Если у тебя есть желание, у нас прекрасный драматический театр, хороший цирк. Я тебе сделаю персональное место...

Надо сказать, что в плане театра и других зрелищ футболисты того времени были далеко не темными людьми. Скорее, наоборот. Во-первых, на выездах и сборах нас постоянно водили на разные постановки в рамках культурной программы. А, во-вторых, так уж получилось, что тогда образовалось много футбольно-театральных семей. Я уже упоминал, как мы с Игорем Нетто ходили на спектакль его супруги Ольги Яковлевой. У Саши Климачева, Миши Огонькова, Бори Батанова, Коли Маношина жены выступали на

сцене. Они ходили болеть за нас, а мы их поддерживали в залах. Недавно на дне рождения актрисы театра Моссовета Галины Дашевской, супруги Маношина, мы таким смешанным коллективом задумались над этим фактом. Я высказал мысль, что театр и футбол связаны – «одной группы крови». И произнес тост:

– Ни вы, ни мы в свое время не знали своей цены. Мы не знали, сколько получает за фильм Матрострой и сколько получает за матч Ди Стефано. Давайте выпьем за то, что мы бесценны.

Немного самонадеянно, но всем очень понравилось...

То есть мы, футболисты тех лет, были «серьезными» театралами. Но тогда в Симферополе я так часто ходил в театр и даже на репетиции, что поневоле стал «работать» в зрительском кресле, сравнивать принципы ведения спектакля и футбольного матча. На репетициях я задумался вот над чем. Режиссер останавливает сцены в случае малейшей неточности. «Стоп! Ты сначала должна среагировать на звук его шагов, а потом поставить фужер на стол». «Стоп! Почему ты там встал, ты здесь должен остановиться, за пять шагов от нее, тебя из зала не видно, только профиль, развернись лицом, пройди еще раз». «Стоп!»... «Стоп!»... Стоп!»... И так до тех пор, пока последовательность движений эпизода не доведена до автоматизма, не говоря уж о репликах. А дальше в бой вступает актерское мастерство.

Разумеется, нельзя проводить прямые параллели, футбол все-таки не театр. Но если б была возможность доводить до такого же автоматизма конкретную игровую ситуацию. Да, конечно, на тренировках мы этим и занимаемся, но все это в статике. То есть разошлись по местам, начали сначала. Каждому футболисту поневоле известен маневр соперника. А вот как бы десяток раз повторить ситуацию, так сказать, с разной предысторией. Когда один вернулся в защиту после длинного рывка, второй только что получил по ногам, а вратарь неверно выстроил стенку. В «Таврии» я придумал такой способ отработки стандартов. Предупредил:

– Ребят, я иногда буду свистеть возле штрафной.

Играем обычную двусторонку, мяч оказался в нужной мне точке, я – свисток, штрафной. И получалось, что в игровой ситуации они за тайм по пять-шесть раз бьют штрафной, причем в игровом запале. Лобановский практиковал другой метод, мы его потом с Морозовым использовали в ЦСКА. По статистике восемьдесят процентов голов с игры забивается после фланговых

проходов. Как совершить этот фланговый проход – вопрос другой. А вот отработать действия форвардов в штрафной площади при подаче или простреле чрезвычайно важно. Лобановский проводил специальную линию по всей длине поля метрах в шести от боковой. За нее защитнику забегать было запрещено. И футболист, не встречая сопротивления, беспрепятственно проходил и подавал, будь то при массивном наступлении или при контратаке. Выходило за тренировку раза в четыре больше фланговых передач. А еще можно было и со скамейки сделать замечание. Получалось своеобразное режиссерское «Стоп! Повторить!», но при этом не прерывая игры.

Вообще говоря, если рассматривать вопрос шире, то речь идет о том, чтобы отрабатывать необходимые компоненты не в статичном тренировочном положении, а в любой ситуации, может, даже за пределами поля. Тогда заставишь голову и тело выполнять их автоматически. Удивительно, но это касается и физических возможностей. Конечно, сложно представить, что скорость или прыгучесть требуют автоматизма. Но вот ведь в чем дело. Наука говорит, что надо тренироваться с одиннадцати до часа дня и с шести до полвосьмого вечера, потому что этот период – самый рабочий с физиологической точки зрения. Все правильно, но спортсмен как бы программирует себя на выполнение физических нагрузок в определенное время. А вот если приучить себя к тому, что тело в любой момент дня и ночи готово совершить рывок, то и в игре среагируешь на ситуацию на долю секунды быстрее соперника, еще сам не осознавая этого.

В настольном теннисе, например, очень важна работа ног. Можно изнурять себя на тренировках многочисленными растяжками, приседаниями, прыжками. А вот один известный в прошлом теннисист выполнял приседания, когда поднимался по эскалатору или ехал в троллейбусе. Не то, чтобы он вообще только и делал, что приседал. Просто приучал свой мышечный аппарат к мгновенной концентрации в любой момент. Разумеется, в транспорте на него смотрели, как на полного идиота.

Николай Петрович Старостин поступал хитрее. Он в свое время играл правого края и был очень скоростной. Старостин довольно оригинально работал над рывками. Как рассказывал Андрей Петрович, идет он с женой в театр или куда еще в цивильном костюме и лакированных ботинках. Подходит троллейбус, и в этот мо-

мент у Николая Петровича «неожиданно» развязывается шнурок. Он жене говорит: иди, садись. А сам завязывает. Входит последний человек, двери закрываются. «Ах ты, черт!» Он делает рывок и успевает влететь в салон...

А в цирке меня поразили жонглер. Он одновременно работал с тремя мячами и показывал такую виртуозную технику, что и бразильцам не приснится. Я несколько раз ходил смотреть на него. Парень великолепно работал корпусом, все части тела голова, ноги, плечи и даже то, что сзади ниже пояса, – независимо друг от друга посылали мячи на нужную высоту в нужную долю секунды. Смотрел и задавался вопросом: вот если б его взять, дать ему скорость, как бы он там. Потом, когда все это проанализировал, мои эмоции несколько поутихли. Прежде всего, он работал недокачанными мячами, спущенными. Значит, уже к футболу не подходит, техника совсем другая. Потому что в реальном футболе избежать упругого отскока удается за счет правильного положения и напряжения, допустим, стопы. Здесь же роль амортизатора выполняет сам мяч. Это как в футзале. Смотришь на них и думаешь, какие же они все техничные. А у них такие же недокачанные мячи. Мяч падает на ногу и обволакиваете, а не пружинит.

Да к тому же все это происходит в «стерильных» условиях. Аркадьев нам рассказывал, как Исаак Дунаевский в дружеской беседе шутливо спросил его:

– Как же вы так тренируетесь? Вышел футболист и промазал. У нас бы за такое сразу выгнали. Если пианист – мастер и играет на концерте, он всегда играет здорово. Очень редко, когда ошибется.

Борис Андреевич отвечал:

– А вы видели, чтобы футболист, когда ему не мешают, на идеальном поле ошибался? А если б у вас за роялем воровали ноты, толкали в спину и за ногу хватили, а из зала еще кричали «на мыло!» Мы тогда представили эту картину и жутко смеялись. Так же и с циркачом. Он начал работать с мячом – и его толкнули. Он чеканит, а к нему вдруг еще вторая голова лезет на этот мяч.

Но было для меня и много полезного в искусстве этого жонглера. Когда он работает, у него все тело расслаблено. Нас ведь учили: когда мяч идет на грудь или на ногу, нужно делать так называемое уступающее движение. То есть как бы успеть сопроводить мяч. Он входит, попадает на правую или на левую часть груди и не отскакивает. Также на бедро. А я еще в пятьдесят восьмом обратил внима-

ние, что у бразильцев нет уступающего движения, у них все расслаблено, как у этого парня. Пеле, Вава, Диди – все они, когда принимают, делаются студнеобразными, как холодец. Мяч как бы попадает в вату. Умение расслабляться на долю секунды в момент приема это искусство. Сейчас Зидан и Рауль так делают: вальяжно, как будто с пренебрежением к мячу. И он их слушается.

То же самое относится и к передаче. Мне техничные игроки напоминают чистильщиков сапог. Намажут гуталином, надраят щеткой – это их вынужденные и необходимые черновые действия. И вдруг в последний момент бархоткой наведут блеск. Расслабленным движением, как бы поверх мяча. И вот вам такая передача! Бархатная, удобная, блестит! Мяч приходит к тебе: пожалуйста, делай со мной, что хочешь, не нужно никаких лишних движений. Сальников так пасы давал, Симонян, Валя Иванов...

Вот так. Помимо успешной работы с командой, я с большим удовольствием вспоминаю свои «культурные походы» за эти два года в Симферополе. Но всему хорошему приходит конец. В июле семьдесят второго вызывают меня в федерацию футбола и говорят, что «Карпаты» вылетают из высшей лиги, надо ехать спасать. Меня аж злость взяла. Нашли тренера-спасителя. Ну и что же, что высшая лига? Тут команда на ходу, мы и в первой не затеряемся. Отношения прекрасные. Город чудный, Крым. Короче, я говорю, не поеду во Львов. Доложили в обком партии, что я отказываюсь. Тотчас присылают телеграмму из ЦК партии Украины: коммунисту Бубукину срочно явиться в ЦК партии Украины. Я пошел на прием к Кириченко.

– Николай Карпович, – говорю, – мы затеяли большое дело. Хотел бы остаться здесь, дальше работать.

А он мне:

– Валентин Борисович, не могу ничего сделать против Щербицкого. Мне тоже очень не хочется вас отпускать. Если вы сами своими силами отобьетесь как-нибудь, мы будем счастливы и рады. Но я не могу идти против ЦК партии Украины. Поезжайте сами решайте.

Своими силами! Если приближенный Брежнева не может решить этот вопрос. Делать нечего, полетел я «разбираться» в Киев. Принимает меня второй секретарь Погребняк и буквально дословно говорит:

– Валентин Борисович, вам партийное поручение. Посмотрите сколько писем в ЦК от наших эмигрантов из Канады, отовсюду.

«Карпаты» – это наша любимая команда, за которой мы следим, и жалко, если она вылетит в первую лигу. Какая помощь нужна, готовы деньги собрать. Тренера найти. В общем, так, вы должны принять команду «Карпаты». Если команда останется в высшей лиге, ордена и медали вам. Если не останется, хлеба на Украине вы не найдете.

То есть закругляй, москаль, и забудь дорогу на Украину. Я спрашиваю:

– Когда это надо делать?

– Как когда? Вон машина стоит, пообедайте в столовой, у нас хорошая столовая, через два часа самолет. Вас эта «Волга» отвезет в аэропорт, билеты вот, и секретарь обкома там встретит.

А я в костюмчике, пиджаке с галстуком, без вещей, жена в Симферополе. Во Львове меня встретил второй секретарь львовского обкома партии Анатолий Захарович Падолко, заядлый болельщик, и сходу говорит:

– Сегодня игра с Минском. Сейчас поедем на базу в Брюховичи, сделайте установку на игру.

Вот это здорово. Утром я еще был тренером в Симферополе. А вечером давай установку «Карпатам». Я и игроков-то толком не знаю, они по высшей лиге только два года. Привозят в Брюховичи, красивое место, дом двухэтажный, маленькая площадочка. А я слышал о Полосине, тренере, которого сняли. Всех успехов «Карпаты» добились с Эрнстом Эрвиновичем Юстом. Кубок СССР завоевали, выступая еще в первой лиге. И как раз в семьдесят втором назначили Полосина. Анатолий Федорович очень грамотный человек. Толком он нигде не играл, но знаниями обладал потрясающими. Окончил институт физкультуры, учился у всех тренеров. Кстати, под его руководством в восьмидесятом году «моя» «Таврия» вышла в высшую (!) лигу. Перед установкой я подошел к Полосину и сказал:

– Анатолий Федорович, я никого не хочу искать, если у вас есть желание со мной поработать – давайте.

– Валентин Борисович, да я бы с удовольствием. У меня здесь квартира, семья.

– А в чем дело? Что не получилось?

– Да так вот, начну говорить, сразу спорят со мной. Говорю, вроде, правду. Начинаю тренировку проводить, а они мне: шо ты даешь, як мы так грани. С Юстом мы легко, там... И так далее.

«Карпаты»

Суть дела я уяснил сразу. Над «Карпатами» витал дух местно-го национализма. Юста, кстати, очень вежливого и культурного человека, они считали своим. Он родился в Ужгороде. А пришлых людей, в особенности москалей, на дух не переносили. Главным образом, болельщики. Если команда не выигрывала, то шли угрозы, присылали письма, телеграммы приходили, пугали: «Убьем, шутить не любим, москаль, убирайся».

Но это все было потом. А началось хорошо. Мы выиграли мою первую игру с Минском. Причем, мяч забили на последней минуте со штрафного. А я на установке, кроме общих слов, только и сказал, что если будете бить штрафной, то Козинкевич здесь стоит, Лев Броварский здесь, Лихачев с левой стороны. Вот так разыграешь, так пробежишь. Именно так они и сделали. Падолко был в восторге: Бубукин только сказал, а они уже выиграли.

Остались мы в высшей лиге, орденов и медалей, правда, не получили. Перед началом следующего сезона все тренеры высшей и первой лиг защищали годовой план. Это обычное дело. Но председатель федерации футбола СССР Зинченко собрал корреспондентов и стал задавать совершенно странные вопросы. Вплоть до того:

– Сколько раз у вас футболисты по воротам бьют за тренировку?

Я говорю: не знаю. Он такой радостный:

– Видите, старший тренер и не знает, сколько у него команда бьет по воротам.

Я ему говорю, что знаю объем, то есть двадцать минут тренировочного процесса на отработку ударов достаточно, учитывая, что игроки после тренировки остаются.

А он только кивает головой, мол, все понятно. Вроде, и не план хотел забраковать, а меня самого.

Я тогда ему говорю:

– Вы извините, я могу вам задать вопрос? А он такой напыщенный – конечно!

– Вы приходите обедать, что вы заказываете?

– А зачем это вам?

– Ну все-таки?

– Беру закуску, полтарелки первого, обычно, второе и компот. Что еще вас интересует?

– А вот когда вы суп едите, сколько раз рот открываете, ложку туда кладете?

Он вытаращил глаза, такой смех был среди корреспондентов.

Я говорю:

– Так и я, мне важна порция супа, а не количество ложек.

Еще одна проблема возникла на сборах в Ялте. Я уже проводил трехразовые занятия с ними. Козинкевич, Поточняк, Броварский уехали со сборов. Приехали в обком партии жаловаться на меня, что я даю большие нагрузки, кроссы бегают много и так далее. Падолко послушал и ответил:

– Не хотите играть – не надо. Человек старается, чтобы команда сильно играла. Я думал, вы жалуетесь, что он пьет, не работает с вами. А он работает, вам отдохнуть не дает. Вы должны пойти извиниться или заканчивайте играть, поезжайте играть в Хабаровск отсюда, из Европы.

Стоит отметить, что это был единичный случай. Со всеми ребятами у меня потом были отличные отношения. А проблема заключалась вот в чем. Я посмотрел конспекты Юста, и увидел, что на сборах в Брюховичах футболисты перед матчами играли в основном в «дыр-дыр». Там поэтому и поле-то маленькое. Ну и слава Богу, раз был результат. Эрнст Эрвинович, наверное, находил какие-то свои подходы. Полосин пришел и совершенно правильно нагрузил их физикой. Кроссы бежал впереди них. Поэтому-то они и «сплавили» его. Я тоже сторонник больших нагрузок, но с одной оговоркой...

Здесь позволю себе несколько отвлечься и рассказать забавный эпизод о моем «научном» споре на эту тему со школой Лобановского. В 1986 году киевляне стали чемпионами и забили больше всех мячей. А я работал помощником Юрия Андреевича Моро-

зова в ЦСКА. От армейского клуба надо было лететь в Киев, вручать приз Григория Федотова. Морозов мне и говорит:

– Валь, поезжай ты. Я не могу, Василич оставит – как бы не загулять, не загудеть с ним.

Они дружили и любили друг друга.

– А тебе, Валь, проще. Ты к Василичу приедешь, вручишь, собираются в шесть, вручили, концерт, в десять свободен, рюмку другую выпьешь – и все. В двенадцать с чем-то есть поезд.

И я поехал в Киев. Взял этот кубок здоровый, федотовский, приезжаю. Встречают меня. Я говорю администратору киевской команды: «Возьми мне обратный билет на двенадцать».

Он отвечает:

– Я не могу этого сделать, потому что Василич приказал мне, что вы все уедете на следующий день.

Все – это я, Соловьев с женой и Никита Павлович Симонян. Разговора никакого быть не может. И вот вместо того, чтобы мне уехать, я звоню Морозову и говорю:

– Юр, меня никто не отпускает.

– Ну, ничего, меня бы, наверное, неделю не отпустил.

Я вручил, поздравил, рассказал анекдот: «На Украине пришел мужик в милицию и говорит: я хочу поменять фамилию свою на более знаменитую. Какую бы вы хотели взять? Лобановский. А у вас какая? Лобачевский».

Все ребята пошли в ресторан. А мы – на отдельной квартире, вроде бы у Пузача... Пузач, Лобановский с женой, Симонян, Соловьев с женой, Зеленцов, который наукой в Киеве заведовал, я... – человек десять было. А величие Лобановского в том, что он первым среди всех советских тренеров упорядочил учебно-тренировочный процесс с точки зрения науки. Наука выдавала ему рекомендации, как работать над скоростью, как над скоростной выносливостью. Какие пульсовые стоимости, на каком пульсе, что вырабатывается. Базилевич позже на этом кандидатскую диссертацию защитил. И Василич, как и все фанатичные тренеры, даже за столом начал обсуждать различные методические идеи. И вот сидим: коньяк, закуска, а он начинает с Зеленцовым спорить по поводу режима Б.

Суть вот в чем. Если при некоторой нагрузке пульс не превышает ста пятидесяти ударов в минуту, значит идет работа над общей выносливостью организма. От ста пятидесяти до ста семидеся-

ти – скоростная выносливость, а если от ста семидесяти до двухсот – работаем над скоростью. Соответственно режимы: А, Б, В. Работа над скоростью – это периодические рывки, а скоростная выносливость – поддержание высокого темпа в течение всего матча. Отсюда и методика пауз для восстановления организма. Когда работаем над скоростью, должны обязательно опустить пульс до ста двадцати, дать полное восстановление, а не стартовать со ста пятидесятью. Когда работаем над скоростной выносливостью, то даем небольшую паузу – полторы-две минуты – и на уставший организм заставляем работать дальше. Тренер называет, например, режим Б – ребята бегут. Остановились – он сразу: возьмите пульс. Взяли. Ему говорят: пульс сто тридцать. Он: мы ничего не вырабатываем. Прибавить. Пробежали. Пульс сто сорок. Еще. Сто пятьдесят – вот в таком темпе и бегите. В таком темпе бегут и знают, что идет работа над выносливостью. Прибавить на двести метров. Пульс сто семьдесят. Пауза спуск до ста пятидесяти. Опять...

Мы выпиваем, закусываем, балагурим, а Лобановский с Зеленцовым все по поводу режима Б – скоростной выносливости. Спорят, что эффективнее: гладкий бег с пульсом сто пятьдесят или упомянутый уже несколько раз квадрат шесть на шесть. Я не выдержал и говорю Зеленцову:

– Валер, вот ты работаешь над скоростной выносливостью. Например, квадрат шесть на шесть: пять попыток по пять минут с двухминутной паузой. А если сделаешь это упражнение, а после паузы другое с тем же пульсом, а потом третье. Мы вот сидим за столом, тебе необходимо определенное количество калорий. И представь, тебе дают на первое – щи, на второе щи, и на третье щи. Калории набрал, но ведь невкусно!

Все засмеялись, а у Лобановского сразу глаза загорелись: Зеленцов запиши! Чего ты так сидишь!...

Если вернуться к вышесказанному, то я тоже сторонник больших нагрузок, но с оговоркой, что эти нагрузки должны быть разнообразны и интересны. И по возможности – больше работы с мячом. Иначе футболист не поймет их необходимость, будет проклинать и тренера, и себя заодно. Поэтому, когда ребята поняли мои и свои задачи, им стало интересно, и у нас установились очень хорошие отношения.

В конце сезона 1973 года даже вышел такой случай. Киев боролся с Ереваном за золото. Вызывает меня Падолко и говорит:

– Мы должны проиграть «Динамо». Нам звонили из ЦК. Я отвечаю:

– Знаете что, я буду давать установку на победу. Я не могу так. Я их заставляю биться, наказываю – и вдруг сам начну. Могу сказать им: с вами хотел поговорить второй секретарь обкома. И уйти. А вы тогда им говорите, что хотите.

Не знаю, что там было, наверное, предупредил их, что надо сделать так, чтобы и народ ничего не понял. Потом подошли ко мне мужики: Гена Лихачев, Броварский, Поточняк и сказали:

– Валентин Борисыч, не переживайте, они нам в том сезоне обещали по тысяче рублей, а дали по семьсот, обманули. Мы им сказали, ну смотрите, настанет время, як мы будем играть.

Это было еще в первом круге, когда с Полосиным играли, киевляне не хотели рисковать и попросили два очка. Наши ответили: а вдруг выиграем, тогда нам по тысяче официально заплатят. Они им: мы сами вам дадим по тысяче. А потом решили, что слишком жирно, и дали по семьсот.

И вот играем мы с «Динамо» ничью. Хорошо, что еще в серии пенальти проиграли 4:5, но это же лотерея. Падолко был шокирован – звонили оттуда – и до самой серии пенальти хватался за сердце. Тогда-то надо мной и стали сгущаться тучи.

Большую моральную поддержку мне оказывал генеральный директор завода телевизоров «Электрон» Степан Остапович Петровский. Материальную он оказывал по долгу службы, поскольку завод непосредственно шефствовал над нами, там мы получали доплаты. Несмотря на такое отчество, он был русским. Строил этот завод и там остался. Говорил:

– Валентин, знаешь, когда я строил, сколько было мне предупреждений и угроз. Однако я же выжил и живу здесь. И теперь уже никаких проблем нет, я являюсь своим человеком.

Обставил Петровский мне квартиру мебелью, сделал пропуск на завод, там давали хорошие продукты. Помню, шинка такое копченое мясо было. Все, что получше, подешевле. Завод имел дом отдыха, и Степан Остапович мне разрешил, когда его самого не было, пользоваться своим домиком. Это в горах, на берегу озера, место – потрясающее.

Но тут в сезоне семьдесят четвертого года команда, «к несчастью», заиграла, пошла в десятку. И мне стали приходиться записки другого рода, причем в директивной форме. В перерыве: «Снимите

этого, поставьте того, плохо у вас играет центральный. Поставьте Жирова». Жиров очень нравился секретарю. А ведь до этого мне мешали.

И тогда я сказал:

– Степан Остапович, надо мне заканчивать.

Словом, пришлось расстаться. Хотя с ребятами, повторяю, отношения были прекрасные. На следующий год я приезжал во Львов с ЦСКА, с Тарасовым. Встречался, обнимался с соперниками у всех на глазах. Анатолий Владимирович поглядывал на это с неодобрением. Но сыграли мы очень хорошо, хоть и ничья была. Тарасов успокоился:

– Валентин, ты заслужил рюмку коньяка, заходи.

Мы выпили по рюмке коньяка, он говорит: «Ложимся спать».

А наутро улетать, я в аэропорту к Капличному подхожу и говорю: «Володь, дай семечек». Ждали посадку на самолет. Он мне дал, я хожу, грызу. Тарасов отзывает и начинает отчитывать:

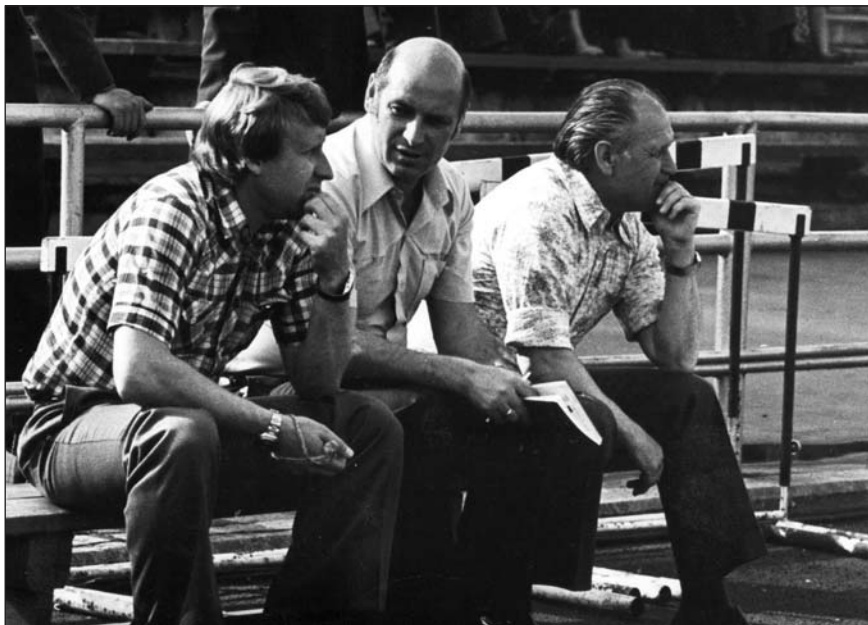
– Валентин, я так сожалею, что выпил с вами вчера рюмку коньяку. Вы дали игрокам повод подумать, что вы сегодня закусываете.

12. Тренер с сильными словами

К слову о «деловитости». Есть такая избитая фраза: «футбол не любит сослагательного наклонения». Если бы да кабы. Поэтому сейчас рассуждать о том, что было бы, если бы мне позволили работать в ЦСКА в качестве старшего тренера, бессмысленно. И, в общем-то, как сложилось, так и сложилось. Я тренировал в связке с прекрасными порядочными людьми, о которых речь ниже. Но что обидно, так это аргументы тех, кто отводил мою кандидатуру. Дескать, я несерьезный человек, весельчак. Кто-то даже пошутил: «Чтобы стать старшим, ты должен быть букой, а не Бубукой». Странная позиция с учетом того, что за двадцать с лишним лет команды, с которыми я работал, не только не проваливались, а двигались вверх по турнирной таблице. За исключением последнего 1987 года, когда мы с мальчишками, серебряными призерами чемпионата Европы среди юношей, вышли в высшую лигу и не удержались в ней. Через четыре года эта команда под руководством Паши Садырина практически стала чемпионом СССР и обладателем кубка. Причем здесь чувство юмора – непонятно.

Когда я вернулся из Вьетнама, меня пригласил помощником Сергей Иосифович Шапошников. Наши дороги до этого не пересекались, хотя он тоже работал во Львове и тренировал «Таврию» через два года после меня. Мы, кстати, по обоюдному согласию, сразу пригласили из Симферополя Аджема и Коробочку. Коробочке при мне было еще четырнадцать лет. Я его видел, он играл за школу при заводе «Фиолент». Сергею Иосифовичу меня, по видимому, порекомендовали уже упомянутый полковник Соболев и хорошо известный генерал Волкогонов. Дмитрий Антонович был заядлым болельщиком. Часто приезжал с лекциями в Архангельское. И уже тогда рассказывал о нашей истории совсем не так, как писали в официальных книжках. О Сталине, Берии, репрессиях. Пост в Главпуре он занимал очень высокий, был незаменимым консультантом министра обороны и позже даже помогал мне с выслугой лет.

Не могу сказать, что Сергей Иосифович добивался таких высот, как Якушин, Качалин или Аркадьев. До таких тонкостей в работе он не доходил, но прекрасно разбирался в душах людей. Вся-

Слева направо: В. Федотов, В. Бубукин и С. Шапошников

чески поощрял творчество игроков, то есть не скрывал, что у него есть планка, которой он достиг, и если видел, что игрок в чем-то выше, он ему разрешал воплощать собственные мысли. Разрешал спорить, доказывать тренеру, что тот не прав. В этом была сила Шапошникова. Не удивительно, что по сей день у Сергея Иосифовича нет отбоя от приглашений бывших подопечных. С Украины некоторые футболисты потом перебрались в Америку. Работают администраторами, кто-то хозяин бензоколонки. Зовут Шапошникова – а они с супругой легкие на подъем. Недавно его воспитанник по «Черноморцу» Леонид Буряк построил новую виллу. Так, в первую очередь решил показать ее любимому тренеру.

У нас дачи рядом. Пока Сергей Иосифович пилит, рубит, строгает, Надежда Александровна занимается цветами. А мне Тарасов в свое время подарил два потрясающих куста, утверждал, что это традесканция. Бог ее знает, может, и традесканция, но цветет красиво, осенью одним цветом, весной другим. Надежда Александровна глаз на нее положила, и пока мы там часть кустика прикапываем, она рассказывает, какой у Лени Буряка новый дом, как он их встречал в Киеве, на какой машине, какие достопримечательности показывал. А ведь работали они с ним всего два года. Редко какому тренеру, удается заслужить такую признательность игроков.

Вообще, сила тренера, игрока или просто человека заключается в том, чтобы остаться самим собой на протяжении многих лет. Не измениться. Потому что играть роли всю жизнь нельзя. Разумеется, не нужно быть упрямым ослом, но если народ к тебе относится с любовью, значит, твоя линия правильная и нужно ее сохранять. Таков Сергей Иосифович, он хоть человек и очень серьезный, но прекрасно воспринимает шутки. Даже весьма рискованные. У него день рождения восьмого марта, и мы все время обыгрывали тему нетрадиционной ориентации.

Работали успешно с учетом возможностей команды. Заняли восьмое место. Особо не хвалили, но и бури никакой не было. И вдруг до нас доходят слухи, что начальство выражает даже не недовольство, а некоторое сомнение:

– Все нормально, но нам не нравится игровой почерк команды.

Здесь надо отметить, что 1979 год, был годом превосходной игры бесковского «Спартака». Они стали чемпионами, годом раньше поднявшись из первой лиги. У нас такой вязи, как у «Спартака» не было. Сергей Иосифович сам когда-то играл право-

го края. И мы проповедовали агрессивный футбол: проходы, поддачи, прострелы. А «рисунок не понравился» – это понятие растяжимое, потому что футбол понимает каждый по-разному. Сидели мы как-то на трибуне с Сергеем Сальниковым и одним известным специалистом. В одной из ситуаций полузащитник выдал изумительный пас. Через голову защитника – только волосы причесал, вырезка настоящая. Как заметил Серега, даже жираф достать не может, шею порвет. Можно уходить, говорит, такого паса больше не будет. Короче, наслаждаемся, а сосед наш сидит, не шелохнется. А через несколько минут, он вскакивает восторженно, мы смотрим на него удивленно, не поймем, в чем дело. То есть одни ищут красоту в борьбе, в движении, другие в элегантности паса. Третьи смотрят на тактику, как футболист в тактическом плане видит поле. А на что смотрели люди с большими звездами на погонах – неясно. Давайте, все команды, как «Спартак», начнут плести кружева, играть в мелкий пас.

Сергей Иосифович, человек самолюбивый, подал заявление об уходе. Ушел из команды со своим футболом. Несправедливо поступили. Впрочем, несправедливых решений в тогдашнем ЦСКА было немало. Считалось, что если армия у нас самая сильная, то и команда должна быть самая сильная. Желание хорошее, а вот терпения для его реализации не хватало. Меня же пригласил министр обороны. Начальники сразу засуетились, потому что обычно вызывали всех. Целая свита приезжала. Администраторы испугались, что я в одиночку наговорю там чего ненужного про их работу. Покусаев пытал меня:

– Борисыч, что говорить собираешься? Чего он тебя вызывает?

– Не знаю, Иван Кирилыч, приду, расскажу.

– Ты смотри, скажи, что клуб работает, делает дело.

Я и сам толком не знал, что меня ожидает. Хвалить, конечно, не будут, а снять могли и без аудиенции. Как обычно, звоню Тарасову. Спрашивает:

– Сколько ты собираешься говорить с министром? Я отвечаю, что минут семь-восемь.

– Ты что, одурел? Министр может за одну минуту начать войну, а за две закончить. Ты видел у него в правой руке чемоданчик? Вот с этим чемоданчиком он и закончит, а ты на три войны с ним беседовать хочешь. Дай трубку Зое.

Она с ним поговорила, положила трубку и мне:

– Он сказал, чтобы я тебя не трогала. Чтобы ложились спать, а ты сидел и думал над сильными словами минуты на полторы. Так что, давай, ищи сильные слова.

Сижу, ищу. Он меня постоянно учил, что при разговоре с высоким начальством нужны сильные аргументы и четкая позиция. Если будешь «ля-ля» разводить и просто жаловаться на жизнь, оно решит, что ты слабый. Министр должен понять, что ты был прав, поставив эту задачу.

Пригнел на прием. У Соколова накинут китель с маршальскими погонами. Он поздоровался, сел в торец длинного стола для вещаний. Вставил сигарету с фильтром в мундштук, закурил.

– Я хотел бы знать истинное положение дел в команде. Вот мои «сильные» слова:

– Товарищ министр обороны, команда находится на правильном пути. Мы сделали выводы из поражений, сейчас прибавили в учебно-тренировочном процессе, повысили боевую и политическую подготовку за счет лекций, за счет равнения на наших героев Великой Отечественной Войны. Ни вам, ни нам на будущий год краснеть не придется. ЦСКА будет в десятке сильнейших команд

Тренировка в Лужниках

Советского Союза. Я готов перед вами нести партийную и армейскую ответственность за сказанное.

Тридцать секунд. Чувствую, у меня волосы проросли и зашевелились. Вспомнил Сергея Ольшанского. Его Тарасов куда-то за сопки сослал. Он оттуда писал письма: «Анатолий Владимирович, возьмите меня, не надо мне платить денег, ничего, возьмите, я хочу играть в футбол, я буду предан и так далее».

Жестокий Тарасов говорил: как только третье письмо получу, тогда возьмем. Вот и я так же. Думаю, слова-то громкие сказал, а за них же надо отвечать. Как загонит меня туда, куда Макар своих телят, буду сидеть на сопках и письма писать...

Назначили старшим тренером Олега Базилевича. Совсем другое направление. В свете последующих событий задаешься вопросом: а как вообще люди, считающие себя знатоками футбола, назначают тренеров? То есть отдают ли себе отчет в том, что они конкретно хотят от того или иного наставника. Или решающее значение играет имя, а не выработка клубной стратегии. Допустим, Шапошникова обвинили в отсутствии элегантности. Вместо «спартаковской» элегантности взяли курс на киевский вариант с хорошей физической готовностью, добиваясь этого коллективным отбором и расширением сферы действий игроков. Тоже неплохо, несмотря на то что двумя годами раньше вопрос о серьезной функциональной подготовке остался фактически без ответа. Но ведь через два сезона все закончилось удовлетворением очередного пасквиля игроков на Базилевича. «Тяжелые тренировки, мало работы с мячом, навязывание принципов, не характерных для славной истории армейского спорта». Как будто футболист может заснуть, а утром проснуться необыкновенно выносливым.

Олег как раз защищал в Москве кандидатскую диссертацию по режимам работы. Я был на защите в старом здании института физкультуры на Казакова. Выступал он очень уверенно и обскакал Лобановского. У того тоже была мысль написать научный труд. Но тема одна, они вместе создавали методику.

Первые сборы проводили в Кисловодске. Забирались на гору и две недели – без мяча. Специальный легкоатлет ездил с нами. Создав хороший фундамент, Олег Петрович стал шлифовать тактику. У него поле условно было разделено на определенные точки. Он скрупулезно работал над действиями футболистов разного амплуа в данной точке поля. В условиях постоянного движения и взаимо-

заменяемости, защитник мог оказаться на позиции крайнего форварда и наоборот. Всеми навыками нападающего игрок обороны, естественно, обладать не мог, но свою задачу при передаче или обстреле ворот должен был выполнять идеально.

В двух сезонах под руководством Базилевича ЦСКА занял соответственно пятое и шестое места. Подготовку к чемпионату 1982 года мы начали как никогда серьезно. Трехразовые тренировки на сборах. Два раза в Москве. Много беговой работы, много тестирования. Тогда то и появились эти письма в министерство. «Зачем нам Базилевич с его режимами, надо играть проще. Эти режимы только сбивают, отвлекают от занятий техникой». Короче, революционная ситуация. Низы не хотят, а верхи не могут. Нас вызывают к Соколову. Базилевич собирает на Песчаной тренера Алика Шестернева, начальника команды Юру Беляева и меня. Предупреждает, что если мы будем говорить одно и то же, министр поймет, что мы единый коллектив, что игроки переболеют и дальше все будет нормально. Если начнем спорить, понимают поодиночке. Договорились.

Первым выступил Базилевич. Пообещал министру, что на фоне мощной физической работы, скоро появятся забегания, скрепчивания и результат будет очень высоким. Привел пример киевского «Динамо». Я сказал примерно то же самое. А Алик с Юрой неожиданно заступились за игроков. Мол, они не привыкли, надо работать по-армейски, как в старые годы. Юрка Беляев играл в ЦСКА центра нападения в пятидесятые. Топтал всех, его за глаза звали: солдат Беляев на передней линии. По идее, он может считаться олимпийским чемпионом пятьдесят шестого года. Правда, в Мельбурне не сыграл ни одного матча... Итак, отпустил нас министр, вернулись в Архангельское. А Юрка работал до этого главным тренером Вооруженных Сил, к отставкам не привык. Соколов же не сказал, чью сторону он принимает. Вечером должно было подъехать руководство, объявить решение. Я после обеда говорю Беляеву:

– Юр, я ложусь поспать часа на полтора, если приедут, разбуди.

– Ты что! Едут снимать нас, а ты ложишься.

– Так ведь приказа нет, я еще и поужинаю, а может, завтра еще и позавтракаю. Но пока не поужинаю, не фига никуда не уеду. А потом уже, на здоровый, на полный желудок буду принимать увольнение...

Приехали и сняли нас с Базилевичем. Юра доработал до конца года и отправился на Мадагаскар. А Алик год был старшим тренером...

Последний раз в главную армейскую команду меня позвал Юрий Андреевич Морозов в восемьдесят пятом, уже в первую лигу. Мы знали друг друга еще с игроцких времен, но работать вместе не доводилось. Юра провел мою кандидатуру вопреки сомнениям Соколова. Министр предупредил его:

– Вы берете Бубукина, у Бубукина свои взгляды, он здесь работал, за ним может пойти народ.

Морозов ответил, что ему такой и нужен. В спорах рождается истина. Тем более Бубукин знает сильные слова. Соколов, конечно, погорячился, представляя меня, как непримиримого борца за свои взгляды. На деле у нас получился очень хороший тандем. Морозов представлял собой этакую гремучую смесь Тарасова и Лобановского. Вспыльчивый, кипяток, суровый, жестокий. Мог накричать, сравнять с землей. Все это минут на десять. Потом проходит время, и он затихает. Как Валя Иванов. На это время я являлся превосходной буферной системой между игроками и Морозовым. Ребята по первости сильно обижались. А я их успокаивал, говорил, увидишь, что завтра он к тебе как ни в чем не бывало. К нам из Литвы перешел Вальдас Иванаускас, к своим партнерам по юношеской сборной. Он хоть и скоростной, но все равно в нем была какая то прибалтийская заторможенность. Может, они от природы такие, от своей культуры. Если перед тобой лужа, значит, ее надо обойти, даже если галоши надел. Нечего лезть туда в это пекло, подкат делать, биться. То есть сзади играл только на чистых мячах. Морозова это очень раздражало. Он говорил:

– К атаке у меня претензий нет, хорошо борешься, особенно вверху. А почему сзади не отрабатываешь?

Я по мере сил защищал Вальдаса:

– Юр, не всем же быть челноками. Хорошо, он не отрабатывает в обороне, но зато какой в атаке. Давай здесь хава поставим, чтобы страховал. Потому что парень впереди окупит все расходы.

Ну и как-то Морозов довел Иванаускаса до слез. Рано заменил его, наорал:

– Сколько можно говорить, чтобы возвращался! Давай, иди отсюда!

Тот снял бутсы, идет в раздевалку и плачет. Я уж нарушил профессиональную этику и шепнул Вальдасу, что я бы его не снял.

Что Морозов отойдет. И все будет нормально. Чисто по-человечески, чтобы вернуть ему веру в себя. Он потом стал чуть ли не ведущим игроком «Гамбурга».

Юрий Андреевич был предельно официален с игроками. Не было такого, чтобы он зашел в комнату на сборах, поинтересовался бытом. Или смотрел с ними телевизор в свободное время. Он мыслил, что у нас профессиональная команда, они получают деньги, пусть сами решают, как относиться к делу. Так что мне приходилось быть еще и постоянной «нянькой». В Архангельском он селился в последней по коридору комнате. А посредине – класс для занятий с телевизором и видеком. Приносили нам кассеты с американскими триллерами, боевиками. Тогда еще к этому не привыкли. Сидим вечером, смотрим, разинув рты. А Морозов считал это ниже своего достоинства, запирался у себя в комнате и составлял конспекты. Ну и выйдет в туалет или еще куда. Пройдет мимо, только взгляд бросит. А потом мне вставляет:

– Вот ты, Валентин Борисыч, сам как ребенок. Нет чтобы смотреть, как итальянский «Интер» играет, ты гонишь сплошную порнуху!

– Юр! Не поверишь, прямо, как специально! Как ты идешь, так какую-нибудь голую задницу показывают! Посиди, посмотри, увидишь, что нормальный фильм.

– Да что сидеть! Одни бабы голые на экране!

Чего греха таить, любил он выпить. Заедем на сборы, он все осмотрит, проведет тренировку и очень серьезно нам с начальником команды Марьяном Плахетко говорит:

– Ребята, мы свое дело сделали, завтра игра, все зависит от них, мы провели такую работу, такую, такую, – перечисляет. Потом добавляет, как бы невзначай:

– Поэтому мы можем позволить себе перед сном по рюмке. Борисыч, тебе пить нельзя. Ни грамма, потому что надо ребят уложить.

Выпьют по рюмке, второй, третьей, сидят, разговаривают. Время к полуночи. Я возвращаюсь, докладываю, что все нормально, спят.

– Борисыч! Все равно тебе нельзя. Потому что нас снимут, а ты будешь старшим тренером. Марьян, давай назначим Борисыча старшим тренером.

Тренерская скамейка ЦСКА. Слева направо: О.Базилевич, В.Бубукин, врач О.М.Белаковский и В.Четвериков

Это уже после пятой-шестой. И вот так на протяжении сезона они меня назначали старшим тренером. А утром снимали, опять все на своих местах. В семь часов Морозов встанет, побреется, зарядку сделает, прогулку километров восемь. И свежий как огурец. А заодно и меня поднимет ни свет ни заря. Зато после обеда меня лучше не трогать. Кто-нибудь спрашивает:

– Где Борисыч?

Морозов отвечает:

– Он думает по тактике.

Меня тормошат, кричат: Борисыч, там вот такие дела...

– Сейчас, сейчас. Мне надо подумать, как со «Спартаком» играть. У меня в голове такой «Ералаш», вот во сне все скомпонуется, как у Леонова в «Большой перемене».

В восемьдесят шестом Юра месяца на полтора уехал в сборную к Лобановскому На сборы и чемпионат мира в Мексику. Хотели вы-

звать Шапошникова консультантом, но Морозов возразил, что я знаю его линию, как тренировать, как играть. Шашков согласился, но предупредил, что в его отсутствие я должен набрать пятьдесят процентов очков в шести матчах. Не ошибусь, если скажу, что мы десять очков взяли из двенадцати. Чесали всех за счет небольшой хитрости. Ребята – молодые, из бывшей юношеской сборной: Мох, Колотовкин, Иванаускас, Татарчук, Медвидь, Дима Кузнецов, Савченко. Морозов настраивал их на постоянный прессинг, давление впереди. А я, пока его не было, решил, что высшая лига важнее. Предположим, играли мы в Ланчхути с «Гурией». Я даю такую установку:

– Ребята, мы немного поменяем с вами тактику. Все знают, что мы играем быстро, и соперник будет после атаки незамедлительно отходить назад. А вы не рвитесь, держите мяч на своей половине. У нас задание пятьдесят процентов, ничья устраивает.

А это же Грузия, народу полный стадион. Забирались как-то даже на пирамидальные кипарисы. Дерево метров под тридцать, как свеча. «Гурия» отходит назад, делает массивированный заслон, а мы у себя катаем. Народ свистит. Тренер хозяев не выдерживает и бросает их в атаку. Быстрый ответ и – гол!

Сила Морозова в предвидении. В «Зените» он работал, потом пришел Садырин и выиграл Союз. Работал в ЦСКА, не хватило всего года, потому что игроки молодые, они растут семимильными шагами. Татарчук стал в восемьдесят восьмом заслуженным мастером спорта, олимпийским чемпионом. Фокин то же самое. То есть игроки до этого попали как раз в те руки, которые нужно. Он их сделал профессионалами. Полузащитники мобильные, небольшого роста. Татарчук из современных футболистов очень напоминал Измайлова из «Локомотива». Неординарная обводка. Неординарные решения при взятии ворот, не просто забивал, а знал куда бьет, как обводит. И в борьбе злой. Морозова досаждали корреспонденты. А он, человек серьезный, улыбочивый, говорил мне:

– Валь, иди, скажи им что-нибудь, достали они меня.

Я прихожу на пресс-конференцию, у них в руках блокноты, ручки, записывают.

– Валентин Борисович, можете назвать отличительные черты вашей команды?

– Могу. Дело в том, что они молодые и небольшие, так что одеваются в «Детском мире», а вот презервативы покупают в магазине «Богатырь». Это их отличительная черта.

Сняли нас после восемьдесят седьмого года, когда в решающем матче с «Зенитом» Масалитин не попал в пустые ворота. Садырин потом, когда пришел в ЦСКА рассказывал, что наши «богатыри» сдали игру. Не умаляя Пашиных достоинств, скажу, что пришел он не на голое место, не к разбитому корыту, не к развалюхе, какой брал команду Морозов. Фундамент успехов 1991 года был создан, безусловно, Юрием Андреевичем. Он – один из лучших тренеров нашего футбола двадцатого века, что подтвердила его недавняя работа в «Зените». Он за короткий срок раскрыл таких ребят, как Кержаков, Аршавин. Ушел – и питерская команда снова посыпалась.

Хочется вспомнить еще об одном «долгожителе» ЦСКА того времени. Николай Алексеевич Маношин был мастером селекционной работы. Артистичный технарь на поле. Они с Валеркой Ворониным были гениальными распасовщиками в «Торпедо» шестидесятых. Валерка – более взрывной, лучше играл головой, поэтому его постоянно привлекали в сборную. А Коля был начинателем, режиссером атак, хоть ему и не хватало стартовой и дистанционной скорости. Левою ногою работал, как клюшкой. Его техника, думается, пошла от характера. Он спокойный, выдержанный. А когда человек спокойный, у него техника вяжется, переплетается с манерами. Мягкость в движении, в остановке мяча, в передаче. Если большинство футболистов на поле играли, то он, как артист, жил игрой. Это очень подкупало зрителей. Чуть ли не спит, а шарашит одного за другим. В своей штрафной площадке убирал соперников на замахе, за что прилично получал от Маслова.

К селекции его привлек еще Анатолий Владимирович. Коля работал тогда старшим тренером школы. Там была масса анекдотичных историй с призывом. Хочу вспомнить одну, к которой я имею непосредственное отношение.

Нам понравился Василий Швецов из минского «Динамо». Но его призвать директивным порядком было практически невозможно, поскольку он проходил срочную службу во Внутренних войсках. Ведомство «Динамо». Но им почему-то там особо не дорожили. Маношин как раз ездил тогда в Минск, там была на гастролях его супруга Галина Дашевская с театром Моссовета. Они водили все руководство минского клуба на спектакли, те в благодарность устроили экскурсию в закрытый музей МВД – словом, сдружились. Минчане согласились отпустить Швецова, но под клятвенное обещание Маношина не будет препятствовать его возвращению по

окончании службы. А Вася у нас хорошо заиграл, прижился, у него появилась девушка. Как наступило время демобилизации, Светлана пришла к Тарасову. Так, мол, и так, я в положении, а Вася не знает, что делать. Вроде, в Минске – родители, а здесь сложно создавать семью. Тарасов ей ответил:

– Все, что касается положения, это к Бубукину, он специалист.

Я ей говорю, что мы на Васю очень рассчитываем, он останется у нас. Дадим хорошее жилье. И Васю отчитал: такая прекрасная девушка, так тебя любит. А он все равно что то сомневается, говорит, надо подумать.

Чего тут думать! Я написал заявление: прошу оставить меня в рядах Вооруженных Сил и дать мне звание офицера. И подписался: Швецов. Бумага к министру на стол. Там быстро подмахнули, и на собрании команды офицер из Главпура преподнес Васе «подарочек»:

– Василий Швецов! Поздравляю вас, согласно заявлению, вам присвоили звание лейтенанта Вооруженных Сил.

Из Минска приезжали разъяренные делегации, и Колю Манюшина спасло только то, что он сбежал тренировать армейскую команду Сомали. А у Васи со Светой получилась прекрасная, порядочная семья.

А при Морозове Коля возглавлял ЦСКА-2. Через его руки прошли многие будущие чемпионы. Весело было смотреть на их «педагогические» дискуссии. Жесткий, раздражительный Морозов и очень душевный Манюшин, для которого наказать игрока – страшное дело.

– Николай Алексеевич! Надо этого снять с зарплаты, он играет не в полную силу.

Коля пишет рапорт, кладет его в ящик стола и рассуждает:

– Ну, это ж армия. Пока вылежится этот рапорт. Проходит месяц, футболист снова показывает приличную игру. Морозов говорит:

– Николай Алексеевич, надо опять ему вернуть ставку, он все понял.

– Есть, – отвечает Коля и рвет рапорт.

Я его подкалываю: «Коль, как же так? Ты не выполнил указания». А он произносит блестящую фразу я ее запомнил дословно:

– Валь, пока чтой-то, гдей-то, чегой-то, за это время все образумится.

Хочу подвести итог, что мне с тренерами очень повезло. Как игрока меня учили уму разуму такие корифеи, как Аркадьев, Качалин, Якушин, Маслов, Морозов Николай Петрович. Помощником тренера я работал со старой гвардией: Шапошниковым и Тарасовым. А также более молодыми: Базилевичем и Морозовым Юрием Андреевичем. Конечно, честолюбие присутствует у каждого человека, и жаль, что такой разноплановый опыт мне не удалось применить на практике самостоятельно. Век футбольный – короткий. Но, поверьте, мне доставлял истинное наслаждение сам процесс учебы. Как говорил Аркадьев: «Всегда слушай чужие советы, даже если кажется, что сам знаешь. Обязательно найдешь для себя что-нибудь новое». А тренерские победы – лишь статичные этапы. Жизнь это постоянное движение вперед.

13. Руководитель правительства

Последние годы перед пенсией я работал в детской школе ЦСКА, затем какое-то время тренером и начальником команды ветеранов. Таким образом, я серьезно поварился в футбольной каше всех возрастов. И нет более преданного футболу народа, чем мальчишки. Если говорим, что театр начинается с вешалки, то весь футбол начинается с детских спортшкол. Многие считают, что для детей не столь важна победа, что они смеются и играют только в свое удовольствие. А у меня в практике был немного казусный, но фантастический случай. Тренировал я группу восьмилетних футболистов. После матча смотрю, мой вратарь стоит и плачет, не идет в раздевалку. В чем дело? А он обкакался, бедненький. Увел я его под ручку в тренерскую комнату, раздел, помыл, позвонил родителям, чтобы привезли какое-нибудь белье. Мама в слезах:

– Господи, ну что же ты не попросился?

– Да говорил я Витьке, защитнику. А он мне сказал, что выигрываем 1:0. Тренер мне доверяет, а если уйду, то проиграем. Терпи, сказал, мужик...

Вот вам и игрушки. Надо сказать, что уровень развития детского футбола определяет реальную силу взрослого. После войны вся страна жила футболом. Математика, физика – по боку, с утра до вечера гоняли тряпичные мячи. Потом дворы стали застраивать, эра «футбола пустырей» закончилась. И в нашем хозяйстве

наметился некоторый спад. Стадионов было не так много, чтобы охватить всех желающих мальчишек. Они слетались как пчелы в ульи, шумели, галдели, трудно было провести полноценный набор. Миша Месхи, когда работал в школе в Тбилиси, поступал довольно оригинально. Выстраивал мальчишек и командовал:

– Пятерочники – пять шагов вперед, четверочники – четыре, троечники – три и так далее.

Тех, кто учился на пятерки, даже не смотрел, говорил, спасибо, что пришли, идите, учитесь, поднимайте Грузию в науке, в искусстве. А с двоечниками начинал работать. Потому что возникала парадоксальная ситуация. Не всем талантливым мальчишкам хватало денег, чтобы даже добраться до стадиона, не говоря уж о том, что позже надо было на свои деньги форму покупать, скидываться на сборы. И получалось, что на первые роли выходили состоятельные, но посредственные ребята.

Потом ведь раньше не было такой разницы в оплате труда тренеров команд мастеров и школьных наставников. Наши выдающиеся футболисты с охотой шли в школы, не стремились сразу в клубы высшей лиги. Бесков, Царев, Ворошилов, Ивакин, Паршин, Гринин, Алик Шестернев, Валя Емышев всех не перечислишь. А Эдик Стрельцов! Любо дорого смотреть было: за ним пацаны шли, как за уткой, гусятник целый. Спрашивают:

– А как вы, Эдуард Анатольевич, пяткой били?

Эдик:

– Пожалуйста!

Ребята впитывали это, как промокашка.

Еще раз повторю, что я думаю о ранней специализации футболистов. Такой принцип существовал, когда ребята из дворовых команд приходили по существу готовые. А сейчас нельзя мальчишек с восьми лет распределять по позициям. Лет до двенадцати для них футбол должен быть в радость. Я недавно наткнулся на статью Круиффа. Совпадение – буквальное, только он ставит планку еще выше: четырнадцать лет. С этого возраста можно говорить уже о склонности паренька к тем или иным игровым действиям. В Германии, например, будущее амплуа юного футболиста зачастую определяют по попке, ягодичным мышцам. Тренеры говорят:

– Если она не прямая, а есть припухлость, такой мальчик будет скоростным – хороший крайний нападающий. Если зад плоский, нет у него увеличения ягодичной мышцы, то игра будет тягучей.

Тарасов во главу угла ставил характер парня. У него даже термин такой был: «игровой бандюга». Говорил: «У меня Юрка Пантюхов игровой бандюга. Ему только скажи: Юханссон. И он начинает его печатать, где только попадетя». Не жалеет себя, лезет в борьбу, хулиганистый – получится хороший защитник. А на роль диспетчеров подходят более культурные мальчишки, склонные к творческой игре, созиданию.

Еще очень полезны для селекции другие виды спорта. Когда еще дождешься, что паренек перестанет смотреть на мяч вниз, будет контролировать периферическим зрением. А в баскетболе и гандболе голова всегда поднята. Сразу можно определить, как будущий футболист видит поле. Некоторые могут отдать пас только ближнему, а у других за счет врожденного таланта уже три-четыре варианта в голове. Это говорит о склонности к творческой работе на поле.

Сейчас в детском футболе наметился очевидный сдвиг. В этой связи приятно видеть, как изменилась работа с детьми в нашем клубе ЦСКА. Президент Евгений Леннорович Гинер сам пробивал себе дорогу в жизни своим умом, горбом. Родители умерли рано, его бабушка воспитывала. Так что он не понаслышке знает, как важна забота для детей. Построили два прекрасных искусственных поля, ребята учатся в интернате, некоторые годы их кормят за счет клуба, чтобы сытые на тренировку приходили. Сборы, зарубежные турниры, форма. Тренеры стали прилично получать. Правда, и спрос жесткий. Примечательно, что на базе на Песчаной ни в одном буфете не найдете спиртного.

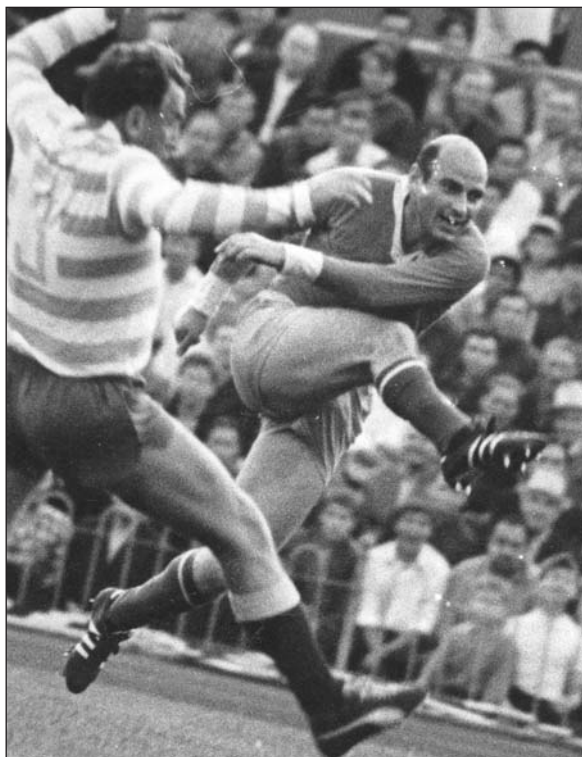
Впрочем, это касается не только детей. В отношении к основной команде у Гинера есть очень ценное качество: он не лезет в дела тренера. Несмотря на то что за иных игроков уплачено по несколько миллионов долларов. Все это я говорю, не ради красного словца и тем более без подбострастия. Просто, я в футболе пять с лишним десятков лет и впервые с гордостью увидел, что и у нас в России можно комплексно и четко решать вопросы в рамках большого клуба. А успехи при такой организации обязательно придут.

Большое внимание Гинер уделяет поддержанию клубных традиций. И не только. Лично мне как руководителю ветеранского движения ЦСКА Гинер ни разу не отказывал, касалось ли это сложных медицинских операций или материальной помощи ветеранам. Это большой чисто человеческий шаг.

Вообще, ветеранское движение – жизненно необходимая часть футбольной индустрии, а не просто «ностальгия по прошлому». После десятка лет высочайших нагрузок ни в коем случае нельзя сразу вешать бутсы на гвоздь. Мы ездили как-то сборной ветеранов СССР в большое турне. И к нам присоединился поэт Евгений Евтушенко. Выходил на разминку в майке под тринадцатым номером, диктор объявлял под шквал аплодисментов: «Под тринадцатым номером разминается великий советский поэт, Евгений Евтушенко!» Евтушенко вводил мяч в игру – и на скамейку. Хомич меня подначивал:

– Валь, давай поставим хоть на пятнадцать минут.

– Да ты что! Вдруг чего-нибудь случится, нас с тобой потом четвертуют – великого урбали!

«Железная нога» не стала слабее

А вот на встречах с болельщиками, Евтушенко уже отыгрывался за всю сборную. Потом банкеты. Женя, творческий человек, делал короткие зарисовки, юмористические обобщения. Всем футболистам «раздал» по министерскому портфелю, сообразно личным качествам. Мудрик был министром культуры, потому что постоянно делал замечания по внешнему виду, я – министр иностранных дел за склонность к миролюбию. И еще он очень точно выска-

зался обо всем ветеранском движении, сравнил нас с алкоголиками. Сказал, что у алкоголика обязательно должен быть медленный выход из большого заглота. То есть, если пьет человек месяц, он должен медленно выходить, не сразу. Сегодня литр, завтра пол-литра. Иначе кранты. Так же и у футболистов. Постепенный выход из бешеного тренировочного ритма. Лев Иванович Яшин, например, сразу бросил играть, стал начальником команды, таким генералом, что ли, общественным деятелем. Располнел, тяжелый стал. А вот Хомич продолжал играть в футбол и крепко держался. Медленный выход из большой нагрузки.

Для самих ветеранов значение этих матчей трудно переоценить. Не знаю, какой будет психология будущих ветеранов, ныне действующих футболистов. Мы еще не осознали, что игрокам теперь платят заоблачные деньги в период выступлений. А тогда футболисты, естественно, не зарабатывали на всю оставшуюся жизнь. И встречи с братьями по крови не столько были материально стимулированы, сколько добавляли психологической уверенности. Да и в творческом плане. Мне, например, за свою карьеру не посчастливилось выступать в одной команде с Бесковым, Трофимовым, Грининым. А ведь их игровые действия считались классикой, образцом для подражания. И каково выходить на поле рядом с Чепцом, как бы играть за Бескова в послевоенном «Динамо»? Однажды Трофимов отдал мне пас и ждет ответа в касание, как с Константином Ивановичем они привыкли в стенку играть. А я сделал ложное движение, показал, что буду переводить налево. Защитник выключился, в носу начал ковырять, а я в то же касание вернул Трофимову, только после небольшой паузы. Василий Дмитриевич стоит. Как он потом себя ругал!

– Валь! Извини, я подумал, не отдашь. Надо было идти до конца! Заводились, как в былые времена. Силенок уже не хватало, быстрота выполнения движений, скорость пропала, осталось мастерство, высокое тактическое мышление и необыкновенный кураж. До смертей дело доходило. Как Андрей Миронов умер на сцене, так и у нас Сергей Сальников. В раздевалке после матча, улыбаясь, сказал тонкому ценителю паса Амбарцумяну:

– Слав, а как я тебе пас дал – черпачок?!... Нагнулся развязывать бутсы и умер...

Наш приезд всегда был праздником для болельщиков. Не сочтите за старческое нытье, но мы в свое время были гораздо ближе

к любителям футбола. И по зарплате, и по расстоянию. Сейчас попробуй, подойди к футболисту после игры. Они сразу в автобус – и все. А нас привозили в Москве только на игру, а обратно – своим ходом. Я еще мальчишкой помню, как идут великие с фибровыми чемоданами от южной трибуны до метро «Динамо». Вокруг толпа народу, что то кричат, руки пожимают. Мы деремся за право донести чемодан до метро. Как-то шли после матча ЦДКА Бобров с Федотовым, Володька еще совсем маленький был. Я умудрился ухватить чемодан Боброва, так что был рядом. Володька нашел какую-то банку, пнул ее ногой, отскочила к Всеволоду Михайловичу. Тот:

– Вовк, держи!

И, как мальчишка, своими модными ботинками перепасовывает банку. Народ смеется: «Шведой, давай!» Помню, играли в Калуге два матча. После первой игры банкет. На следующий день выходить, Эдик Стрельцов занемог, перебрал немного. Остался в гостинице, мы приехали на стадион, а народ скандирует:

– Стрельцов! Стрельцов!

А Стрельцова-то нет. Он после усугубления. Мне говорят, Борисыч, давай чеши, он тебя послушается. Я схватил легковую машину и прямо в форме поехал за Эдиком в гостиницу.

Разбудил его, говорю: «Давай быстро, народ там только тебя и ждет. Отдашь пяткой пару пасов, и все». Он:

– Честно?

– Честно, честно, поехали.

Вышел, мы все на Эдика играем, стадион затих. Вот фирменный пас пяткой! Отдал и под бурю аплодисментов пошел. Минут через пять глядим, а он уже в народе сидит на трибунах, ему кто-то уже подносит. Эдика народ страшно любил. Там даже хохмы из-за этого были. Вообще, нам, кроме небольших премиальных, давали подарки – кто чем богат. На Севере – рыбы, икры. В Молдавии – яблок, вина. Мы все это поровну делили. Если на глаз не делится, то по жребию. Был у нас «скандалист» Костя Крыжевский. Все подозревал Хомича, который был на раздаче. Хомич кричит: «Кому?» Мы отвечаем: «Крыжевскому». Костя идет получать и ругается:

– Это как же так?! От такого большого осетра мне одна голова досталась? Ты что, специально это?

– Ничего, ничего, суп сварить. Знаешь, какой вкусный суп получается из осетровой головы!

В Кишиневе каждому дали по мешку яблок, а персонально Эдику – канистру со спиртом, трехлитровую. Крыжевский опять возмущается: надо этот спирт делить поровну. Эдик говорит:

– А как его делить-то? Давайте я вам свой мешок с яблоками отдаю, а спирт оставьте.

Ну и под общий смех идет перебранка. Молдаване видят такое дело и приносят еще одну канистру - Крыжевскому. Тогда я встаю и говорю:

– Костя, ты был прав, Эдик поступил несправедливо, не по-товарищески. Возомнил о себе. Надо разделить эдиковский спирт. А заодно и твой.

Костя кричит:

– Чего делить-то! Это я так, чтобы Стрельцов не зазнавался, а вот если б тебе дали, я б ни слова не сказал!

Для некоторых ветеранов такие выезды были дополнительным приработком, а у кого-то и просто основным. Позже это дело поставили на серьезную основу. У тренера Полякова Владимира Михайловича даже ставка специальная была в спорткомитете. А еще позже при Лешке Еськове и игроков поставили на ставки. При нем, кстати, в Австралии наши ветераны выиграли чемпионат мира по своей возрастной группе...

Футбол – это вид спорта оптимистов. Я считаю, что у нашего футбола большое будущее и мы будем прекрасно выступать на чемпионатах Европы и мира. Это будет лет через пять-шесть. Для меня в семьдесят лет самое оптимистичное, что во мне нуждаются. Есть хорошее слово: востребован. Одни приглашают, другие. Если б можно было прожить жизнь заново, я бы снова связал ее с футбо-

Награда нашла героя

лом. И мне сейчас в семьдесят лет радостно, что я могу учиться футболу заново, как когда-то мальчишкой.

И эта востребованность не означает вручение праздничных наград на парадных банкетах. Лет пять тому назад меня пригласили тренировать команду Правительства России. Когда я начал работу, посмотрел – господи, за что же я взялся! Такой хаос был, как мальчишки во дворе. Работая в этой команде, я понял такую вещь, что они, несмотря на высокое положение, просто как люди воспринимают эту игру, всем сердцем. Тренируются в любую погоду. Круглый год. И хотят учиться играть!

А если смотреть со стороны, то личные качества этих любителей отражаются на игре. Бурбулис свое философское мышление перенес на поле. У него хороший вкус к игре, понятие, он может вовремя отдать пас, найти острый ход. Шаронов – футболист с большой стартовой и позиционной скоростью. Думаю, если бы он с самого начала играл в футбол, была бы у него школа, он играл бы в команде мастеров. То есть скорость и обводка, продвижение вперед. Сысуев хорошо играет головой, шаг большой. С ударом. В воротах стоит Сережа Гончаров, генерал из ведомства Шойгу. Как интересно жизнь переплетается, ведь его сын Дима, известный ныне вратарь, был еще моим воспитанником в школе ЦСКА. Это тот случай, когда дети учат отцов. Но самое приятное, что все эти талантливые люди стараются выполнять установку, и прогресс команды очевиден...

Все это я говорю не ради похвалы (хоть и очень хочется похвалить). Они научили меня простой мысли, что футбол един для всех – от министра до токаря Войковского завода. В этом мое счастье. И надеюсь, счастье всех, кто любит футбол.

Спасибо вам, моим многочисленным друзьям, с которыми меня свела долгая футбольная жизнь!